

ВАСИЛИЙ КОЖУХОВИЧ

ДЕБАНТ
НА
МУСТА-
ТУНТУРАМИ

ДЕСАНТ НА МУСТА-ТУНТУРИ

Василий Андреевич Кожуховский

Документальная повесть

Содержание

ПРЕДИСЛОВИЕ	4
ГЛАВА 1. ТЕНИ НА СКАЛАХ	6
ГЛАВА 2. ПЕРВЫЙ РЕЙД	45
ГЛАВА 3. ИСПЫТАНИЕ НА СТОЙКОСТЬ	61
ГЛАВА 4. ПЕРЕДЫШКА	74
ГЛАВА 5. ОПЯТЬ РЫБАЧИЙ	81
ГЛАВА 6. РАДОСТЬ ПОБЕД	92
ГЛАВА 7. БОЙ ЗА ВЫСОТУ „ЯЙЦО“	95
ГЛАВА 8. ОГОНЬ НА СЕБЯ	104
ГЛАВА 9. А МАТЬ ВСЕ ЖДЕТ...	118
ГЛАВА 10. ПРОПАВШИЕ БЕЗ ВЕСТИ	130
ГЛАВА 11. ВЕТЕРАНЫ	139
ПОСЛЕСЛОВИЕ	153

OCR издания Мурманского книжного издательства 1975 г.

Версия OCR: 25.03.2022

**ВАСИЛИЙ
КОЖУХОВСКИЙ**

**ДЕСАНТ
НА
МУСТА-
ТУНТУРИ**

МУРМАНСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО, 1975

ПРЕДИСЛОВИЕ

Трудно переоценить роль морской пехоты в боях за Советскую Родину против немецко-фашистских захватчиков в минувшей войне.

О морях, сошедших с кораблей защищать Одессу и Севастополь, Сталинград и Москву, Ленинград и Ханко, написаны романы, повести, мемуары, созданы фильмы. Есть произведения и о защитниках Мурманска, фронт которого с начала войны считался Ленинградским направлением. Но, к сожалению, этот участок фронта, в сравнении с другими, считался почти второстепенным. По этой причине до сих пор и рассказано недостаточно современнику о правом фланге великого фронта, где на скалистых берегах Баренцева моря всю войну стояли советские защитники дальних подступов к Мурманску — полуостровов Среднего и Рыбачьего.

Захватить Мурманск для немецко-фашистского командования значило лишить нас важной коммуникации, связывающей со странами антигитлеровской коалиции, и получить возможность свободного вывоза богатейших природных запасов Кольского полуострова, наконец — плацдарм, удобный для развития дальнейших наступательных операций с Севера в глубь страны.

Не случайно Гитлер сосредоточил на этом направлении отборные, испытанные в боях горноегерские и гренадерские дивизии, участвовавшие в захвате Северной Норвегии и Крита.

Война в Заполярье потребовала от наших войск и Северного флота наивысшего напряжения моральных и физических сил.

«Умереть — но Рыбачий защитить! Убитый фашист на Севере не придет на Юг» — таков был лозунг североморцев — защитников полуостровов Среднего и Рыбачьего.

В самых, казалось бы, невыносимых условиях, — в дожди и туманы, в морозы и вьюги — советские морские пехотинцы-разведчики наносили удары там, где их не ожидали гитлеровцы.

Книга «Десант на Муста-Тунтури» написана об этих людях человеком, непосредственно пережившим войну. Ее автор — он в 1940 г. прибыл служить на Север, а затем дважды совершал рейды в глубокий тыл врага, участвовал в оборонительных боях, хорошо известных рыбачинцам, — рассказывает о самых близких ему людях, по крупицам вносящих свой вклад в общую победу.

В книге военных мемуаров известного артиллериста-рыбачинца Федора Поночевного «На краю земли советской» есть небольшая глава «Юневич вызывает огонь на Себя».

Отряд капитана Юневича А. Я. в составе сорока восьми разведчиков 29 марта 1943 года ушел в тыл врага. Из сорока восьми вернулся только один.

Кто они, сорок семь «пропавших без вести»? как сражались в том бою? кто он, этот сорок восьмой? В книге Ф. М. Поночевного об этом ничего не сказано. Трудную задачу поиска взял на себя автор настоящей повести Василий Андреевич Кожуховский.

Не будет преувеличением, если скажу, что я любил умного и отважного разведчика капитана Александра Яковлевича Юневича. Он не раз выполнял весьма сложные боевые задания. Весь Рыбачий гордился бесстрашным сыном белорусского народа. Подстать себе он и бойцов подбирал в отряд.

Стержневыми персонажами повести стали именно Юневич и его отважные питомцы-разведчики, впервые так полно представленные читателю. Заслугой автора является то, что он первый задался этой благородной целью и решил её, на мой взгляд, успешно.

Повесть «Десант на Муста-Гунтури» — это гимн смелым и сильным духом морским пехотинцам.

С. КАБАНОВ
Генерал-лейтенант в отставке

ГЛАВА 1. ТЕНИ НА СКАЛАХ

22 июня сорокового года молодые коммунисты и комсомольцы земли томской с песнями уезжали на военную службу. Стройные, как солдаты, чубатые сосны, остроконечные пики елей и белоствольные березы в защитных плащах-накидках полками стояли во фронт, провожали уходящий эшелон.

Путь новобранцев лежал на север, в Мурманск, а оттуда — на край земли: на полуостров Рыбачий.

Многие ребята моего времени мечтали в детстве стать моряками. Полосатая тельняшка и бескозырка с ленточкой. Океаны, моря, шторма, акулы. А по морям и океанам там, невзирая ни на что, ходят корабли. И ведут их отважные капитаны.

Так было и со мной.

Впервые с мятежным морем познакомился я на борту транспортного судна, доставлявшего безусых и стриженных парней из Мурманска на Рыбачий — маленький полуостров, выдвинувшийся в Баренцево море возле границы с Норвегией. Из трюмов подниматься наверх запрещалось, но нам со школьным другом Николаем Симоновым хотелось хоть одним глазом взглянуть на море. И мы рискнули, пошли крадучись.

Над морем гремел какой-то очумелый оркестр: стучали барабаны, надрывались гитары, бренчали медные тарелки, визжали скрипки, саксофоны, флейты. Ветер нес запахи прелых водорослей и гнал на судно остервенелых пегих собак — и они разбивались о стальной корпус, взлетали вверх мелкими брызгами, сплошь окатывая палубу.

Мы представляли море, в основном, по книге Гончарова «Фрегат „Паллада“». Именно таким, как видели сейчас: вздыбившимся, ревущим, косматым, темным. Волны доставали до капитанской рубки. К нам подскочил немолодых лет моряк, хватил того и другого за рукав:

— Куда вас черт понес, болваны!..

Как курицы с дождя вернулись мы в трюм, а там командир:

— К Нептуну собрались? Так, так. Еще до своей части не доплыли, а характеристику подмочить успели...

Службу нашу, однако, мы начали не в морской, а в армейской шинели — курсантами полковой школы на берегу Мотовского залива в губе Эйна. Симонова и меня зачислили в один взвод и в одно отделение — минометчиками.

С трех сторон смотрели на нас теперь сопки, большую часть времени прикрытые туманом. В солнечную погоду за голубой чертой Мотовского залива они казались пологими, посиневшими. Но таких дней было мало: чаще моросил мелкий дождь — прятал от нас все окружающее.

Наш приезд совпал с удивительным зрелищем: над бухтой роем клубилось крикливое белое облако чаек, наверное, слетавшихся со всего полуострова. Оказалось, тюлени загнали в бухту огромный косяк трески, которую нам предстояло, как дрова, выкидывать руками на

берег и отправлять машиной на кухню.

В гарнизоне было всего три бревенчатых дома: один — для семей командира полка и начальника штаба, остальные для командного состава подразделений.

Военные казармы наполовину врыты в землю, а внутри — электрический свет от движка, уют и порядок.

Мы не пожалели, что попали служить на Север. Все для нас было открытием. Скалистые сопки, издали кажущиеся синими, лишенными какой-либо растительности, на самом деле изобиловали ягодами, грибами. Не заходящее по три месяца за горизонт солнце. Новые люди. Боевая техника, в числе которой — миномет, известный нам по скудным газетным информациям периода финской кампании как самое маневренное и сильное оружие в горных условиях. Его и предстояло нам носить на руках и заботиться о нем, как о ребенке.

Симонова в минометном расчете определили заряжающим. Я, поскольку был выше ростом, как раз годился в наводчики. А подносчиком мин дали нам Леню Федотова, приехавшего из Коми АССР. Каждому предстояло носить на выючных ремнях за спиной около двадцати килограммов: мне — ствол, Симонову — двуногу, Федотову — опорную плиту.

Рыбачий! Что ни день — то новые впечатления. Рыбачинская тундра все сильнее брала за душу и манила из казарм в сопки, на берег.

Замшелые валуны. И на тебе: русская красавица: береза! Даже на крайнем Севере приспособилась жить.

Раскинула по каменным плитам свои ветви. Корнями вцепилась в трещинки камней. Но мало в тех трещинах питательной среды — как карандаш, тонок стебелек, но крепок. И листочки — с копеечную монету. Береста коричневая: солнца мало, не выпцвела. Далеко не похожая на сибирскую, мохнатую, с детства запомнившуюся нам весенним соком. Дорого обошелся ей далекий путь с материка — карликовой стала. В изломанных ревматизмом ветвях и кореньях можно разглядеть и фигуру ползущей гадюки, и застывшую в прыжке лягушку, которых, кстати, на Рыбачьем не водилось. Поверти в руках другую — и оленя найдешь, и летящую чайку, и куропатку. Во весь опор мчащихся лошадей и косулю. Лисицу. Зайца. Какую-то рыбу... Словом, сама природа хотела помочь рыбачинской березе переродиться в живое существо, подбирая одно, другое, лишь бы облегчить ей освоение на Севере.

Таскаться с минометом по сопкам было нелегко, а в казармах сидеть надоедало однообразие. В сопках шли одна за другой ягоды: морошка, черника, голубика, брусника. Нет-нет да и соберешь пригоршню и витаминами заправишься. Однажды наш взвод набрел на такую полянку брусники — даже сам командир младший лейтенант Александр Илюшичев не удержался, скомандовал:

— Воздух! Ложись!

Разбежались в разные стороны курсанты и упали в красный ковер.

Одновременно с брусникой шли грибы. Эти росли всюду, где мох был и хоть немного перегноя от опавших листьев и старой растительности. И не надо было напрягать зрение,

искать их, как ищут в траве и под листьями в лесах Сибири. Больше смотрели под ноги, чтобы не наступить на гриб. Колониями растут красноголовые и белые с бархатистыми шляпами. Различных величин: от наперстка до ведра. Звонкие и тугие, как арбузы. Вместо бруствера для стрельбы из винтовки при случае применить можно. Их не источала грибная муха: ее там нет. А собирать — некогда, не во что и незачем. То бишь, нашлось бы зачем — грибовницу съесть никто не отказался бы. У курсантов, однако, главное — учеба, а грибы-ягоды — при случае.

Первая рыбачинская зима отнеслась к новичкам как злая мачеха. Без конца хмурилась облаками. В полярную ночь они до жути неприветливы. То пурга, то метели выли — в одиночку выходить из казарм запрещалось. А служба требовала ходить в караул, в дозоры — рядом граница. И как бы ни злилась мачеха, ни хлестала по лицу пасынков, а стоять на посту надо было. Стоять и слушать свист ветра — улавливать в нем посторонние звуки, шорохи. Зато какой наградой после этого был чайник на железной печке, фыркающий крепкой заваркой!

Пурга заметала все начисто. Пропадали дороги, тропы. Чтоб не сбиться с пути — натягивали тонкие веревки и ходили, держась за них, от поста к посту, от казармы к казарме.

Зима тоже по-своему была интересной. Не всегда свирепствовала пурга и выли ветры. Мы задирали голову в небо и любовались, как из края в край, туда и обратно ходили разноцветные волны. То гасли, то вспыхивали вновь — светлее становилось от них — вырисовывались контуры снежных сопок.

Летом до середины августа не заходило за горизонт солнце — стоял полярный день, а с декабря заступила на вахту полярная ночь. Лишь в марте посветлело, а в мае пришли белые ночи, после них — опять полярный день.

Ранней весной мы очутились в плену «птичьего базара». Пернатые встретили нас на дальних подступах, тотчас оповестили своих сородичей об опасности и ринулись на защиту гнездовых. Небо — полно тревожных криков. Чайки пошли в атаку — пикировали, поливали сверху пометом. Набрасывались на степенных бакланов — будто те были основными виновниками беспокойства. Но бакланы, в большинстве своем без боязни, оставались на гнездах. Вытянув шей, они басили о том же, о чем и все, — зывали о помощи. Тут же — и кайры, и тупики с топоринными клювами. Тут же и гагарки выстроились солдатиками.

Если бы вся эта пернатая армада вдруг сложила крылья и спустилась на свой обетованный «пяточок» — ей-богу, не хватило бы места. Заселены все проталин, все выступы на отвесных скалах. В небольших углублениях лежало по несколько соломинок, а на них — по одному, по два, по три пестрых заостренных яичка — чайкиных. Тут же, рядом с ними, — гнезда с утиными яйцами, до десятка штук в каждом, а среди них по одному, по два черных — какие-то заблудились в великом множестве гнезд, в чужие отложили.

Как осенью грибов — столь рассыпано яиц. Ступить некуда. Кое-где валялась уже скорлупа, а в гнездах, притаясь, лежали пуховые комочки: желтые, серые, пегие. Окрепшие подхватывались из гнезд и катились мячиками до первого камня, совали под него клювик — хоронились от людей. А те, что находились на выступах отвесных скал, падали в море — там било их волной о гранит. Слабые гибли, сильные оставались. Мир здесь тесен. Но этот

мир немыслим без такого вот зазывного и одичалого крика. Захватывало дух от восторга. Это не то одинокое гнездышко тетерки, которое мать просила в детстве не трогать. Птицам тоже дороги свой мир, своя жизнь — недаром же, увидев опасность, ударили они в набат, готовые за потомство пожертвовать собою.

Долго после этого слышались мне голоса птиц, мерещились горластые обитатели. Отцвели уже подснежники, ромашки, васильки, брусника, черника — произошли перемены и на «птичьем базаре».

Гарнизон уже спал. Я вел смену караула к единственному пирсу в Эйна и в мыслях вернулся на тот базар спустя неделю — в пору массового выклева птенцов.

Передо мной открылась совершенно новая, необычайно увлекательная картина радости матерей и отцов, самозабвенно хлопочущих возле своего потомства. Будь это не плод моего домысла и не тогдашнее, а теперешнее время, я смог бы сделать фильм, озвучить его естественной какофонией невообразимого писка младенцев и довольного гоготания взрослых, и вынес бы к нему эпитафией слова: «Этот мир надобно беречь всеми силами!» - и подарил бы его людям... Я шагал, и в моих ушах виолончелью звенели голоса пернатых. И в этот самый миг до меня донеслось жужжание. Я глянул в голубое, безоблачное небо белой ночи. Над свинцовой гладью Мотовского залива курсом на Эйна летели девять шмелей. Через несколько минут у шмелей выросли крылья, а звук стал стальным.

Самолеты шли тремя звеньями. При подлете к Эйна одно звено отделилось, ушло над заливом в сторону Титовки.

«Учения», - подумал я, вспомнив недавний разговор с командиром взвода: «Где-то в море корабли. Там и начнутся совместные маневры...» В бухте Эйна на рейде стоял транспорт «Мария Ульянова». Ведущий самолет вдруг ринулся на судно. За ним - второй, третий! Бомбы с воем полетели на транспорт. Приказываю укрыться кому где. Сам бросился к большому камню, когда-то свалившемуся со скалы, стеной прикрывавшей бухту с запада. Возле транспорта поднялись косматые столбы воды и грунта. Ревели сирены, моторы, выли, свистели стабилизаторы бомб. Сотрясалась земля. Горячая волна воздуха ударила в лицо, вдавила пробки в уши. Посыпались камни, обломки досок. Окатило грязью. То вниз, то вверх носились крылья со свастикой. Строчили пулеметы. Рев моторов, собачий плач бомб, стрельба и взрывы слились в единый оглушительный грохот. Минута. Третья. Пятая. Это все рядом. Эпицентр клокочущего вулкана. Ударили по врагу зенитные пулеметы — пушек не было. Я положил винтовку на камень, дернул затвор — дослать патрон, но затвор заклинило песком, не поддается.

— По самолетам — огонь!

Услышал ли кто мою команду, сомневаюсь. Рвались бомбы, строчили длинные очереди пулеметов. Били фашисты по транспорту, а зенитчики гарнизона по асам. Летели во все стороны трассирующие пули. И на радость нам, мазнул-таки один самолет в небе черной кистью, хвост дыма обрел и скрылся за сопку. Остальные, уже без бомб под крыльями, нырнули еще по одному разу, метнули огонь на транспорт и ушли на Петсамо.

В реве моторов и грохоте взрывов я не сразу почувствовал, как ударило меня сверху камнем. Только теперь потемнело в глазах. Подхватили меня под руки: я увидел ребят спустя минуты две — это были караульные. Рядом — громадная воронка с водой на дне

цвета буфетного кофе с молоком. Возле нее лежал часовой, не дождавшийся смены...

Гарнизон подняли на ноги в пять утра. От казармы к казарме бегали посыльные. Слышался цокот копыт: во весь опор мчали на взмыленных лошадях связные и нарочные из соседнего гарнизона и с пограничной заставы.

Над пирсом мельтешил огромный, крикливый рой чаек. Там всплыла оглушенная бомбами рыба: мелкую чайки растаскивали, а крупную не могли, кричали от досады.

На складах полным ходом шла замена оружия, выдача боеприпасов и продовольствия. Артиллерия и автопарк выходили на дорогу — готовились к маршу.

Потом полк в боевом снаряжении построился на плацу — там, где вчера произведен был последний развод гарнизонного суточного наряда. Где-то в небе опять гудели самолеты. Со стороны Кольского полуострова доносились тяжелые взрывы.

Лица бойцов — встревожены. У одних в глазах — недоумение, у других — гнев.

Митинговать — рискованно. Скопление войск — мишень для авиации. Потому говорили коротко. Конкретно. Ясно и так: мирные дни кончились. Враг силен и опасен. А Родина — одна.

К полудню гарнизон опустел. В Эйна осталась одна рота под командованием бывшего начальника полковой школы лейтенанта Миронченкова. Минометный взвод школы ушел на пополнение батальонов полка. Николай Симонов попал в дивизион тяжелых минометов. Илюшичева послали в первый батальон командовать минометной ротой. Из минометчиков школы В Эйна остался один я — младший сержант, временно назначенный командовать взводом в роте Миронченкова.

Друзья все ушли к границе, а я хоронил на плацу гарнизона первых погибших: часового и двух из команды судна. Моряки пали от вражеских пуль.

Потом грузил в транспорт детей и жен командного состава укрепрайона. Снова налетали стервятники. Опять стучали пулеметы, ревели моторы. Содрогалась земля. Поднимались к небу косматые столбы воды пополам с грязью. Полыхало языкастое пламя. Плакали дети.

Но бомбы и на этот раз в судно не угодили. Одна подожгла пустую казарму. Враг обрадовался, облетел над бухтой, не иначе — зафиксировал результаты бомбежки на фото пленку и убрался.

Тут же в район пожара были доставлены дымовые пашки. Вскоре над заливом легла завеса, и «Мария Ульянова», в сопровождении двух морских охотников, ушла к берегам Большой земли.

Это была пока воздушная война. На взятие Рыбачьего фашисты тратят своих дивизий не стали, думали решить судьбу его действиями центральных фронтов. Лишь спустя неделю после начала войны они перешли в наступление на полуостров Рыбачий. Титовка была уже в их руках.

В Мотовский залив вошли два эскадренных миноносца, обрушили артиллерийский огонь на головы фашистов, устремившихся по дороге от Титовки на Средний. У нас на душе

полегчало: полк не одинок — вместе с флотом! Враг натолкнулся на контратаки сто тридцать пятого полка, перешел к обороне.

Позднее нам стало известно, что это были эсминцы «Валериан Куйбышев» и «Урицкий». Их огонь корректировал высадившийся на занятую врагом территорию лейтенант Песков.

Мы рыли окопы в Эйна — по кустарникам вдоль речки. Строили землянки и укрытия. Грунт — щебенка пополам с песком: не надо толком рвать, обходились киркой, ломом, лопатой. Споро шло дело. Мы рыли котлованы, ставили столбы, обшивали стены землянок досками, настилали нары. Ровняли на крышах грунт. Носили дерн, маскировали...

Так шли дни, недели. Тревожными были сообщения с Большой земли: «Немцы идут на Москву...» Мы недоумевали: «Как? Неужели это уже все? Почему?..» Смотрели друг на друга, а спросить боялись. А топоры тюкали. Молотки стучали. Шуршала щебенка в совковых лопатах.

...На плацу тоже такая щебенка. В ней лежат уже трое наших. Остался на земле маленький холмик и один на троих сосновый столбик, увенчанный звездочкой из снарядной гильзы. А где-то ждут их писем, ждут самих...

С перешейка Среднего в Эйна поступила первая партия раненых для отправки на Большую землю. От них мы узнали такое, о чем никогда не могли подумать. За титовским мостом сошлись в долине полки лоб в лоб. В рукопашном бою полегла не одна тысяча и наших, и немцев. То место называли «Долиной смерти». Враг овладел Титовкой, рвется на Рыбачий. Батальоны сто тридцать пятого стрелкового, сто четвертого пушечного полков, пятнадцатый и семнадцатый пулеметные батальоны преградили путь фашистам на сопках 122,0, 40,1 и Муста-Тунтури. Комендант укрепрайона полковник Красильников выехал руководить боем на передний край. Это совсем рядом: слышны взрывы, пулеметная стрельба...

А в небе то и дело гудели самолеты: наших нет — все немецкие. Безнаказанно бомбили тылы, расстреливали на дорогах автотранспорт, лошадей. Не радовали нас больше белые ночи — они были на руку врагу. День был как день. Работы шли к концу. Я приставил к стенке землянки лопату, снял пилотку, объявил перекур и присел на каску рядом со своим ППШ.

— Встать! Смирно! — скомандовал кто-то из бойцов.

Пришел командир роты. Высокий, стройный лейтенант с крупным угреватым лицом. В каске. С противогазной сумкой на боку. Молчаливый и строгий в прошлом, теперь — улыбается весело, вернее, хочет быть веселым, неунывающим.

Первый вопрос ему:

— Как на фронтах?..

Лейтенант ответил не сразу. Подумав, сказал:

— Садитесь.

А ему снова:

— Как у нас, на перешейке?..

Завыла в кустах сирена: воздушная тревога.

Вместо ответа лейтенант приказал:

— В укрытие!

Бойцы разбежались по кустам, мы с лейтенантом остались вдвоем, вошли в только что достроенную землянку в один накат бревен, тщательно замаскированную сверху. В небе противно гудел «костыль» — так называли фашистского разведчика «фокке-вульф».

— Бойцов интересуют дела на фронтах? — заговорил лейтенант у порога землянки. — Этот вопрос волнует всех, в том числе и меня. Но прежде ответь мне, товарищ командир взвода, — он перешел на «ты». — Где твои люди, целый взвод бойцов?..

Я глянул командиру в лицо и, не задумываясь, ответил:

— Как где? В укрытии... в кустах...

— А кто ими командует там? — лейтенант по-свойски взял меня под локоть, и мы ступили за порог в траншею.

Гул в небе нарастал. Была высокая несплошная облачность. Враг прятался сколько мог. В промежутках облаков показались шесть бомбардировщиков — шли на Эйна.

В нескольких шагах от нас из кустов торчали чьи-то ноги в обмотках.

— Советские воины по всему фронту проявляют героизм в боях с численно превосходящими силами немцев, а это что такое? — лейтенант показал на эти ноги. — Славно бьются и рыбацинцы. Немцы остановлены. Пограничный знак на Муста-Тунтури остается неприступным...

Мы стояли в траншее, замаскированной ветками. Самолеты развернулись над бухтой, начали бомбить причал. В ответ ударили пулеметы. С сопки слышались одиночные выстрелы. Кто-то совсем рядом открыл огонь из кустов.

— Ты с ума сошел! — раздался — крик. — Перестань! Себя обнаружишь! Разбомбят нас к чертовой матери!..

А бомбы свистели. Падали возле причала, поднимая грязь и воду косматой ведьмой. Земля охала. Осыпались стенки траншей. От запаха тротила першило в горле. На весь гарнизон к тому времени оставалось нетронутым одно, как скворечник (не на стволе дерева, а на ровной земле), строение — бывшая уборная. Асы в причал угодить не могли, а вот в нее, как на смех, бомбу уложили точнехонько...

О бомбежке этого «сооружения», может, и не следовало писать, если бы не произошел довольно курьезный случай с будущими героями этой повести.

В минометном взводе почти половина бойцов были матросы, сошедшие с кораблей, чтобы воевать на суше. Все они со дня на день ждали отправки в формирующийся отряд. В числе

слишком нетерпеливых были двое: челябинец Василий Сахаров и его друг Ваня Касьян — с Полтавщины. Оба от работы не отлынивали, сами искали дело. Я послал их на пирс поискать досок для строительства и забыл об этом, подавленный безрадостными сообщениями с фронтов. А когда вернулись они с досками, Сахарова было не узнать: гимнастерка и брюки — мокрые, жеванные, лицо — пергаментное.

— Что с тобой, Сахаров? — удивился я, когда тот бросил с плеча доски и сел на них, не доложив о результатах похода.

Рядом с ним стоял озорной, быстроглазый и обаятельный его друг Иван Касьян. Он, как и многие моряки, сошедшие с кораблей, переобмундировался в армейскую форму, как и многие, любил буденовку, носил ее вместо пилотки. Снимал, когда надевал каску. А теперь вытер ладонью лоб и доложил вместо Сахарова, мягко, улыбчиво:

— Тикаем от стервятника, а Васыль клычет: «Айда пид крышу того нужника!» Я хватъ его за рукав — да в кусты. Зыр в небо — а бомба вже в нас целит. Аж хмарь на душе: «Все, прощай, бильый свит! Прощай, ридна маты!» С бомбой погано шутковать, колы вона летит уже. Перехилывся вниз брюхом пид яр, сховался, зажмурил очи. Тресь! Зовсим рядом жажнула. Посыпались камення, полила сверху грязюка вонюча. Гарно я пид ярком был, а Васыль, бачитэ, што с ним?.. Баню треба — химию смыть. Добре ричка рядом була — трохи замылись. Пишлы до взвода, бачим: вот те химия — нужника нема, чтоб ты сказився, гад поганый... Военный объект загубил!

И. Ф. Касьян

Не до улыбок было, а Касьян рассмешил. Ребята обступили его, присели тут же возле новой землянки - кто на каски и на лопаты, кто прямо на землю — и давай трунить над Сахаровым:

— Памятники-то героям ставят на месте подвига. А тебе где пришлось бы сооружать его?

— В опарышах и косточек твоих не собрать было бы...

— Моли Касьяну здоровья, а то валялся бы, раскиданный по кусочкам...

Гоготали беспричинно все, в том числе и лейтенант. Хихикал за компанию и пострадавший. Не улыбался только Касьян: он ничего смешного не видел в этой истории, напротив, удивлялся, как остались живы, и сочувствовал другу.

— Послушайте, — он поднял руку, и все притихли.— Думку маю. Товарищ командир, можно? Две хвилыны треба, — Касьян глянул улыбающимися бесхитростными глазами на лейтенанта.

— Добавляю еще одну минуту, — тоже улыбнулся Миронченков и присел на низкий березовый чурбак.

— Добре, — начал Касьян. В его быстрых глазах поблескивали маленькие лампочки. — Як думайтэ, друзи: есть судьба на свете?.. А?..

В ответ он услышал самые разноречивые мнения и общий смех.

— А я кажу — да! рубанул кулаком по воздуху Иван. — Жить, Васыль, тебе аж до полной перемоги над поганой неметчиной, колы не погиб тильки што! — он похлопал Сахарова по плечу. — Твоя смерть далэко в коморе ховаецця...

— Я согласен — смерть уходит от смелых. И жить нам до полной победы, и даже дольше, — поддержал Касьяна лейтенант. Все умолкли. Он встал. Касьян присел на корточки рядом с Сахаровым. — Посмеялись, отвели душу — хватит. Не случай с Сахаровым нас должен занимать, — продолжал Миронченков. — Смешнее и горше всего мне пришлось наблюдать другую картину. Кто-то голову спрятал под веточку, как зайчонок, а все остальное выставил напоказ, ушел в «укрытие», — среди бойцов послышалось хихиканье. — Но меня не интересует фамилия того бойца... Не прятаться надо от врага, как делали мы только что. Его надо бить, бить. Бить, чтобы не смог поднять головы. И не поднимет, если мы будем организованны, едины. Хвала тому, кто сам, без команды, по своей инициативе открыл огонь по стервятнику. А кто кричал, останавливал отважного бойца: «Ты с ума сошел! Перестань!»... — это трусость. Вот таких легко бить. Но мне пока личность не нужна того, кто запрещал стрелять. А имя бойца, открывшего огонь по врагу, хотелось бы знать. Кто он?

Вместо ответа одни опустили глаза в колени, на которых лежали винтовки. Другие поглядывали по сторонам.

Петр Петров — тоже однокашник Сахарова и Касьяна, тоже пришел вместе с ними с корабля на пополнение в полк — сидел сзади всех и молчал. Он отличался от многих застенчивостью. Даже уши Петрова полыхали, если говорили о нем.

Ребята называли его просто Петей.

П. Н. Петров

— Ну, чего молчишь-то? Не стесняйся, — шептали ему.

Петю, как всегда, выдали лицо и уши. Лейтенант услышал шепот.

— Вы, товарищ краснофлотец, стреляли? — спросил он Петрова.

Тот вскочил с места и, прижав к ноге винтовку доложил, мягко окая:

— Так точно, я. Краснофлотец Петров.

— Откуда прибыли?

— С корабля.

— А родом?

— Череповецкий буду, Вологодской области. Рождения одиннадцатого октября девятнадцатого года.

— Родители есть?

— Так точно, имеются. Отец — Николай Петрович, мать — Мария Васильевна. Петровы. Живут в деревне Кононово.

— Хорошего сына воспитали Николай Петрович и Мария Васильевна. Спасибо им. Такие воины и нужны сейчас фронту.

Лейтенант приказал построить взвод и тут же объявил Петрову благодарность.

Приказов об отражении атак вражеской авиации больше не потребовалось. Очередной налет встречен был уже сплошной пальбой. Били не одни зенитчики. Из кустов летели трассирующие пули. Со временем псы перестали на малых высотах появляться над Эйна.

А раненые с перешейка все поступали. «Пересыльный лазарет» в Эйна — две специально построенные землянки — за первые две недели боев оказался переполненным. Шли с передовой парами, придерживая друг друга. И в одиночку брели. Кто-то, как ребенка, бережно нес руку свою в косынке на подвеске через шею. Кто-то прыгал на костылях, осторожно неся забинтованную ногу. Кто не мог идти — тех везли на повозках, машинами, несли на носилках.

Мы смотрели на все это, и пальцы сжимались в кулаки. Молодые парни, наши одногодки шли с фронта в окровавленных бинтах. Многие лежат уже там — под скалами Муста-Тунтури.

На Большую землю раненых отправляли катерами, в туманные дни. Ненастье теперь было наградой. Но погода словно изменила заполярным законам и нанялась служить врагу. А он стервенел, изощрялся. Тактику бреющих налетов применил. Даже одиночных пешеходов обстреливал на дорогах. Пронюхав про наш лазарет, выныривал из-за сопки и бил по нему из пушек, пулеметов, даже гранаты бросал...

Нет, привыкнуть к этому нельзя!

Пошел на командный пункт командира роты, положил на стол рапорт:

— Хочу на передовую! Куда угодно и кем угодно — только не в тылу!

Миронченков глянул в листок бумаги, не беря его в руки.

— Я тоже не по личному желанию нахожусь в «тылу», — лейтенант подошел, посмотрел мне в лицо, потом пригласил к столу в две доски, сколоченных снизу крестовиной — единый стандарт на все землянки. На столе, кроме рапорта да командирской планшетки, ничего не было.

— Садись, — он указал на скамейку. — Какой же это тыл? Тыл — за Уралом, в Сибири, а здесь — фронт.

Мы сидели за столом — один по одну сторону, другой — по другую. Миронченков глядел в земляной пол и продолжал:

— Здесь все же опасности меньше. Авиация — и только. А там: пули свистят, мины, снаряды, гранаты рвутся. Хорошего мало.

— Я думал об этом, — ответил. — Прошу вас...

— Твердо решил?

— Так точно.

— Только что звонили из штаба полка: в боевом охранении на Малой Муста-Тунтури в третьей роте третьего батальона погиб командир минометного расчета...

Я вскочил:

— Кто?..

— Федотова помнишь?

— Леня?!

Воцарилась тишина. Миронченков продолжал смотреть в пол, а я стоял, немного отвернувшись, прятал от лейтенанта глаза. Глядел в темный угол землянки и видел там Леню Федотова — «самого маленького комика во взводе», ребята очень любили его. Доброго. Тихого. Далеко не атлетического телосложения. Выносливого, как пони. Носил за спиной в два раза шире своих плеч опорную плиту миномета. Сначала командир побаивался ставить его третьим номером, думал, что плита будет не под силу, а он:

— В Коми крупных людей мало. Но это не значит, что даром хлеб едим...

И просил не делать для него исключений. День-деньской таскал плиту на занятиях по тактике и в ус не дул — будто из одних жил соткан был. По трое суток мог не спать, если требовалось.

Пришел комиссар Кудряшов — два прямоугольника на петлицах гимнастерки. Моего роста, брюнет и в плечах такой же, на три года старше меня. Всегда ходил с планшеткой на правом бедре, пристегнутой к поясному ремню. На другом боку висел противогаз. На голове пилотка суконная цвета хаки. Каску носил, как котелок, на ремешке, надевал лишь во время тревог. Леню Федотова он тоже знал хорошо — в комсомол оформлял в полковой школе, был тогда заместителем политрука — повысили в звании недавно. Услышав о гибели Лени, он тоже переменялся, помрачнел. Стало грустно вдруг. Тихо. Сиротливо. В той безмолвной тишине Миронченков достал из своей планшетки пачку бумаг и подал их Кудряшову:

— Из кокоревского взвода просили передать. Комсомольцами хотят идти в бой...

— Я только что оттуда, — ответил Кудряшов. — Кокорев говорил об этом. А командир минометного взвода не думает вступить в партию? — Кудряшов обратился ко мне.

— Так сразу и в партию? — удивился я. — Вот повоюю — видно будет...

Сказал и сам же задумался: «...видно будет».

Если б мог я разглядеть день завтрашний: что он готовит? А готовил он самое неожиданное. На утро вызвали к «бате» — командиру полка Михаилу Казимировичу Пашковскому.

«Чего это полковнику понадобился младший сержант. Вроде не проявил себя ни худым, ни хорошим», — ломал я голову, идя к нему. Шел и мучительно вспоминал детство, невольно связывая его с этим вызовом. «Сын врага народа... Как бы к немцам не махнул». Но зря думал я так. Об этом забота не командира полка. У него правило — средний и младший командный состав, уходящий с боевым заданием, напутствовать лично, а если занят сам — делал это начальник штаба капитан Василий Кузнецов.

Оставив в адъютантской шинельную скатку, ранец и автомат, робко постучался в дверь,

хотя только что адъютант входил к нему с докладом о моем прибытии и велел войти.

В мирное время я видел полковника только на инспекторских смотрах да на разводах гарнизонного наряда, а в первый день войны — на митинге, издали. Теперь — с глаза на глаз.

В землянке, обитой фанерными листами, горела керосиновая лампа. От её света на малиновых петлицах защитной гимнастерки командира полка поблескивали четыре «шпалы», а над левым нагрудным карманом — медаль «XX лет РККА».

Полковник, с поседевшими висками, плотный, плечистый, просматривал какие-то бумаги. Закрыв папку, он отодвинул её в сторону и вышел из-за стола. Выслушал мой доклад и подал руку — сильную, теплую.

У полковника было чем поделиться, что посоветовать необстрелянному: за плечами две войны — гражданская и финская. В гражданскую громил белополяков, а полтора года назад — прорывал «линию Маннергейма». Финская кампания много унесла жизней — не умели воевать в горных условиях. Минометы были тем оружием, на которое немало возлагали надежд наши противники. Командир минометного расчета для того и понадобился командиру полка, чтобы подчеркнуть роль, отводимую им этому оружию в войне против сильного и опасного врага. С первых же минут нетрудно было убедиться, что полковник информирован обо мне больше, чем я мог предположить. В достаточной степени осведомлен и о детстве, и о том, что писем не получал от любимой. Прост и душевен. Спокоен. «Бабочкой» усики с проседью. Раньше казалось, что для того полковник и носил их, чтобы подчеркнуть внешнюю строгость, а теперь убедился, что он и внутренне таков. Справа на специальном столике то и дело гудели зуммеры шести полевых телефонных аппаратов. Полковник прерывал беседу, брал трубку, и слышно было, как докладывали ему:

— Алло! Товарищ первый? Это пятнадцатый. Обстановка: артиллерия противника из-за Круглой высоты ведет обстрел Кутовой...

— Алло, алло. Это я... Немцы наступают на «Пограничный знак». Прошу огня...

— Товарищ первый, вы слышите меня? Наблюдается скопление до роты в районе изгиба дороги на Титовку...

— Алло! Авиация бомбит батарею Реутова...

Полковник тут же по другому телефону связывался с начальником штаба и спокойно приказывал:

— Минометной батарее Жукова — по Малой Муста-Тунтури. Дивизиону Белоусова — по скоплению пехоты на изгибе дороги... Илюшичеву — по квадрату «тридцать». Напоминаю: беречь снаряды!..

— Как это — беречь снаряды? — удивился я. — А если немцы наседают, товарищ полковник, тогда как беречь снаряды?

— Отбиваться гранатами, штыком, но снаряды беречь, — нахмурил брови полковник: видно, и ему не очень по душе был такой ответ. — Немцы боятся русского штыка. Не любят

и «лимонку» нашу. Она по убойной силе мало уступает ротной мине. Но далеко ли бросишь ее из окопа? А немцы, — он взял из угла гранату на полуметровой палке и положил на стол, — какую штуку придумали, стервецы. На полста метров летит из окопа. Легкая, из жести. Звуку много, а осколков мало. С замедленным взрывателем — действует здорово на нервы. Рвется, как мина, с треском. Не прозеваешь — можно успеть и назад бросить, туда же, откуда прилетела. Но это крайний выход. Нужны более эффективные контрмеры. В этом плане вижу необходимость максимального применения ротного миномета. Особенно на Малой Муста-Тунтури — в непосредственной близости от врага. Обратные скаты этой высоты — крутые, надежное укрытие для сосредоточения пехоты. Оттуда в основном и пытаются сбить наше боевое охранение с сопков. Немцам очень нужны эти сопки. Овладеют ими — получают возможность контролировать каждый метр нашей обороны на всем пятикилометровом перешейке Среднего полуострова. Оттуда и начнут наступление. А у нас сзади море!

Где-то совсем рядом рвались снаряды. С потолка сыпалась земля. Снова гудели зуммеры телефонов. Входил и уходил оперативный штаб.

— Ну, в добрый час тебе, товарищ сержант, — полковник обнял меня.

За год службы в полковой школе мы привыкли к уставному обращению со старшими и младшими. Ни в одном уставе не предусмотрено обнимание с подчиненными. «Устав по боку — война! Да еще сержантом окрестил младшего сержанта», — подумал я. А командир полка объявил:

— С этого дня ты — сержант. Поздравляю!..

Этого я тем более не ожидал и сбивчиво ответил:

— Со-служу Советскому Союзу!

— Береги людей, не рискуй без нужды, — добавил полковник. — В добрый час. Миронченков докладывал, что положиться на тебя можно. И вот еще о чем хотел просить: не расстраивайся, что писем девушка не пишет. Наверное, обидел ее, вот и выдерживает характер. Они — народ нежный и долго помнят обиды. И последнее: к командиру-то полка надо было бритым явиться, а то как-то неловко, я брит, а ты...

— Извините, спешил, не успел...

— Верю, — полковник еще раз пожал мне руку. А потом в сопровождении смуглолицего, со сросшимися бровями, плечистого, почти двухметрового роста посыльного штаба шел я в третий батальон. Мы спускались с высоты с отметкой 340,0, на которой размещался командный пункт полка. Перед нами была почерневшая от взрывов мин и снарядов полоса боевого охранения.

Посыльный пройдя некоторое расстояние молча, начал знакомиться:

— Моя фамилия Здоровцов. Зовут Михаилом. А тебя?

М. Е. Здоровцов

Я назвал ему свое имя и добавил: «Сибиряк». Он окинул меня критическим взглядом:

— Ну и что? А я из Прилук. Устраивает? Есть такой город на Черниговщине. Слышал?

— Слышать-то слышал, но не бывал там, — ответил ему.

— Тот, кто не был в Прилуках, тот ничего не видел. Лучше твоей Сибири. Советую после войны побывать. Там уже теперь сады поспели... Да только кто хозяйничает... Где-то мать осталась там...

И после минутной паузы добавил:

— Я пограничником служил тут два года — хорошо знаю всю местность.

Здоровцов шел и объяснял добродушно:

— Вон та, что чернее и выше всех справа, — это и есть Муста-Тунтури. Это по-фински так, по-русски — черная тундра. А та, что полее и пониже, скалистая — сестра ее. Малой Муста-Тунтури называется. На ней наш пограничный знак стоял еще до войны с финнами. И до сих пор сохранился. — Я увидел каменную глыбу, издали напоминавшую крепко сжатый кулак с кукишем — кулак высунутый из-под земли на полкисти: пограничный знак, выложенный из каменных плит. — Недавно здесь полегло фрицев — аж жуть. Пытались штурмовать... Младшая Тунтури делится на две сопки: Правую — та, что с пограничным знаком, и Левую — та, что пониже. Видишь? — теперь я усмотрел в пятерне того кулака с кукишем оттопыренный согнутый мизинец — он и называлсялевой сопкой. — Слушай дальше, — пояснял Здоровцов. — Видишь равнину, отлевой к заливу? — Я видел пологий скат с дальних сопки, негусто усеянный крупными вперемежку с мелкими

валунами. — Вплоть до высоты сто двадцать два ноль с Безымянной у подножия огневых точек нет. Мертвая зона. Со всех сторон простреливается. Дальше идет высота сто девять ноль. За ней артиллерийская батарея — то и дело бьет по нашему переднему краю. Чуть ближе — высота «Яйцо». — По внешнему очертанию она, действительно, походила на яйцо. — Возле залива — высота сорок и один, низенькая, приплюснутая, видишь? Вот и весь наш фронт...

Впервые встретившийся Здоровцов говорил так, будто давно был мне знаком. Рассказав о местности, где проходило боевое охранение, он опять заговорил о доме, о Прилуках. А пулеметы твердили о войне. О том же изредка напоминали минометы, снайперы. Жикали над головой пули — я пригибался с непривычки, а Михаил успокаивал, посмеиваясь:

— Которая свистит — она уже не тронет, не бойся. Так и снаряд. Вон, слышишь, батарея из-за высоты сто девять ударила? Сейчас взвоят снаряды и тут же лопнут. От злости... Нет, они не взвыли. Здоровцов едва успел крикнуть: «Ложись!», как взорвались четыре снаряда, подняв клочья дерна и комья земли, совсем рядом — аж в перепонки ударила волна теплого воздуха. Провизжали осколки и камни над головой.

— Гады, заметили... Беги в воронку!..

Ладно хоть оказались в болотине с мелким и редким кустарником. Почва мягкая, не скальная. Осколки снопом взлетели вверх и не зацепили нас. Мы в один миг разбежались и упали в воронки — а в них уже вода стекала болотная. Пахло землей, гарью, тротилом. Снова ударила батарея. Опять рванули землю снаряды — теперь с перелетом. «Вилка!» — мелькнуло в голове. Мы ведь тоже считались артиллеристами, знали, что такое вилка: «Следующий снаряд — наш!»

Приятного мало, когда рядом рвутся снаряды, а ты, как обезноженный, лежишь и ждешь «своего». Вдобавок ко всему Здоровцов приказывал:

— Не высовываться!..

Не знаю, как Здоровцов, но я о многом успел подумать и многое вспомнить за каких-то пять минут «крещения». Мать пришла на ум. Школьная подруга Марина, от которой ждал писем. Проводы в армию. «Птичий базар». Цветы весенние... Нестройно текли мысли, вперемежку. Мурманск вспомнился с дощатыми тротуарами — перед отправкой на Рыбачий мы с Симоновым побывали там июльскими белыми ночами. Город спал, не спали одни крысы. Они наводнили все улицы. Они гнездились, наверное, под каждой доской тротуара. То там, то здесь пищали, бегали, затевали драки между собой. Добродушный и сухонький — старичок с козлиной бородкой — дворник — попросил на площади Пяти Углов у нас папироску, а потом изрек:

— Не к добру крысы!.. Перед бедой...

Мудрые слова сказал дед. Беда была за горами — войной пришла!

Ваня Касьян после памятной бомбежки в Эйна однажды признался, что ему было не столько страшно тогда, сколько обидно: считай, и не пожил еще, ничего не увидел, а смерть уже возле ног. Такое же чувство испытывал теперь я, скрючившись в три погребели на дне воронки с водой.

Здоровцов оказался прав: снаряды рвались рядом, к счастью, нас не зацепили — выручил «закон рассеивания».

В вечерних сумерках тех же суток с тремя «ботиками» мы пробирались кустарниками в боевое охранение. За моей спиной был увесистый мешок с двадцатью минами. «Ботиками» звали носильщиков горячей пицци и боевых припасов. Ребята решительные, быстроногие, натренированные. Они уже не раз попадали в переplet — спасали ноги, находчивость. А те, кто не отвечал этим качествам, лежали уже под скалами: одних подстерегли снайперы, других — осколки мин и снарядов.

Идя в двадцати метрах один от другого, чтобы всех не скосило одной миной, «ботики» увели меня вниз, под сопку с пограничным знаком. Там настороженно журчала речка с мостиком в две жерди. Потемнело. На нас наплывала высокая стена скал той самой сопки, которая издали казалась мне кулаком с ядреным кукишем. Темная. Холодная. Там — свои и фашисты лицом к лицу. Звонко потрескивали пулеметы. Дзенькали пули, рикошетом отлетая от скал. Взвивались осветительные ракеты, гасли — и тогда еще гуще падала на землю темнота. Шлепались мины...

Взрыт каждый метр земли. Раскидан дерн. Мало осталось не тронутых кустиков, с трудом выросших за многие годы до метра с небольшим — в лощинах карликовая береза была вровень с ольхой.

Подгоняемый снизу жутью сгустившейся темноты, я старался не отставать от «ботиков». Взбирался на крутизну сопки, придерживался за выступы скал, карабкался на четвереньках вслед за юркими, цепкими скалолазами с громоздкими термосами за спиной и карабинами в руках. Уже спина взмокла от пота и во рту высохло. А речка с ключевой водой осталась позади. На ремне висела фляга с заваркой чая, но и ее открыть некогда — как бы от ребят не отстать.

— Пароль! — вполголоса окликнул часовой у блиндажа, прилепленного под отвесной скалой как ласточкино гнездо.

— Мушка, — так же тихо ответил ему идущий впереди товарищ.

«Ботики» пригнулись, и все трое вмиг исчезли — скользнули в щель блиндажа, завешенную — изнутри плащ-палаткой, а я присел на студеной камень охладиться, дух перевести и заодно испить из фляги пару глотков чаю.

— А ты чего тут расселся? — спросил басом здоровый, как гора, боец в каске и плаще-накидке на широких плечах.

— А что? — не понял я, поглядев на него снизу, не вставая.

— Полезай за ними, — приказал. — Здесь опасно.

— Тебе-то не опасно?

— Я в блиндаж не могу — могилой пахнет. — Он взял меня сильной рукой за воротник гимнастерки, бесцеремонно стянул с камня. Полезай, не разговаривай — я на посту!.. Разбуди там замену — пойду охотиться на немцев, они на рассвете посты меняют...

Потом в блиндаже узнал, что на личном счету этого «охотника» уже семь немцев было. Родителей его с Гомельщины увезли куда-то в Германию...

В блиндаже у входа, вместо свечи, густо коптил тусклый язычок огня — телефонный провод: спиралью вилась его медная жилка. Телефонист (он же радист), с изрядно прокоптившимся лицом, следил за сгоранием провода — единственного источника света на блиндаж.

Этот парень изобрел даже софит из консервной банки и повесил его на стену. Софит тоже не блестел никелем, закоптился, но направленный свет лучше освещал нары в два яруса и утомленные лица бойцов, пришедших с огневых точек. Лейтенант Деревянко — бывший командир стрелкового взвода полковой школы, плясун и солист художественной самодеятельности — с кем-то раздраженно бранился по телефону. В мирное время я часто завидовал ему, глядя на скрипучие ремни, красивую форму, бравый вид и кудрявую шевелюру. Я не мог представить его в роли штатского — он был рожден для службы в армии. Командовал лейтенант Деревянко тогда взводом, теперь — боевым охранением Малой Муста-Тунтури. И сам стал другим: посуровел. Форма не та, и вид не тот. Воротник не стиран. Яловые сапоги утратили лоск. И плясать разучился, поди. И петь тоже...

Едва я успел представиться о своем прибытии, он, не скрывая радости, громко объявил:

— Э-э, кого я вижу! Нам подкрепление пришло! Вы не можете представить, как нам повезло! — Деревянко тряс мою правую руку, а левой хлопал по плечу. Усадил рядом с собой на скамейку, заглянул в лицо: — Молодец! Значит, воевать вместе? Отлично! Кто же тебя догадался послать?

Его глаза поблескивали из-под густых черных бровей, как светлячки ночью. Продольная складка на лбу стала глубже. Маленький, почти женский нос заострился. Лицо потемнело, как у цыгана, лоснилось.

— Сам попросился, — ответил я. — А когда доложили об этом полковнику, он приказал направить к вам вместо Федотова. Благословил и велел не забывать бриться...

— А ты думал, если война, так дикобразом стать можно? Тут первоклассная парикмахерская и баня с парком имеются, — пошутил лейтенант. — А что полковник не забыл про нас, спасибо ему за это. «Батя» знает, где туго. Каждую ночь атакуют, гады. Хорошо выручал нас Леня. Спокойней было с ним. Уже отбили атаку, все затихло — и надо было... Всего три мины прилетело. Одна из них прямо на огневую позицию. Попов с Осокиным были в укрытии, а Леня не успел уйти.

И опустил голову.

— А бывший твой командир, Александр Николаевич Илюшичев, знаешь где?

— Нет, — оживился я.

— Он — сосед наш, слева, — продолжил Деревянко, — В Кутовой окопался. Как крот в землю влез. Достается бедняге. Едва успеет бросить пяток мин, как на него уже целая батарея обрушивается. Справа на берегу Волоковой — минометная рота Ивана Тригубова. Помнишь такого?

— Как же. Заикался немного и пушкинские бакенбарды носил.

— Верно. Жалко, мин не дают, а то бы все иначе было. Одним словом, живем весело, работы хватает. Спать приходится мало и только днем.

Я сидел, слушал спокойный, обиденный тон своего нового командира и думал: «...живем весело, работы хватает...» Война тоже стала „работой”? Кто больше убьет немцев, тот лучше работает? Так и у немцев: кто больше уничтожит русских, тот лучше работает?»...

— Надо срочно переоборудовать огневую позицию, пристрелять заново огневые точки. Я тебя познакомлю с ними утром. — Деревянко достал из полевой сумки, висевшей на пояском ремне, схему огневых точек на небольшом листе ватмана и развернул ее у себя на коленях.

— Вот ориентиры...

А наверху то затихал, то нарастал гул. Шли в ход гранаты. Трещали пулеметы. Рвались мины. С опорных пунктов докладывали:

— Ориентир один — гранатный бой. Немцев до взвода.

— На третьей точке разбит пулемет!

— Прошу санинструктора в квадрат двадцать!

— Почему не поднесли боезапас на Правую?

После каждого доклада Деревянко звонил, отдавал распоряжения. Кто-то не отвечал, тогда он просим у радиста микрофон рации и говорил:

— „Заря”. Я „Восход”. Ты какого хрена молчишь? Алло... Отвечай. Я „Восход”. Прием.

— Алло, — отвечал ему грубый, охрипший голос. — Перебит провод. Телефонист на линии. Я „Заря”.

— Будь другом, подкинь пяток огурчиков по двенадцатому!

— Понятно. Я „Заря”.

С рассветом Деревянко, под аккорды пулеметов и взрывы мин, представил меня расчету, провел рекогносцировку местности, я пристрелял с ним основные огневые точки. В бою оказалось все иначе: наблюдение за взрывами вели с помощью окопного перископа — снайперы и пулеметы держали на прицеле каждый камень. К наблюдательному пункту добрались ползком. В полный рост ходили только за скалой.

Потом было поочередное дежурство на огневой позиции.

Потом были первые три часа сладкого сна на березовых ветках — спина в спину с Димой Осокиным — третьим номером в „шалаше” метровой высоты под наклонной стеной гранитной плиты — надежного укрытия от любого снаряда и бомбы. Сон не крепкий, но сладкий — необходимый как воздух. Сон со сновидением. Мы с Мариной. Над нами открыточное небо. Черноморье. Мы там еще никогда не бывали, но съездить мечтали. А во

сне уже оказались там. Лежим на горячем песке: она в розовом купальном костюме, я в голубых плавках. Чуть какая-то: никогда не видел ее такой, да и сам не нашивал в жизни плавок — только присниться могло! Марина склонялась надо мной, шептала:

— Не спи!.. Мы так редко видимся...

И слышу ее голос, а проснуться не могу, умаялся. Марина клала мне руку на грудь, просила:

— Проснись!.. Погляди мне в глаза...

Я не просыпался.

— Подъем! — крикнула.

Вскакиваю: на коленях стоит номерной Илья Попов, будит меня на дежурство.

Попов был в расчете заряжающим. Костляв и нем, как рыба. Земляк Лени Федотова, из Коми. Зато чересчур говорливым оказался подносчик мин архангельский помор Дима Осокин. Не уйми его — он и час, и два найдет что лить. Гордился своим краем, знал неплохо Ленинград — там жил его старший брат, бывал у него в гостях. А на Рыбачий прибыл из морской авиации — и об этом было что рассказать.

Д. А. Осокин 1939 г.

С полудня зарядил морозящий дождь и не унимался до наступления темноты. Видимость в дождь ухудшилась — это позволило Попову с Осокиным сходить в тыл батальона пополнить запасы мин, а мне собрать в котелки дождевой воды — для питья. Настала ночь — первая, тревожная. Пока — тихая. Безветренная. Замерла даже листва на березке, букетиком выросшей в трещине скалы над «шалашом». Небесная Малая Медведица

отдыхала на хребте Муста-Тунтури, наострив слух и усилив акустику. Нечастые взрывы и выстрелы дробились на части, и гулко рассыпались в сопках. Вдруг с той вершины, где дремала Медведица, чиркнули по небу трассирующие пуля. Над Титовкой озарилось небо, долетел гул выстрелов дальнобойных орудий, по-кошачьи промяукали в воздухе снаряды, и загудело все вокруг. Тысячи ос зажужжали в воздухе. Зашлись икотой минометы. Затряслась во гневе Правая сопка. Заискрилась вспышками взрывов Левая. Полетели к речке и к огневой позиции мины. Повисли в воздухе парашютики горящих ракет.

Что в таком случа делать? Открывать огонь? Если так — то куда бить? Сидеть в укрытии, ждать распоряжения Деревянко? С ним нет телефонной связи, до него более двухсот метров. Действовать на свое усмотрение? Попробуй разберись: что задумал враг? куда бить? сколько расходовать мин?

— Началоо-оось,— многозначительно протянул Осокин.

Принимаю решение:

— В укрытие!

Молчун Илья Попов — и тот раскусил мой нехитрый прием:

— Зачем? Сейчас немцы пойдут в атаку, а мы в укрытии сидеть?..

— Они всегда так начинают, — добавил Осокин.

— Не обсуждать приказ! — чтобы не уронить престижа перед подчиненными, я повысил тон.

— В бою за это знаешь что бывает? — возразил Осокин.

Попов отмолчался, но с огневой позиции не ушел. Неподалеку упала мина. Осколки высекли искры из лежащего рядом камня.

— За мной!— я еще раз повторил приказ.

Только теперь Попов с Осокиным изволили подчиниться. Вползли в «шалаш», следом за ними — я. Сидели там, плотно прижавшись друг к другу, и словом не обмолвились. Рядом рвались мины.

«Вот он, первый бой. Нескладное знакомство. Осокин с Поповым смелее меня?! Федотов был не таким. А воевать вместе. Полковник велел беречь бойцов, не рисковать без нужды. Командир в ответе за каждого. Сумеют ли понять они это? Разберутся ли: чего больше у меня — трусости или командирской воли?..» А сопки содрогались от взрывов. С Рыбачьего и на Рыбачий летели снаряды. Налевой зашлись огнем пулеметы, зачастили глухие взрывы.

— Гранаты пошли в ход,— тихо сказал Осокин, толкнув локтем Попова.

Илья опять ничего не ответил. При свете ракеты я заметил, как он кивнул головой: да, дескать, гранаты...

— Теперь — пора! — говорю. Это означало: «К бою!» Мы выбежали все на огневую позицию,

и я обомлел: миномет наш лежал на боку, как сраженный боец.

Попов с Осокиным переглянулись. Осторожно пользуясь фонариком-жужжалкой, не теряя времени, я занялся установкой миномета. Больше всего поврежден прицел: в нем остались исправными лишь вертикальный уровень да визирная линейка грубой наводки.

— Давай мины! Да поживей! — приказываю.

И начал плевать миномет — полетели «огурцы» туда, где шел гранатный бой. Тот участок хорошо был пристрелян еще днем — Деревянко обратил на него особое внимание, оттуда обычно немцы пытались атаковать. Огневая позиция готовилась нами для стрельбы в ночных условиях, без прицела, по визиру грубой наводки. Беглым огнем отправлял я на Левую сопку по три мины, выбегал на НП, фиксировал взрывы, возвращался к миномету, делал поправки в наводке и опять посылал мины. По три — чтобы определить, туда ли ложились они. Атака захлебнулась, гранаты умолкли, а я все продолжал бить по площади, уже не выбегая на НП. Миномет подпрыгивал, порывался вперед — пришлось придерживать горячий ствол брезентовой рукавицей. После пятого десятка мин угол ствола вдруг изменился, мина, упала невдалеке за скалой...

— Что это? — не понял Осокин.

Я не ответил, хотя понял, что произошло непоправимое: от перегрева хрупнула шейка шаровой пяты, отвалился ствол. Испуская дух, он дымился остатками сгоревшего пороха. «Что делать? Чем отбиваться, если опять пойдут немцы?» — подумал я и сел на камень, не говоря ни слова.

— Спасибо, сержант,— вдруг произнес Осокин и примостился рядом ко мне на камень. — Не заставь нас уйти в укрытие — всем бы хана! А миномет — железка. До рассвета успеем сходить в тыл и заменить. Заодно мин принесем. Две нормы махнули — впервые так. Зато веселей — война как война...

Попов сначала молчал, удивляясь и разглядывая повреждения миномета, потом изрек:

— Труба дело!

Я отошел к огромному камню. Под ним поблескивала дождевая вода. Встал на четвереньки, попил из этой лужицы. Вода пахла глиной и березовым соком. Вкусно. Между тем снизу в полутьме к нам карабкался человек. Мой автомат был рядом, у камня. Хватаю его, вскидываю, вполголоса спрашиваю:

— Стой! Кто идет?

— Ай да минометчики! — раздалось из темноты — Командир благодарность прислал. В самый раз по фрицам били. Слевой сопки комвзвода лейтенант Усик тоже спасибо передает...

Это был связной от Деревянко.

Приятно. Благодарность — не выговор. Первый блин не совсем комом.

Я передал со связным командиру устное донесение о случившемся, а сам, с Осокиным,

навьючив на спину миномет, вещевые мешки для мин и продуктов, поспешил вниз — в тыл батальона, пока темно. На позиции остался один Попов.

В мастерские боепитания путь лежал через штаб батальона, находившийся за небольшой складкой местности, издали похожей на морскую волну с гребнем на пологом склоне высоты — напротив Муста-Тунтури. Возле штабной землянки нас встретил посыльный с приказанием зайти к комбату Амвросову.

В мирное время этот командир вызывал у нас, рядовых, стремление подражать ему хотя бы внешне. В то время из всего гарнизона выделялись подчеркнутой офицерской выправкой командиры стрелковых взводов лейтенант Николай Деревянко, младший лейтенант Иван Курносов, командир гаубичной батареи из дивизиона Мамонова лейтенант Виктор Реутов, начальник штаба полка Василий Кузнецов и комбат-3 Амвросов. Первые трое выглядели несколько щеголевато и форсисто — это естественно: они — молодые, любовались собой после училища, а Кузнецов и Амвросов являли эталон простоты, уважительного отношения к военной форме и своему призванию. Высокие. Стройные. Всегда наутюжены, чисто выбриты. В движениях и в манере общения с окружающими ничего не было лишнего, наносного — впитали в кровь и в плоть все военное.

Не в пример Деревянко, Амвросов выглядел опрятно и теперь. Не кусок затасканной марли достал из кармана брюк, а чистый, должно быть, под матрацем «отутюженный», платок и промакнул лоб. В землянке было душно: вентиляцией служили дверь да труба дымовая. Изнемогала, жаром пыхала чугунная «буржуйка», установленная в углу при входе. Как и у командира полка, на столе горела керосиновая со стеклом лампа. Поминутно гудели шесть телефонных аппаратов. Амвросов выслушивал, отдавал распоряжения.

Война успела наложить свой отпечаток и на него. К моему удивлению, Амвросов раздраженно-грубо начал отчитывать кого-то по телефону. Потом, положив трубку, с ходу набросился на меня за то, что я истратил две нормы мин и «угробил», как он сказал, миномет.

— Чем отбиваться-то стал бы, вояка, если немцы полезли на тебя? Весь, НЗ расфуговал без особой надобности. Благодарю судьбу, что фашисты трусливые, не возобновили атаку, а то бы...

Обругал, вышел из-за стола, подал мне руку и предложил край скамейки рядом с собой. Я не сел.

— Обиделся?!

Мне, действительно, было обидно.

— Ну-ну. Этого еще нам не хватало, — комбат взял со стола полевую сумку, достал опасную бритву, подал мне. — Это за первый успех в бою. Пойми, сержант, в каждом большом и малом деле найдется, за что ругать и хвалить. За то, что помог отбить атаку — спасибо. А вот когда человек не думает, как жить завтра, — это плохо. За такое на войне бьют! Мин мало у нас, понимаешь? А мины для тебя — это все. Экономить их надо. До самой критической минуты.

— А иначе уже нельзя было, товарищ капитан. Немцы уже гранаты пустили в ход.

Критическая минута — в самый раз...

Все комбат излагал доходчиво, но никак я не мог согласиться с одним: как это в такой могучей стране — и вдруг снарядов, мин, гранат, патронов оказалось мало? Я думал: «Фрицы-то бросают их днем и ночью, не берегут. Накопили, стало быть. А мы? Как быть? Как победить?..» За миномет Амвросов больше не ругал — минометы на складе были. А вот мины...

Все это будет в достатке, но не завтра. Может, через месяц, может, позже, убеждал комбат. Промышленность из западных областей перебрасывалась на восток, и, пока она не перестроится на военный лад, придется ждать, обходиться тем, что есть. Нелегко! Но на центральных фронтах еще труднее. Нам отступить некуда. Рыбачий — не Сибирь. Нам выбирать нечего, за нас это сделали отцы. Они выстрадали нам однажды и навсегда право на свободную жизнь — и она дороже всего. Мы — русские. И жить нам по-русски. В этом и просчитались фашисты...

— Гм, я, кажется, отвлекся от главного, — как бы извиняясь за свое пространное философское обобщение, комбат осекся, сделал минутную паузу, собирая мысли воедино. Этим и отличался он от остальных офицеров полка, что эрудицией не уступал никому, даже лекторам. Не стань он военным по завещанию отца-революционера с Урала — быть бы ему философом!

— Мы — в блокаде! — продолжал Амвросов. — Надо учиться бить врага не числом, а умением. Враг силен. Он идет по всему фронту — уже до Москвы допер. Захватил всю Украину. Белоруссию. Рвется на Кавказ. Остановлен только здесь на перешейке Среднего. Но и тут тоже готовит наступление...

«Бить врага не числом, а умением»...

Что подразумевалось под этими словами? Где люди и где боезапас? Вместо каких слов стоят эти два смысловых понятия? Люди — «умением», боезапас — «числом»? Или наоборот? Куда ни ставь, смысл один: враг наступает, а нам бить его пока нечем — требуются мужество, стойкость и самопожертвование. Родина нуждалась в массовом подвиге. В этом и скрыт был глубокий смысл, который вначале не совсем показался мне четким в комбатском слове «умение».

Покуда Амвросов беседовал со мной, Дима Осокин успел вздремнуть, сидя возле печки в адъютантской половине землянки. А на улице уже рассвело. Моросил дождь. Он пришелся на руку нам: немецкие самолеты в такую погоду не летали, можно было, не опасаясь, ходить по тылам. Отыскали батальонную кухню, позавтракали. На складе боепитания заменили миномет. Получили мины, продукты. В землянке хозяйственного взвода отдохнули. К вечеру небо прояснилось, и в боевое охранение комбат нас не пустил.

Отоспались. Побрились. Умылись по пояс в озере возле землянки хозвзвода. Приняли по сто наркомовских граммов, съели обед и ужин в один присест и опять — в путь.

В ту ночь немцы не наступали. Без нужды не тратили мин и мы. Лишь утром опробовали новый миномет, выпустив по основным ориентирам по mine. Тотчас же немцы ответили — к речке полетели мины, минуя нашу огневую позицию. Чтобы ввести противника в заблуждение, мы прекратили огонь, сняли прицел, ушли в укрытие.

Вскоре перестали рваться и немецкие мины.

Редко минометчики носили воду с речки, больше обходились дождевой. Не считалось, кому запасать ее. Это не представляло особого труда: вода не высыхала в выемках на огромных плитах. Была она и под большим камнем — та, что пахивала глиной и березовым соком. Я взял кружку с котелком и пошел туда. Начерпал. Попил. Опять тот же привкус. Красноватая — торфяная, как с заваркой. Теперь еще и дымком стала отдавать. «Немудрено, — подумал. — Столько мин взорвалось — живого места нет». И тут мое внимание привлек небольшой бугорок дерна в виде бруствера. Что там было? укрытие? Вгляделся. Из пластов дерна пожелтевшей травой висела прядь волос. Я попятился, швырнул котелок с кружкой в сторону, и — пальцы в рот...

Вернулся к ребятам минут через пятнадцать.

— Что с тобой, сержант? — спросил Осокин. — Не узнать. Как полотно! Водицей угостил бы.

— Тебя вот этим бы надо угостить, — я показал ему кулак.

Осокин вскинул брови:

— Это за что же, сержант?

— За то, что знал, а не предупредил, кто там лежит, — я привалился к скале. Мне было нехорошо.

— А нам хоть что. Мы давно забыли о нем. Лежит с начала июля — когда они пытались захватить погранзнак...

Потом Осокин с Поповым срочно принялись облегчать мои страдания. Осокин кинулся к вещевому мешку, а Попов полез в «шалаш». Там у него в изголовье под березовыми ветками лежала фляга. Достал, не скупясь влил в алюминиевую кружку прозрачной жидкости, протянул мне:

— Бальзам! Все пройдет!

Илья сам не пил и не курил, но цену тому и другому знал. Ежесуточный паек водки сливал в флягу (для своих же ребят), а за махорку получал сахар. Поэтому у него то и другое было всегда.

Я без раздумья принял из рук Ильи кружку и одним глотком отправил «бальзам» в пустой желудок. Дима успел уже отломить кусок сушеной трески, подал мне зажевать, сопроводив присказкой:

— Тресочки не поешь — не поработаешь!..

Снабдив Илью и себя такими же порциями, добавил:

— За компанию, как и после бани — продай рубаху, а выпей. Куда ни шло, мне полстопарика, поди, тоже можно? Илья не пьющий...

— Почему бы нельзя? Наркомовская, не моя, — боясь закусывать, ответил я.

— За здоровье нашего командира,— он выпил, отер губы рукавом. Кинул в рот дольку рыбы и, чтобы возбудить аппетит у меня, продолжил: — Матушка моя сорок восемь блюд готовить умела из трески. Отварную по-архангельски — на молоке или в сметане. Измельченную со сметаной и яйцом — по-ленинградски. Тушеную с яйцом — по-вологодски. Жареную с сухарями — по-сибирски. Жареную с манкой — по-узбекски. Фаршированную — по-еврейски. Отварную с картофелем, луком, лавровым листом и яйцом — по-польски. Пельмени. Фрикадели... А вязига с печенью? — это особ статья, цены нет! Язык заглотишь! А если сто граммук добавит — за уши не оттащишь. Морская курица — вот что такое тресоцка...

Мы сидели с трех сторон ящика из-под мин, на котором лежали: сушеная треска по-рыбачински, сухари, сахар и фляга по-фронтвому. Все трое жевали рыбу, отложив в сторону каски. Не обращали внимания на щелканье снайперов, пулеметную дробь то на Левой, то здесь, рядом. Слушали Осокина и не заметили, как подошел к нам политрук Лобов.

Я вскочил и, не надев каски, козырнул:

— Товарищ комиссар, - минометный расчет,— у меня чуть не сорвалось с языка: «готов к бою», но скосил глаза на снадобье и флягу с зельем, смутился и чистосердечно признался: — Пока затишье, малость решили червячка приморить...

Лобов пожал каждому руку и присел рядом с нами на такой же ящик из-под мин.

Вялый язык и масляные глаза окончательно выдали меня.

Хорошо зная въедливый характер комиссара и желая упредить разнос, Осокин решил объяснить:

— С нашим командиром несчастье, товарищ комиссар. Заболел. Хлебнул воды из той вон лужи, в которой фрицевский офицер лежит...

— Разве до сих пор он не убран? — набылчился Лобов.— Я приказывал закопать его там вон, под скалой,— Лобов снял каску, оголил лысину с полголовы.

— Гм,— будто с равным продолжал разговор Осокин. — Кому приказ такой был? Кто хоронить-то должен?

— Еще Федотову сказано было об этом. Не так уж много дел у минометчиков. Это стрелкам достается...

— С Федотова и спрашивайте, ответил Осокин. — Стреляйте на месте, хоронить не буду! Тем более — фрица... Рыжий. Как баба — с длинными волосьями. Да вы, никак, хотите из минометчиков похоронную команду сделать? Кто он нам? Враг же!...

— Ладно, успокойся,— сдался Лобов, чего с ним никогда раньше не случалось.— У нас дядя Миша есть — он и закопает...

— Я спокоен,— сбавил тон Осокин.— И нам хватает дела. Нет, в разведку пойду, а в минометчиках больше не останусь, чтобы не попрекали бездельем!..

Попов и я сидели, как в рот воды набравши. Оба мы были на стороне Димы, но не в нашем характере так вот спорить, по пустякам.

— Начальство не может попрекать,— поправил комиссар Осокина.— Ему предоставлено право выражать свое удовлетворение или неудовлетворение действиями подчиненных. Что я и делаю. На этом конфликт наш будем считать исчерпанным. Перейдем к делу. Как сержант чувствует себя?

— А чего мне сделалось? — ответил я вопросом.

— Отдохнуть не требуется?

— До вечера времени много еще,— прищурился я, глянул на яркое солнце, не дошедшее еще и до полудня — Поочередно вздремнем.

— Да только все не ложитесь. Будьте наготове — одним стрелкам атаку не отбить, Лобов подал каждому руку, и не просто, а со значением, будто в его рукопожатии заключалось главное, от чего могло подняться настроение у подчиненных, и отправился на командный пункт Деревянко.

Ночью пришлось немного поработать — бросить полтора десятка мин. А утром пришел дядя Миша.

Удивительный и добрый человек был этот дядя Миша. Так никто и не знал его фамилии, называли только по имени. Говорили, будто он из-под Вологды примахал в Заполярье. Дяде Мише ровно столько же лет, сколько мне и Осокину вместе. Худущий: в чем душа держалась. Землистого цвета лицо. Книзу клонило уже, а в тылу сидеть не мог, на фронт запросился.

— Тоска гложет, заявил он комбату Амвросову в первый же день по прибытии в батальон. Дядя Миша говорил медленно. Первый ударный слог с буквой «о» и концовку предложения произносил чуть нараспев. — Германцы-то чо, совсем с ума спятили? На кого пошли — на Россию-ю! Ишь чо запохачивали. Найди, командир, мне такой пост, чтоб стрелять мог по ним.

Комбат едва сдержал улыбку:

— А может, адъютантом к комиссару Лобову пойдешь, а?

— Нет уж,— нахмурился дядя Миша.— Посылай туда, где не кашу варить, а сурьезным делом пользу дать. Не бойсь, стрелять умею, на своем веку не было промаху в двенадцать медведей и шешнадцатъ кабанов. Посылай...

— Боевое охранение — как раз по тебе дело. Всего достанется. Не понравится — переведу.

Не стал долго настаивать дядя Миша. Согласился, пошел в адъютанты. Хоть и не по душе оказалось дело, а свои обязанности исполнял исправно — такой уж он человек был. Самую пустяковую работу по заданию старших возводил в ранг первой значимости.

Дядя Миша вырыл могилу, сколько позволил грунт — с полметра. Постелил вниз березовых веток для сухости. Достал из немецкого мундира платок, бережно завернул в шинель

останки источенного червями офицера, прикрыл платком череп, осенил крестным знаменем свой лик и предал прах земле.

Молчаливый Попов — и тот заговорил вдруг:

— Он или сам фриц, или... — Илья повертел у своего виска указательным пальцем.

Осокин пожал плечами, поглядел на меня и на Илью.

— Дядя Миша-а, тебя сержант вызывает, — крикнул Осокин, подойдя к обрыву скалы, под которой тот хоронил немца, и, подмигнув нам, уточнил полусшепотом: — Мы его сейчас допросим...

Дядя Миша, не торопясь, оформил камнями могильный холмик, помыл руки скопившейся в воронке водой, вытер их полою шинели и не спеша поднялся к огневой позиции минометчиков. Тем временем у Осокина зрел план: «Выспросить, кто он и откуда. Если начнет тюлить, путаться — взять под стражу и доставить куда следует».

Для начала Осокин приставил к скале автомат и пошутил:

— Будь как дома, не забывай что в гостях.

— Дак мотря ведь чем подчевать будешь-то-о? — садясь на ящик из-под мин, ответил дядя Миша. Достал из кармана брюк плюшевый синий кисет, положил на колено, скрутил «козью ножку». Отщипнул дольку от мореной березовой губы, хранимой в том же кисете. Потемневшим от табака ногтем большого пальца левой руки прижал ее к кремню с острыми гранями, обушком обломка широкого лезвия ножа высек из кремня искру - и пошли виться колечки дыма, приятно попахивая жженым сахаром. Дядя Миша прикурил «козью ножку», аппетитно затянулся махорочным дымом, цыкнул тонкой струйкой слюны под ноги и подал кисет мне:

— Куришь?.. Мы переглянулись. Незаметно для гостя Осокин моргнул мне: давай, дескать, начинай.

— У нас один Илья не балуется куревом, — принимая кисет, ответил я.

— Молодец ваш Илья, — отцовским взглядом окинул дядя Миша Попова, потом остальных и закашлялся. — Бросил бы сам, да вот война всему помеха. Покуришь — и душе навродь легче. Всему свой резонт: от семей оторвали, сволочи. А пошто? По то, што жить по-человечьи стали-и...

Осокин оглядел внимательно пожелтевшие от табачного дыма большие и указательные пальцы на обеих руках дяди Миши. Я молчал.

— Вот что, — лопнуло терпение у Осокина. — Если не секрет, конечно. Скажи, ты откуда родом, дядя Миша?

— Что секретничать-то. Из Борисово-Судска буду. Земляк, поди, твой?

— Я архангельский. Из деревни Погореловская. Слыхал?

— Что-то не слышал, — покрутил головой — дядя Миша.

— В Красноборском районе. Туда со многих мест по грибы да ягоды ездят. И рыбы — что грязи весной на разбитой дороге! Да что это я с тобой!.. Признавайся, дядя Миша, ты русский?

Дядя Миша не понял, чего же от него добивается Осокин.

— Дак ежели с Борисово-Судска, кто же, по-твоему, буду-то? Немец?

— Кто тебя поймет? Может, немец, — выпалил Осокин. — Хоронил-то кого и как?

— Чо не знать-то кого, — спокойно ответил дядя Миша, внешне нисколько не удивившись столь неожиданному вопросу, приняв его как шутку, чем еще больше запутал Осокина.

— Вот. А стал бы нашего хоронить?

— Чо не стал бы?

— Так же, как этого?

— Какая разница: немец это али наш. Лежачих-то кто бьет? Может, он...

— Без всяких «может»! — перебил Осокин. — Он фашист, а ты хоронил его чуть не со слезами...

— Какой там фашист, мертвый-то? Живого надо спрашивать, кто он. А мертвых хоронят. — Только теперь дядя Миша понял, что Осокин не шутит. — Что чужой, потому и положил не в одну с нашим Федотовым могилу. Вот. А все ж он человек, не скот — перво-наперво это надо помнить. А кто в его голове сидел: Маркс али Ленин — не нам с тобой мозгой шевелить, светлей головы есть. Меня послали хоронять, вот я и делаю свое дело-о. Сказали бы: «закопать» — и такой приказ исполнил бы. Что случись с тобой, не дай бог, и за тебя по всем правилам помолю-юсь...

Осокин сначала улыбнулся, потом вскинул лихо голову и захохотал громко:

— Да Маркс и Ленин — это вожди наши, дядя Миша, основоположники научного коммунизма. — Он вскочил с ящика и хлопнул руками по бедрам.

— Это ты скажи своим деткам, которых, поди, на свет не создал еще, а у меня, слава богу, один где-то на Черном море, второй под Ленинградом...

— Да, да, дядя Миша, — не унимался Осокин, совершенно забыв, что рядом с ним Попов и я, с которыми он условился учинить дяде Мише «допрос». — Маркс — учитель и вождь — мирового пролетариата, а Ленин — его продолжатель...

Дядя Миша, не торопясь, погасил о подошву окурочек «козье ножки» и недовольно покачал головой:

— Ни хрена собачьего ты знать не знае-ешь. Видать, и в школу меньше моего ходил. Я ползимы сидел там - и то больше узна-ал. Кто такой Маркс? Немец — вот кто такой Маркс! Самая светлая голова из всех немцев! А кто Ленин? Это — наш брат, русский! Тоже мужик,

каких земля-матушка может раз в тыщу лет рожать. Может, у того немца-то, которого я хоронял, сам Маркс в голове сидел, а я хоронять его буду как попало, а? Об этом ты разумел? Немец немца лучше поймет — у их своя грамота, свой язык. Про Ленина — совсем другая статья — он на всех языках читал, писал, говорил. Это мы с тобой своего-то языка толком не учили, грамотеи, спор затеяли пустопорожний, кто из их главней. Да может, русский-то ученик этот своему немецкому учителю десять очков вперед даст? Это ты берешь в расчет?

Крыть Осокину было нечем.

На этом «допрос» и закончился. Осокин поднял руки:

— Признаться, дядя Миша, мы хотели тебя отправить куда следует. Не поняли сразу, прости.

— Отправляйте, в чем загвоздка-то? Бывал уже, знаю...

— Давай лучше пообедаем с нами, а? По соточке пропустим?

Дядя Миша отмахнулся рукой:

— Мое ждет меня у комиссара.

— А что, давай, дядя Миша, — только теперь подал голос я. — У нас хватит, не стесняйся — не объешь.

— Не-не. Благодарствую, — дядя Миша пожал каждому руку и отправился на КП роты.

Он спустился в лощину, а мы все глядели ему вослед.

Шел дядя Миша не торопясь, по-мужицки, твердо ставил ногу — он никогда не бегал, даже при обстрелах.

— От судьбы не убежишь, — утверждал.

Под скалой шлепнулась мина, другая, третья. Потом просвистела еще одна и упала рядом с огневой позицией — мы сразу ушли в укрытие. Сидели в «шалаше», а мины рвались и рвались в лощине — обстрел по площади наугад.

Так немцы каждый день били по несколько раз и каждую ночь независимо от погоды: боезапас девать некуда.

Вылез Осокин из укрытия, глянул вниз и схватился за голову:

— О, гады! Дядю Мишу...

Дима бросился стремглав под сопку. Следом за ним подхватился и я, оставив на огневой позиции Попова.

Дядя Миша лежал на спине, раскинув руки, среди мелкого кустарника.

Рядом была воронка.

Искривленным ртом он что-то сказал на прощание, да никто не понял.

У дяди Миши в глазах стояли слезы.

Тряхнуло землю, в глазах блеснула вспышка, и все вокруг потемнело.

Я упал...

Очнулся не сразу, а когда открыл глаза, увидел перед собой румяное девичье лицо в каске и серую шинель. Как с неба свалилось. «Не Марина ли?» — первое, что пришло в голову.

Но это была Маша — санинструктор полкового лазарета.

Много слышался я о ней от раненых еще в Эйна. Фамилии ее никто не знал, называли только по имени.

«Маша с Уралмаша». Она действительно приехала оттуда, с Урала.

«Маша-бесстрашная». Она появлялась всюду, где были раненые.

«Маша-однолюбка». Никто подступиться к ней не мог — любила одного, бывшего учителя, он воевал на другом фронте.

Стало быть, и в глаза никто не смотрел ей, как смотрел теперь я. А глаза её — светлые, голубые, окаймленные длинными загнутыми ресницами. Чуть сросшиеся брови — густые, черные. Из-под каски выбивались каштановые волосы. Лицо круглое, румяное. Губы алые, тонкие — нецелованные.

Вот, оказывается, какая потребовалась цена, чтобы «однолюбка» склонилась над незнакомым ей сержантом и, не скрывая тревоги, просила его нежно, как Марина:

— Потерпи, родной. Теперь уже все обошлось.

— Что с дядей Мишей?

— Война... Не надо спрашивать, лежи.

Маша, где надо, умела и обмануть, не явиться на свидание, не дослушать комплимента.

Обманула и меня: «Теперь уже все обошлось».

Не очень. Осколок в кишечнике на полтора месяца приковал к госпитальной койке в Озерках.

Все пережитое до сих пор — и в Эйна, и в боевом охранении — не шло ни в какое сравнение с тем, что испытал я в эти сорок пять суток. Раньше мог защищаться, искать выхода, решения, если что-то грозило. Теперь же — немцы бомбили, а я лежал, нервно хватался за холодный металл койки, подсунув руки под ватный матрац, и смотрел в потолок, оклеенный газетами. На соседних койках кто-то лез с головой под подушку, кто-то стонал сверх меры, чтобы не остаться без сестры и врача, которые, несмотря на бомбежки, и так не уходили от больных в укрытие... Опостытели и матрац, и белые простыни, и даже перовые подушки. Надоела покачивающаяся из стороны в сторону под потолком электрическая

лампочка, горевшая от аккумулятора.

Совсем рядом рвались бомбы и, звеня, летели оконные стекла.

Стремление было одно — возможно быстрее уйти и успеть еще хоть одного немца убить. Мы не завидовали, а больше сочувствовали сестрам, врачам и снабженцам, которые по долгу службы обязаны были находиться в так называемом тылу.

С передовой раненые приносили вести: немцы по-прежнему пытаются наступать то на Правой, то налевой сопках, но каждый раз получают по зубам. Опять отличились минометчики, оставшиеся вдвоем. Их после одного из боев сфотографировал корреспондент какой-то газеты, прислал им фотокарточку. Позднее этот снимок Осокин подарил мне.

Когда зажила рана, врачи разрешили подняться с койки.

Настал новый этап в моем лечении — нытье. Я просил выписать меня на передовую: так поступали большинство. А врачи и слушать не хотели.

Пришлось действовать самому.

В госпитале служил старший сержант санинструктор Александр Березкин, тоже сибиряк, из Алтайского края. Художник.

Пришел однажды с автопортретом ко мне, по-землячески спрашивает:

— Похож?

Портрет был написан простым карандашом, и точь-в-точь получился. Чубатый блондин. При галстук в полоску.

Березкин часто заходил в палату, особенно когда дежурил. Вспоминал свою любимую Сибирь, учебу на санинструктора. Он увлекался спортом, музыкой. Горевал, что дома остался больной отец и маленькая сестренка Лида — мать измаялась. Саша все свои деньги посылал им. Он добрым был не только к людям, но и к животным. В госпитале прижилась собака, единственная, наверное, на весь Рыбачий. Звали ее Соней. Однажды она не ушла в укрытие при бомбежке и поплатилась — правую лопатку перебило осколком. Саша все сделал, чтобы Соня жила. С тех пор она, как тень, ходила за ним. И я привязался к Березкину: что-то было в нем притягательное. Мы подружились, и я упросил его выдать мне обмундирование — дойти до автороты повидаться с другом. Я сознательно шел на обман. Простился с Березкиным и махнул сразу в боевое охранение, не зайдя даже в штаб своего батальона. Но роты Деревянко там не оказалось: она стояла на отдыхе во втором эшелоне.

А. К. Березкин

Была уже осень, промозглая, слякотная. Осыпалась желтизна с березок и ольшаника. Отошли в сопках грибы, потемнели скалы.

Отыскав свое подразделение, я представился командиру, он пожал мою руку и обнял:

— Только собрался навестить — вдруг звонят из штаба полка: тебя ищут, дезертиром объявили.

Лобов с кем-то разговаривал по телефону, а теперь положил трубку и, тоже подав руку, сухо добавил:

— Так не шутят, сержант.

Оправдываться я не стал. Спросил политрука:

— Как Осокин?

— Счастливчик. Не царапнуло даже.

— Жалко дядю Мишу. Из-за того немца все получилось.

— Вообще-то и война идет из-за немцев. А на войне людей убивают, — направляясь к столу, ответил Лобов.

На огневой позиции. И. Попов ведет огонь. Осокин корректирует

— Расскажи, как самочувствие и кто тебе помог.. гм, покинуть райское место? — спросил Дервянко, посадив меня рядом с собой к столу, сколоченному из трех досок, на котором Лобов разбирал только что принесенные газеты и письма.

— Самочувствие такое, что готов воевать. А сбежать помог земляк...

— Как его фамилия? — перебил Лобов.

— Извините, забыл.

Лобов оставил газеты и повернулся к командиру роты:

— Я, Николай Николаевич, наблюдаю за сержантом вот уже третий неблагоприятный поступок. Первый, как помнишь, был связан с изрядной выпивкой в боевом охранении. Второй — побег из госпиталя. И третий — «извините, забыл» — он не желает разговаривать. Интересно знать, в какой семье он воспитывался?..

Я почувствовал, как мое лицо стало наливаться кровью, уши горели в огне. Вскочил со скамейки:

— Воспитывался я в семье пастуха. Отца звали Андреем Николаевичем, фамилию знаете. всю жизнь батрачил. После установления Советской власти в Сибири помогал, добывать белогвардейцев. Во время раскулачивания его оклеветали и сослали из Хакасии в томскую тайгу, где он совершил самосуд над замаскировавшимся белогвардейцем. Отца снова посадили. Разобрались — реабилитировали. Все. Кто помог бежать из госпиталя? Простите, фамилию не назову. Согласен, я обманул его — он мне простит, я из мухи слона не раздуваю, как вы!..

— С кем изволите разговаривать? — повысил тон Лобов и тоже побагровел. — Хорошенькая «муха». Я это квалифицирую пьянкой с подчиненными. В боевых условиях! Раствлением дисциплины и боевого духа! Нежеланием критически оценивать свои поступки! Надеюсь, теперь нетрудно понять, к чему все это может привести в боевых условиях? Ясно, какая тут «муха» и какой «слон»?..

Я готов был рвать и метать: «Спешил. Обманул земляка. Для чего?..» Передернуло и Деревянко. Формально Лобов был прав. Но не комиссару быть таким! Официальная чванливая манера общения зама с людьми с первого дня прибытия его в роту столкнула их и поставила вопрос: кто кого? Но это должно было решиться в верхах: личный состав знать этого не должен. Потому Деревянко, сдержав себя и на этот раз, деликатно вмешался:

— Сергей Афанасьевич, мы, кажется, планировали сегодня побывать у минометчиков, а затем — навестить раненых. Но сержант, видишь, сам вернулся. И, надеюсь, простит нас, что мы не удосужились ни одного раза побывать у него.

— Мы не у тещи блины ели, сержант это, надеюсь, понимает.

— Будем надеяться, — Деревянко поглядел на меня. — Мы пройдем с ним, к его бойцам.

Как после этих слов чувствовал себя Лобов, не знаю. А я шел и благодарил в душе командира, что вовремя выдернул он меня на свежий воздух.

«Второй эшелон» отличался от боевого охранения тем, что здесь не рвались гранаты и мины, да и пули не свистели. А снаряды в ясные дни летели тотчас, как только появлялось где-то более двух человек. В боевом охранении траншей и окопы выложены из камня, а здесь вырыты в щебеночном грунте и прикрыты сверху дерном.

На землянках — в два ряда бревенчатый накат. Для освещения внутри жгли не телефонный кабель, а солярку в лампах из снарядных гильз. Света от них было больше, а копоти меньше.

Едва мы успели протиснуться в узкую дверь землянки, в которой размещались аж два отделения — пулеметное и минометное, поздороваться с бойцами, как вдруг отворилась дверь, кто-то крикнул:

— Олени!..

Со всех ног выбежали из землянки все до единого человека — для многих олени были диковиной, тем более на переднем крае.

Три обитателя тундры, гордо подняв головы, боязливо озираясь по сторонам, легкой рысцой спускались с высоты «Пила», склоны которой на военных картах обозначались зубцами — откуда и привилось название.

Диких оленей я тоже увидел впервые. Но понаслышке знал, что раньше на Рыбачьем гуляло их большое стадо. Война не пощадила и животных. Кто-то видел, как за ними гонялись немецкие штурмовики, стремясь расстрелять где-нибудь в отдалении, чтобы не попали в котел русским. Как видно, эта чудом уцелевшая тройка поджарых красавцев не от добра уходила с Рыбачьего туда, где стучали пулеметы, где рвались снаряды. Олени бежали,

не обращая внимания на протестующее гиканье людей, неожиданно появившихся на их пути. Бежали, ведомые широкогрудым старцем с букетом рогов, откинутых на спину. Деревянко выхватил из кобуры пистолет и выстрелил вверх. Олени дрогнули. Двое бежавших чуть позади бросились в стороны, но тут же вернулись к вожаку.

— В ружье! — приказал Деревянко.

Поскольку я не успел еще получить оружия, то лежал в окопе как наблюдатель. И до боли сжалось мое сердце, когда Деревянко вторично сделал предупредительный выстрел, а животные так и не изменили направления, даже пуще прежнего ускорили бег. И тогда ударил пулемет из окопа. Я зажмурился. Когда открыл глаза — все три оленя лежали уже в разных сторонах, в агонии подрыгивая ногами.

Вскоре позвонил комбат Амвросов, позвал к телефону Деревянко:

— Что у тебя случилось там?

— Олени пожаловали.

— А стрельба к чему?

— Иначе никак. Что ни делал, не слушаются...

— Атаковали?

— Хуже. К фрицам поперлись. Чего, думаю, мясо дарить? Взял да прикончил.

— Ты в своем уме?

— Так точно.

— Сколько их?

— Три.

Амвросов помолчал, подумал в трубку, потом приказал:

— Сдать на батальонную кухню!

— Есть.

Доставкой оленины в тыл батальона охотно согласился заняться Осокин, попросив себе в помощь пятерых бойцов.

А вечером снова позвонил комбат:

— Олени-то что, без печенки были?

Вопрос оказался настолько неожиданным, что Деревянко не знал, как и ответить на него. Он не мог и подумать, что Дима Осокин — честный, открытой души парень — мог соблазниться. Не равнодушен был Дима к треске. Снабженцы знали эту его слабость и всякий раз, когда видели Осокина у себя, хоть пару сушеных тресчин да бросали ему в

мешок сверх нормы.

— Что-то не ясно. Проверю и доложу,— ответил Деревянко.

Оказывается, Амвросову звонил уже сам Пашковский. Узнав о беженцах-оленях, он велел вернуть их на Рыбачий и ни в коей мере не стрелять. Комбат не успел еще доложить, что все уже свершилось, а полковник положил трубку.

Весь телефонный разговор Деревянко с комбатом происходил в присутствии меня и Лобова.

— Пьянка. Побег из госпиталя. И вот — кража! И все минометчики. Что же это происходит?
— развел руками Лобов. Куда катимся?

— Мне думается, это — результат нашей политико-воспитательной работы, — спокойно ответил Деревянко.

Он при свидетелях развивать мысль дальше не стал. Велел вызвать Осокина, а сам тем временем позвонил по другому телефону в тыл батальона и узнал, в каком виде доставили на кухню туши оленей.

Все складывалось против Осокина. Потом явился он сам. Пряча за спиной какой-то сверток, Осокин козырнул:

— По вашему приказанию...

— Садись,— перебил Деревянко.— Рассказывай, где печенка?

— Вот она. — Осокин положил на стол — сверток.

Деревянко развернул газету и опешил. В ней были три шашлыка. Теплые. Сочные. С ароматом жаренных на открытом огне мяса, печенки и лука. С дымком.

— Мы все душу отвели — во! — Осокин резанул себе ребром ладони у подбородка. А это — вам на троих, вместе с телефонистом,— пояснил Дима. Он довольнехонько улыбался. Глаза поблескивали.

Деревянко молчал, не сводя глаз с Осокина. Дима не выдержал:

— Голод — не тетка, товарищ лейтенант! В охотку — мирово!

Бритоголовый и белобрысый телефонист слотнул слюну и, не веря увиденному, аж привстал со скамейки, поглядел на шашлыки. Лобов сидел рядом с командиром роты и тоже молчал, метал взгляд то на Осокина, то на стол.

— Что вы все сыты — это превосходно, — продолжал Деревянко.— Но плохо, что самовольничаешь. Я не знаю, что и делать: комбату звонил командир полка, категорически приказал не стрелять оленей...

— А я хотел предложить утром сходить на «Пилу» — там ребята видели еще двух оленей,— сказал Осокин.

— Ни в коем случае!

— Вот и зря, товарищ лейтенант. Кто же откажется от свежей печенки, тем паче в наших, блокадных условиях, а? Батю непременно надо угостить! Коль эти три оленя пошли с Рыбачьего, значит, и остальные уйдут. Чем дарить немцам, лучше самим подпитаться.

Деревянко-то согласен был с Осокиным, но как убедить Батю? Лейтенант позвонил комбату, а тот адъютанту командира полка и тут же получил от него ответ:

— Мясо — на батальонную — кухню, — печенку — сюда!

...К вечеру следующего дня на кухню доставлена была еще одна туша оленя. И тоже без печенки. Тыловики сразу доложили об этом комбату, тот опять позвонил Деревянко:

— Придется твоего хваленного Осокина посадить на гауптвахту.

— За что? — Деревянко не знал еще результатов охоты: бойцы были в пути — где-то между тылом и ротой.

— Та же история,— сердито сказал в трубку Амвросов.— Они что у тебя, помешались на этой печенке?

— Разберусь. Доложу,— это все, что мог ответить Деревянко.

Через десять минут мы с Осокиным снова стояли перед командиром роты. Лобова не было.

— Все в порядке, товарищ — командир, — доложил я.

— Это называется «порядком»? — начал Деревянко. — Так, так... Значит, решили посмеяться над командиром?.. — Почему? — не понял я.

— Куда опять девали эту проклятую печенку?

А мы ее того... товарищ лейтенант,— встрял Осокин,— Бате отправили. К обеду...

— Куда? Бате? Печенку? — переспросил встревоженно командир роты.

— Так точно. Чтобы вас не подводить... побыстрее, пока теплая.

— Ну и артисты!— Деревянко поднялся, вышел из-за стола.— Да вы знаете, что меня ждет за эту печенку? Адъютант отсебятину допустил, командир своего приказа о запрете стрелять оленей не отменял. Чтоб она сторела, эта печенка! Докладывайте, как хоть произошло-то все?

Группу охотников из четырех человек приказали возглавить мне. На рассвете мы были уже в районе, где в скалах обосновались олени. Разбились мы попарно. Я и Осокин укрылись в засаде, а двое ушли в загон. Вскоре увидели целый табун — полтора десятка оленей бежало прямо на Осокина. Дима выстрелил, табун повернул и ветром понесся в противоположную сторону от меня, оставив на поле одного своего сородича.

Выполнив задание, Осокин чувствовал себя на высоте. Он и предложил парную печенку отнести Бате. Мы возражать не стали. Быстро снарядили в путь худенького, быstroногого Илью Попова, а сами нашли рядом озерко, выполоскали требуху оленя (она тоже за милую душу пошла в котел!), связали ему ноги, продели палку и понесли на плечах неободранную

тушу в тыл батальона.

Выслушав мой доклад, Деревянко подошел к аппарату, чтобы доложить обо всем комбату, но в эту минуту Амвросов уже сам позвонил ему. Комбата только что отругал командир полка и обещал строго наказать за истребление оленьего стада. Обо всем этом обстоятельно уже донесено Лобовым в политотдел полка — жди оргвыводов.

Деревянко положил трубку. Задумался. Помолчал с минуту. Двое подчиненных стояли у порога, ждали его решения. Он забыл о них. Осокин кашлянул в кулак, только после этого Деревянко отправил нас во взвод, а сам он пошел к комбату.

Командир полка слово сдержал: Амвросова, Деревянко и адъютанта наказали. Не обошли взысканием и Лобова — за несвоевременную информацию политорганов о случившемся и низкий уровень политического воспитания подчиненных. Деревянко, в итоге, остался даже доволен таким приказом.

ГЛАВА 2. ПЕРВЫЙ РЕЙД

Амвросов вызвал к себе командиров рот и сообщил, что формируется отряд для действия в тылу врага. Если найдутся желающие — взять от них письменные рапорты и доложить, по команде. Отряд составят пограничники, моряки, сошедшие с кораблей Северного флота, и воины сто тридцать пятого полка — в большинстве коммунисты и комсомольцы. Лыжники. Отличные стрелки.

Лобов тоже загорелся желанием попасть в этот отряд комиссаром, но должность эта была уже занята пограничником старшим политруком Михаилом Ивановичем Прониным.

Командиром отряда утвержден был тоже пограничник майор Иван Иустинович Калеников.

Деревянко предложили командовать в отряде ротой автоматчиков, а мне — взводом ротных минометов. Не долго раздумывал и Осокин — он давно собирался уйти в разведку, тем более командиром расчета. Не отстал от нас и Попов. Я должен был скомплектовать еще три отделения и найти подносчика мин в расчет Осокина.

Уже до пяти раз за день выпадал и таял снег. Завывали ветры, приносящие слякоть. Это вынуждало побольше запастись березового хвороста и чаще сушить возле печки портянки. Совсем редко стало очищаться ночное небо — куда-то плыли и плыли облака, заслонив собой сполохи северного сияния. По-прежнему с передовой доносились пулеметная стрельба и взрывы. Ночами наша артиллерия была по транспортам, идущим в Петсамо, — это работали артиллеристы Кавуна — сто четвертого пушечного артиллерийского полка и береговая батарея капитана Поночевного — сто тринадцатого отдельного артдивизиона Космачева. В непогоду перестали появляться в небе самолеты.

А тем временем в тылу Рыбачьего садились на катера десантники, уходили под темные тени скал и прыгали там в ледяную воду, выбирались на берег и ползли по мшистым склонам, штурмовали опорные пункты, занятые условным противником...

В отряде меня снова свела судьба с бывшим посыльным штаба полка пограничником Михаилом Здоровцовым. Только теперь я по-настоящему разглядел старого приятеля и убедился, что фамилия Михаила вполне соответствовала его комплекции. Попади такому в лапы — костей не собрать! Вспоминая первое знакомство под обстрелом, мы весело смеялись, хотя тогда нам было вовсе не до смеха.

Встретил я и того богатыря, который в ночь моего прибытия в боевое охранение стоя часовым у блиндажа, — Григория Горелика, двадцати одного года от роду. Его ранило осколком гранаты, и целый месяц он провалялся в том же госпитале на перешейке. В госпитале Горелик познакомился с санинструктором Березкиным и, услышав о формировании отряда, договорился с ним вместе проситься туда.

Не предполагая, что я с ним уже знаком, Горелик отрекомендовал его мне как своего приятеля, а Березкин взял да обнял меня. Гриша изумился такому обороту дела, а я стал было извиняться перед Березкиным за то, что обманул его, не вернулся, но он засмеялся:

— Я знал, что ты смоешься. Потому и выдал тебе обмундирование. Мне ведь тоже осточертело там сидеть. Всеми правдами и неправдами вырывался.

Г. М. Горелик

И. И. Бибиков

Потом из Эйна во взвод прибыл целый расчет бывших моих подчиненных: Василий Сахаров, Иван Касьян и Петр Петров. Третий расчет составили Михаил Здоровцов, Григорий Горелик и боец Иван Бибиков — из Мордовии.

На вид Бибиков суховат — как подсолнух в засушливое лето. И ростом едва перевалил полутораметровую отметку. Не раздался в плечах. Детство, видать, было нехлебосольно. Застенчив. Не в меру стеснялся даже ребят в расчете. Зато жену нашел бойкую, на два года старше себя и здоровьем крепче, свободно могла положить его на лопатки — хоть дома, хоть публично, да мужицкого достоинства не хотела унижать.

— Широкой кости Пелагеюшка у меня,— хвалился Иван.— Зимой-то благодать какая с ней — тепло! Марусю родила мне. Тоже ядреная девка растет — вся в мать...

— Как не придушила она тебя, грудастая? — смеялись в ответ ребята.

— Все ж я мужик!

Последнее отделение взвода скомплектовалось из новых для меня ребят: Василия Лукашова — из Кемерово, Николая Захарова — из Якутии и старшины второй статьи Георгия Гутникова — еще одного архангельского помора, пришедшего на сухопутный фронт с корабля вместе с Петей Петровым.

Подносчиком к Диме Осокину достался невысокий, но крепко сбитый в плечах, сотканный из одних мускулов, с крупным и выпуклым лбом, смуглолицый узбек Кадыр Тощев — такой же молчун, как и заряжающий Илья Попов.

— Мне повезло,— шутил Дима.— Таких два говоруна попали — и язык прирастет с ними к небу, говорить разучусь.

Дима уже подсчитал, что на тринадцать человек минометного взвода приходится семь национальностей: русские, украинцы, белорус, якут, узбек, мордвин и коми.

— У нас интернациональный взвод! — объявил он однажды на привале. — Вот если бы каждый исполнил на своем языке хотя бы одну песню, а? Свой интернациональный ансамбль получился бы! Но как мне заставить петь Илью с Кадыром?..

— Как сказал? Падажди,— Кадыр лихо заломил шапку-ушанку и вышел на круг, не снимая автомата. Подогнул под себя ноги, сел на мох-ягель, достал из вещевого мешка алюминиевый котелок с ложкой.

— Сейчас покажет, как надо кашу рубать,— посмеялся кто-то.

Одной ложки Кадыру, оказывается, не хватило, он попросил вторую.

— Да смотри, только верни, Осокин подал свою.— Не сломай, а то совсем обезоружить.

Кадыр взял в левую руку котелок, пальцами правой зажал черенки двух ложек и преобразился в один миг. Без того узкие глаза его сощурились. Сквозь стиснутые зубы его шмелиным жужжанием хлынула узбекская мелодия, сопровождаемая слабыми наплывами дроби ложек, потряхиваемых в воздухе. Казалось, их было не две, а несколько пар — так мельтешили они перед его лицом, ударяясь временами о землю, о колени и о доньшко котелка.

Дима пошутил, а Кадыр все всерьез воспринял. Ребята не ожидали от него такого темпераментного исполнения, как только закончил он, горячо ударили в ладоши и наперебой закричали:

— Браво!

— Молодец!

— Вот и Кадыр!

— В тихом омуте вон что водится!..

Пока аплодировали да кричали, Тощев поднялся с земли и, возвращая ложку Осокину, взял его за рукав:

— Теперь ты. Сам сказал? Иди пой!..

Еще громче захлопали в ладоши бойцы взвода. А Дима горазд был всего лишь на шутки да на анекдоты, заговорил уклончиво:

— Гармошку бы или балалайку... А ребята ему:

— Ты на губах!

— Кадыр не просил гармошки!

— Назвался груздем — полезай в кузов.

— Архангельскую! Какая там в моде у вас?

— Не набивай цену!

Осокин сдался. Шагнул на середину образовавшегося круга. Сидели здесь теперь не только минометчики, но и бойцы роты Деревянко. Дима пошарил в карманах гимнастерки, достал оттуда затасканную газетную вырезку, глянул в нее, потом заложил руки за спину и начал:

— Алексей Сурков. «Песня смелых». Только не петть буду, читать.

Ребята притихли. Кто-то хлопнул раз-другой в ладоши, но никто не поддержал.

— Нам все равно,— сказал Димин земляк Георгий Гутников.— Читай.

Осокин кашлянул в кулак, переступил с ноги на ногу и стал читать, как читают большинство поэтов — нараспев и монотонно:

Стелются черные тучи,
Молнии в небе снуют,
В облаке пыли летучей
Трубы тревогу поют.
С бандой фашистов сразиться
Сталин отважных зовет.
Смелого — пуля боится.
Смелого — штык не берет.
Славой бессмертной покроем
В битвах свои имена,
Только отважным героям
Радость победы дана.
Смелый к победе стремится,
Смелым — дорога вперед.
Смелого — пуля боится,
Смелого — штык не берет.
Смелый дерется с врагами,
Жизни своей не щадя...

Он сделал паузу, позабыв следующие строки. Стушевался. Запрокинул голову, а над сопками низко плыли морозящие облака. Снова глянул в газетный листок, продолжил:

Смелый пронесит, как знамя,
Светлое имя вождя.
Смелыми Сталин гордится.
Смелого любит народ,
Смелого — пуля боится,
Смелого — штык не берет.

— Простите. Сбился. Первый раз читаю со сцены, — он глянул в небо, размахисто поклонился и сел тут же, в одном шаге от «сцены».

Осокин, как и Кадыр, удивил многих. Мы знали Диму, как балагура, шутника и насмешника, а тут... Вместе со всеми аплодировали Березкин, Деревянко и комиссар роты Кудряшов, оказавшийся в эту минуту рядом.

Подчинялся теперь я командиру отряда Каленикову. От Михаила Здоровцова мы знали, что пограничники Каленикова удерживали врага в первые дни войны, пока не подошли им на помощь части четырнадцатой армии. Пограничники, сохранив свои боевые порядки, отошли на Рыбачий.

Перед самой войной Каленикову исполнилось тридцать пять. Выглядел он старше. Крупное, немного сплюснутое с подбородка скуластое лицо с мясистым носом и, как у кавалериста, чуть кривые ноги. Русый, густой чуб начинался почти от бровей, всегда был раздвоен и напоминал летящую чайку.

Старший политрук Михаил Иванович Пронин — резкая противоположность командиру. Высокий и стройный. Кареглазый. Даже на фронте находились парикмахеры, которые делали ему любимую стрижку «бобрик», которая удлиняла его лицо и молодила, хотя был Пронин старше Каленикова на два года. От того же Михаила Здоровцова мы знали, что Михаил Иванович — храбрый, умный партийный работник. Приятно было подчиняться опытному командиру и комиссару, готовившим отряд — две роты автоматчиков с тремя специальными взводами: минометным, саперным и связи — для боев в тылу врага.

У меня слишком велика была тяга к знакомым ребятам по роте Деревянко.

Да и комиссар Кудряшов не отмахивался от нас — как-никак большинство бойцов взвода были его питомцами. Он как равный с равными разговаривал с бойцами на любую тему, охотно занимался политическим образованием минометчиков.

Ко всему прочему, Кудряшов с особым уважением относился к поэзии (он и сам писал стихи — для себя), и, разумеется, «Песня смелых» Алексея Суркова была ему известна.

Вместе со всеми аплодировал Кудряшов чтецу, а когда бойцы утомонились, попросил у Осокина газетную вырезку, глянул в нее и, улыбаясь, покачал головой:

— А эти строки куда девал?

Ринулись ввысь самолеты,
Двинулся танковый строй...

— А много ли мы видим самолетов и танков на Рыбачьем? — не дав дочитать четверостишия, спросил Осокин. — Это для южных фронтов писал поэт. А у нас мин — и тех не хватает. Будем надеяться на штык — он не подведет!

Концерт «интернационального взвода» длился бы час и два еще, если бы не прервал его приказ командира отряда, переданный по цепи: — Продолжить марш!..

Это был последний тренировочный выход со стрельбой холостыми патронами.

Тридцатого октября отряд — впервые без ограничения — упаковал в вещевые мешки паек на пять суток, патроны, гранаты и мины. Сдали в политотдел соединения партийные и комсомольские билеты и документы, удостоверяющие личность. Оставили награды. Сожгли письма. В нагрудный карман гимнастерки вложили фотографию Сталина размером 6х9, а в брючный кармашек для часов — патрон с домашним адресом. Получили последний инструктаж, который, в общем, сводился к одному:

— Советские разведчики живыми в плен не сдаются!

И стали ждать непогоды — тумана, еще лучше — пурги.

Только теперь я всерьез осознал, куда идем и что может ждать нас в предстоящих боях.

Березкин, оставив Соню в госпитале, тосковал по ней. А вчера пошел туда по делам службы, Соня увидела его и вслед за хозяином пришла в отряд, расквартированный в землянках в километре от госпиталя.

— Здравствуй, цыганка Соня! — я тоже впервые увидел ее после госпиталя, тоже обрадовался. Она и на самом деле была похожа на цыганку: черная, с белым бантом на груди. — Узнала? Вспомнила? Ну, дай лапу... Не стесняйся. Мы друзья с твоим Сашей...

Как знать, поняла Соня что-нибудь или нет, но глянула на Березкина такими глазами, будто поняла все...

— Да-да. Он правду говорит, — подтвердил Березкин.

Соня хорошо была обучена здороваться, служить, отыскивать в траве или кустарниках брошенный предмет, дневалить у входа в землянку, доставать убитых уток — за что тут же получала вознаграждение: сахар, сухарь — то, что было в кармане. Нашлось чем угостить и на этот раз. С лёта поймала подкинутый мною кверху кусочек сахару и сразу подобрела — подала левую лапу. Правая после ранения плохо слушалась, а Соня, как всякая женщина, не хотела показывать своего дефекта.

— Вот какая, — я потряс лапу, погладил маковку головы. Жаль, угостить Соню больше было нечем.

К животным люди на войне добрели, а к врагу — сатанели. Дома мне никогда не приходилось возиться с собаками, а тут готов был в поход взять Соню. Да куда с ней там — подведет! А она просилась: и уши, и руки лизала нам, чувствовала, что мы уходим. А когда хозяин посадил ее на ремень к дверной скобе — заскулила тонко, жалостно.

Уже вечерело. Рота Деревянко, минометный взвод и по два отделения связистов и саперов,

одетых в белые халаты, шли к переднему краю. Хлопьями валил снег. С каждой минутой приближалась пулеметная стрельба боевого охранения. Вот она совсем рядом, над головой, на вершине хребта Муста-Тунтури, закрытого сплошной пеленой снегового заряда. Мы шли под отвесной скалой, по обсушке — след в след за саперами с миноискателями. Шли молча, стараясь не стучать каблуками о камни. Зону, где в любую минуту могли накрыть нас пулеметы, хотелось миновать как можно быстрее. Но спешить не менее опасно — могли наскочить на мину, и тогда немцы наверняка всполошатся.

Тем временем вторая группа отряда с комиссаром Прониным, погрузившись на катера, ушла из Эйна и высадилась на скальный берег врага. Ей предстояло совершить марш к поселку Титовка, взорвать мост через реку и совместно с ротой Деревянко атаковать гарнизон в Титовке. Сигналом атаки будет взрыв моста.

Группа Деревянко, с которой шел сам командир отряда, оставила уже боевое охранение позади, вошла в ущелье. Это не значило, однако, что опасность обнаружения врагом уже миновала. Где-то мог сорваться камень, полететь с обрыва вниз — и загрохочет лавина булыжника.

Злилась пурга — это было нам на руку. Мы шли под самым носом у врага. Стук пулеметов в боевом охранении становился все глуше. Мы ускоряли шаг. Ветер свистел и рвал из-под ног плитки спрессовавшегося снега, уносил к немцам.

Вдруг кто-то впереди меня заорал:

— Дайте мне Гитлера-а! Я ему горло перегрызу, гаду-у!..

По моей разгоряченной спине прошла дрожь.

Один боец подскочил к оравшему, закрыл рот рукавицей:

— Чего орешь, немцы услышат!

Тот оттолкнул бойца и опять:

— Струсили, да? Эх, вы! Дайте, говорю, Гитлера, посмотрите, что я с ним сделаю!

Он был пьян. Его обезоружили, завели руки за спину, и он свалился в снег. Сообщили по цепи командиру отряда. Покуда шел Калеников, разведчики приводили опьяневшего в чувство — растирали виски снегом, приговаривали: «Ты с ума сошел!. Перестань — горло драть!..»

— Что случилось? — подойдя, спросил командир.

— Полфляги спирту выдул, — доложил Деревянко.

— Ну-ка, освободите его, — Калеников подошел к пьяному. — Что с тобой?

Тот еле поднялся и снова упал под ноги Каленикову, в кровь рассадив себе висок о камень.

— Я прошу дать мне Гитлера, а они трусят, не дают, — пытаюсь подняться на колени, опять на высоких тонах начал он.

...Через десять минут отряд снова продолжал марш в заданном направлении, оставив позади небольшой каменный тур, закиданный снегом. В этой обстановке, видимо, иначе было нельзя...

Я шагал в колонне, временами проваливаясь между камнями по колено в сугробы. «Какая нелепая смерть!» Темп марша сдерживался еще не отвердевшими сугробами снега. А под ним — скользкие, оледеневшие камни.

Упущенное время надо было наверстывать, чтобы успеть затемно уничтожить гарнизон и батарею, которая вела огонь по Рыбачьему.

Снегопад постепенно стихал. Занималась утренняя заря.

Как ни спешили, а достичь рубежа атаки к назначенному часу не успели. Мы потеряли полчаса, а впереди было еще два километра пути. По времени Пронин должен был уже послать саперов лейтенанта Лебедева взорвать мост.

На марше входить в радиосвязь с Прониным Калеников опасался. Теперь пришлось рисковать. Вышел в эфир, передал цифровым кодом приказ перенести взрыв моста на сутки. Но было поздно — бикфордов шнур уже догорал. Вспышка озарила небо, громыхнул в сопках взрыв.

Немцы затрубили тревогу. Помчались по дороге мотоциклы с выключенными фарами. Загудели машины. Полетели в небо ракеты. На дорогу вышли не то броневые автомобили, не то танкетки.

Одолеть такие силы могла помочь нам только внезапность.

В районе взрыва, куда умчались мотоциклы, застрочил немецкий пулемет: как сверчок — раз, другой, третий. Но никто ему не ответил. Неужели обнаружены? Командир отошел к Дервянко посоветоваться, а я попросил у Постовалова наушники, послушал: сплошной гомон и писк. Временами их заглушали человеческие голоса — передавались цифровые коды.

К рассвету мы успели отойти в сопки, занять оборону и тщательно замаскироваться в лощине, покрытой мелким кустарником. Выслали дозоры, оборудовали огневые позиции, установили минометы.

Вскоре в небе появился воздушный разведчик «фокке-вульф». Он осточертел нам еще на Рыбачьем. Там по нему тотчас же открывали огонь из пулеметов и винтовок, а тут вынуждены были молчать. Противное завывание мотора на высоте не более пятисот метров раздражало. На марше согрелись, даже вспотели, а тут — лежи в снегу, морозь ноги.

К счастью, опять пошел снег, «костыль» улетел, и мы разожгли костры — по одному на взвод.

Д. А. Постовалов

Я сел на низенькую, разлапистую макушку березки, занесенной снегом — словно в мягкое кресло плюхнулся. Приятно показалось: легко, мягко, тепло. Рядом горел костер. Для подогрева крови — сто граммов из фляги пустили. Пошли в ход сухари, консервы. Начались разговоры о доме, анекдоты. Будто не у немцев в тылу находились, а у себя.

Я снял один сапог — еще приятней стало. Так бы и побегал босой, как, бывало, в детстве носились летом за коровами в деревне со старшим братом Павлом. Но зябла и вторая нога. Я придвинул её к огню поближе: обе сразу разувать нельзя — готовность. Пригрелся и задремал. И, конечно, тут же свалился в снег.

Как-то в сибирской деревне Туендат, на первом году после смерти отца, мать поила нас всех, семерых детей, старшему из которых было семнадцать лет, чаем и рассказывала легенду о цапле. Чтобы не уснуть и вовремя известить свое семейство об опасности, цапля-мать становится на одну ногу и поэтому никогда уже не прозевает врага. Рассказывая об этом, наша матушка, как видно, сердцем чувствовала, что детям может пригодиться в жизни эта легенда. Я не стоял на одной ноге у костра, однако сел на ветвистую макушку березы — и свалился с нее в ту же секунду, как только задремал. Сон сразу исчез. Под ногами, возле нашего костра, в снегу лежал полевой телефонный кабель. Как выяснилось позднее, он шел из тыла, с батареи, в Титовку. Доложили об этом командиру отряда. Бывший пограничник неплохо знал немецкий язык, он подключился к линии, подслушал разговор. Затем мы перерезали кабель и устроили засаду. Перестали дымиться костры.

Через час дозорные донесли, что на линии появились четыре автоматчика без маскировочных халатов, один — с коробкой полевого телефона на боку. Шли прямо на взвод старшего сержанта Николая Кокорева, замаскировавшегося в мелком кустарнике.

«Не дураки. Одного-двух не послали», — увидев их, подумал я.

Отряд лежал в кустарнике, закопавшись в снег. Немцы шли попарно, в двадцати—тридцати шагах пара от пары. Едва успела миновать головную засаду последняя пара связистов, как вскочили два отделения разведчиков и не дали ни одному из четырех даже выстрелить.

Калеников сразу же нашел среди них готового дать показания. Этот пленный заявил, что является земляком Эрнста Тельмана и целиком согласен с его политической платформой относительно бессмысленной войны с Россией. Высокий, худущий блондин. Служил на батарее связистом — он и нес телефонный аппарат.

Калеников составил донесение и приказал немцу зачитать его текст в телефонную трубку. По тексту следовало: «Повреждение устранено. Возвращаемся домой», — на немецком языке.

— Гут, гут, — ответил пленный, глянув в листок.

Он трижды повторил в телефонную трубку текст, не зная того, идут ли они по проводам. Когда Калеников убедился, что немец не фальшивит, дал условный сигнал связисту Поставалову, тот соединил провода, и донесение пошло командиру батарее...

С пленными с глазу на глаз я встретился впервые. Горные егеря сто тридцать седьмого полка. Раньше они нам представлялись другими — что-то вроде Михаила Здоровцова или Гриши Горелика. А эти, кроме связиста, были заморышами, не крупнее Бибикова и Попова. Каждому под тридцать лет. Семейные. Один — сын фермера. Другой — торговец. Третий — служащий. А связист — один из низших чинов узла связи. На шее какие-то шарфы цветастые. В длинных шинелях. На ногах ботинки на толстой подошве, тяжеленные. Одно название — «горные егеря».

Компаньоны связиста шли из госпиталя в свою роту на Муста-Тунтури, на батарее отдыхали — там и тревога застала, объявили: «Русские взорвали — мост!» Связь со штабом нарушилась, кого послать на линию? Командир увидел новичков — и туда их, со связистом. Солдаты козырнули и пошли — все равно где коротать войну — в тылу-то безопасней...

Вновь помела поземка.

Калеников решил, что в предстоящую ночь атаковать гарнизон, поднятый на ноги, неразумно: фактор внезапности упущен! И с наступлением темноты мы ускоренным маршем отправились в обратный путь.

Пленные следовали в нашей колонне. Все четверо несли вещевые мешки тех, кому достались их автоматы. И тут со мной случилось непредвиденное: у правого сапога прохудился носок. Ни раньше, ни позже! Пошарил рукой и ужаснулся. Я не чувствовал, как сжег его у костра. В сапог снег набивался, нога деревенела от холода. И привала Калеников не делал. Спешил миновать боевое охранение, покуда мела пурга.

Впереди меня месил снег пленный связист. Его голова почти полностью была замотана шарфом, но шарф, видимо, продувало колючим ветром, и немец воротником шинели прикрывал себе лицо и прятал в рукава кисти рук. Глядел себе под ноги. Ему все равно. Он знал, куда его ведут. Не смотрел по сторонам, как делали это мои бойцы — им поручено

было конвоировать пленного связиста, остальных сопровождали автоматчики Кокорева.

Прохуdivшийся сапог пришлось заткнуть носовым платком, но платок скоро выпал. Натянул на сапог рукавицу и примотал брючным ремнем. Так и плелся до первого привала. А там, к моему удивлению, пленный связист оторвал зубами кусок шарфа, достал из кармана какой-то мешочек с тесемками и подал мне:

— Гут, гут. Дизе ист нихт шлехт...

В школьные годы я тоже изучал немецкий язык и понял: дескать, это совсем неплохо. Выбора не было.

— Спасибо!

— О, гут, гут. Я зольдат, ти зольдат. Гитлер капут! — замахал длинными руками пленный.

— Еще спасибо говорить фашисту! — вмешался Осокин. — Забрать шарф и точка! Он с кого-то содрал его, гад. Пускай околевают. Пускай прочувствует русскую зиму, знал, куда шел!.. В том, что пленный не скрывал симпатий к русским, сомнений у меня не было. Но чем рождены эти симпатии? Он просил спасти ему жизнь. От рождения воспитывался в чужом для советских людей обществе. Присягал верно служить великой Германии. Попал в плен — и сразу: «Гитлер капут!»...

Кем бы ни рисовался немец и какие бы ни вызывал к себе чувства, он — пленный. При подходе к боевому охранению замотали ему рот шарфом, чтобы не крикнул своим: «Тут русские!» А в ущелье, где лежал под камнями по глупости погибший разведчик, старательно раскидывал пленный связист камни, а затем вместе со своими соотечественниками нес мороженный труп.

Сапог меня больше не беспокоил. По минному полю пленный отмеривал шаги с такой осторожностью, будто знал размещение мин. Не проявляли ни малейшего желания подорваться на них и остальные немцы. Когда мы ступили на родную землю Рыбачьего, тогда только почувствовал я, насколько устал и как напряжены были нервы.

Мы снова были дома, в своих землянках, в тепле. Можно было разуться, снять белье, спокойно выспаться на нарах с матрацами, набитыми сеном. Не верилось, что снова дома. Пока спали, нам готовили горячий обед, сушили одежду, меняли обувь, топили баню...

Калеников вернулся из штаба соединения мрачным. Там состоялся неприятный разговор: отряд не выполнил боевой задачи, командир действовал нерешительно.

Калеников собрал командиров рот и взводов на совещание к себе в землянку. То обстоятельство, что в отряде оказался любитель спиртного, сорвавший операцию, по существу, усугубляло вину командира. Повинны в этом были и Деревянко, и Кокорев: куда смотрели, когда набирали отряд! По оценке командования, смелее действовал комиссар Пронин. Он полностью выполнил свою задачу и вернулся без потерь. Быть бы Каленикову под трибуналом, не возьми он пленных.

Деревянко по своей горячности попытался защитить себя и Кокорева от обвинений, показавшихся ему необоснованными, но командир отряда тут же осадил его:

— Не совсем подходящее время для дискуссий и сомнений в выводах командования!

Оставалось одно — искупать вину!

Прошло три дня. За это время попарились в бане рыбачинскими вениками, отдохнули, и снова мастеровые руки бойцов запросили дела, потянулись к напильнику, ножу. Прошел еще день, другой — и у курильщиков появились мундштуки: Мефистофель из оргстекла сбитых самолетов, дюралевые портсигары, ножи финского фасона с наборными многослойными рукоятками — эти годились и в рукопашном бою, расчески. К тому времени уже прижился на фронте девиз: «Махнем на счастье, не глядя!» — самодельные сувениры пошли по рукам. Кто-то за простой мундштук получал портсигар или добротный финский нож. Проигравшие не жалели: дружба превыше всего!

Радист Дмитрий Постовалов ножом сделал из досок балалайку — брэнчала не хуже фабричной. Перед войной Постовалов не только балалайки мастерил у себя в Алапаевске, но и гусли. Переехал с семьей в Мурманск — с собой и гусли увез. На фронт думал взять, да побоялся, что сочтут «с завихрением»... Уехал без, гуслей. А пригодились бы гусли на фронте! Написал жене, чтобы отнесла их в скупочный — денег выручить на молоко годовалому сынишке Эдику. Закончит войну — сделает гусли новые, лучше тех! Не хотела жена расставаться с памятью о муже, да голод заставил. Постовалов шутил, что умеет играть не только на трехструнке, но и на патефоне. Патефон, оставшийся у него дома, — подарок комитета комсомола за шлюпочный переход в тридцать шестом году из Алапаевска по реке Нейме до Иртыша.

С балалайкой жизнь шла иначе. В свободное от занятий и вахт время землянка Постовалова постоянно была многолюдна. Пели, плясали. Даже Соню учили исполнять «Камаринскую». Все это не обходилось без Димы Осокина. Но однажды пришел он в землянку не ради балалайки — искал он санинструктора Александра Березкина. Дверь в землянку была открыта. Нырнул Осокин туда и увидел: по-старушечьи повязав себе голову куском марли, Постовалов под собственный аккомпанемент на балалайке выдавал «Украинскую кадрили». Казалось, ходил потолок от смеха. Сыпалась сверху земля. В числе поклонников таланта Постовалова Осокин увидел ротного комиссара Кудряшова и, конечно же, Березкина. Свидание с комиссаром в данном случае было нежелательно, а он, как нарочно, сидел с Березкиным, хохотавшим до слез. Дима протиснулся между ребятами к взмокшему от смеха санинструктору. Шепнул на ухо:

— Дело есть...

Березкин поднялся, следом за Осокиным выбрался на улицу, вдохнул холодного воздуха, поуспокоился. Готов оказать помощь.

— Вот, — Осокин достал из кармана флягу. — Как бы проверить, не яд?

Березкин взял флягу, отвинтил пробку, нюхнул:

— Где взял?

— Только между нами, идет?

— Ладно, говори.

— Полную бутылку нашли, фрицевская. Поночевный вчера жару давал опять, транспорт потопил. Много всякой всячины повыкидывало на берег. Эту в корзине принесло. Кто-то припрятал, а мы нашли...

— Сам знаешь, лаборатории у меня нет, в госпиталь не понесешь. А запах вроде ректификаката...

— Что ты, нет-нет! В госпиталь ни в коем случае. Нам хватит его надолго, если не яд.

— Не советую, — Березкин вернул флягу. — Ребята из роты Загорулько попробовали распечатать такую бутылку — помнишь? — и командир под трибунал угодил.

— Я не дурак. Жизнь пока не надоела, — пряча в карман флягу, ответил Осокин.

Соня, как адъютант, верно служила Березкину. И на этот раз была возле него. У Осокина для Сони всегда было что-нибудь в карманах. Соня терпеливо переждала деловой разговор друзей и подала Диме лапу — поздоровалась. Как и следовало ожидать, получила за это кусочек сахара. Тут и озарила Диму мысль: «Нет лаборатории — есть Соня. Она и выручит!..»

Березкин вернулся к Постовалову, а Дима увел Соню в свою землянку, в которой уже крепким сном спали на нарах Попов с Бибиковым, пришедшие вместе с ним из наряда. В вещевом мешке нашелся сахар. Взял кусочек, увлажнил его спиртом из фляги и дал Соне. Она схрумкала, облизнулась. Он повторил. Она не отказалась. А сахару-то не так уж и много было, чтобы на эти пустяки тратить! Зажал Сонину голову промеж своих коленей и лнул ей в рот из фляги. Соня сколько ни крутила головой, сколько ни выталкивала языком вязущую, обжигающую жидкость, а что-то и попало внутрь. «Выпила — закуси!» — подумал Дима, потому как сам придерживался такого правила. Снова сахару дал со спиртом. Она с удовольствием съела. «Ну как?» — он решил освободить ее и понаблюдать: «Умрет или спьянится?» Нет, Дима не хотел, чтобы Соня умерла: он любил ее, как любят добрые люди всякое незащищенное существо. Жалел. А наука требовала жертв. опыты всегда сначала проводятся на животных. Без опыта не доказать друзьям, что в его запасах отныне и надолго появился ценный продукт! А Соня наяривала хвостом, поглядывала на Диму поблескивающими глазами, но уже не проявляла никакого желания закусить. Ложилась и тут же вставала. Позевывала с визгом. Подошла к двери — Дима выпустил ее на волю, и сам вышел за ней. Она жадно похватила снега, повалилась в сугробе и принялась кренделя выписывать — бегать вокруг, юлить, купаться в снегу, вскакивать и снова повторять те же трюки. Довольная. Явно не отравы напилась! Вбежала в траншею, оттуда — в землянку, где продолжался самодеятельный концерт.

Обнадеживающий результат эксперимента вернул Осокина в свою землянку, где он с ходу взял кружку, не скупясь плеснул в нее из фляги, разбавил талой снеговой водой и тут же выпил. Заел сушеной треской и отправился к ребятам.

Балалайка в землянке уже молчала.

— Чего замолчал, тезка? — Осокин громко спросил Постовалова.

— Что-то с Сонькой случилось.

У Осокина пошевелились корни волос, ноги стали ватными. Соньки в землянке не было.

Постовалов сказал, что минут десять назад она вбежала к ним и распласталась в ногах у Березкина. Заскулила, просила помочь ей. Он взял и унес ее к себе в землянку, лекарства дать.

Распахнулась дверь, вбежал Иван Касьян, объявил:

— Всэ... Помёрла...

— Что сказал? — побледнел Осокин. — Умерла?..

— Да, Сонечка наша... Побачь сам, вона на снегу лежить и ногой не дрыгнэ.

Шутки плохи! С минуты на минуту и его, Диму Осокина, кондратий хватит! Полкружки высадил — не шутки! А много ли надо с таким закусом! Дима запомнил с детства на всю жизнь, как в их Погореловской умирала старушка, отравившаяся грибами. Из рта шла пена, её трясло. Билась головой, ногами о кровать и стены. «За что меня бог покарал? За что, господи?» — спрашивала она беспомощных людей.

Осокин, расстегнув на груди гимнастерку, выбежал на улицу:

— Саша, где ты? Березкин! Помоги, я отравился!

Похватал пригоршнями в рот снега и — к землянке. А там у входа пластом лежала на снегу Соня, возле нее хлопотал Березкин.

— Я отравился, Саша, — держа в руке шапку, подбежал к нему растрепанный Осокин. — Помоги-и-ы-ы!

Березкин оставил свою Соню и поспешил с Осокиным в землянку. Усадил его возле стола, заставленного различными колбами, пробирками в банках. Тут же лежали перевязочные пакеты. Над столом на стене висел двустворчатый шкафчик. Березкин придвинул поближе к лицу Осокина керосиновую лампу с пузырем, сел на табуретку напротив и велел поглядеть в глаза. Осокина колотил озноб.

— Послушай, Саша, — умоляющим голосом говорил он. — Я напоил из той фляги Соню, потом сам допил. Ты понял меня? Делай со мной что хочешь. Хоть бей, хоть режь, я жить хочу, фрицев бить! Не послушался тебя, дурак, прости. Бей меня. На, бей, Саша, — он швырнул на пол шапку, которую до сих пор комкал в руках, шлепнул себя по коленям и, задыхаясь, умолял: — Помоги-и-ы-ы, жить хочу-у...

Березкин слушал Осокина, а сам молча побренькивал уже какими-то склянками, переливал из ведра в кастрюлю воду, что-то сыпал в нее и размешивал это что-то палочкой.

Тут и вбежал в землянку я, узнав о ЧП. Расстегнутый и взлохмаченный, Осокин, увидев своего командира, вскочил и в ту же секунду повалился на стену, сел мимо скамейки на пол. Кое-как поднялся на колени, потом сел на скамейку и заговорил:

— Прости, командир. Я, кажется, отравился. Сейчас умирать буду. Не хотел. Прости. Так вышло. Соня подвела. Фрицы, гады. Сам подлец. Тебя подвел. И ребят тоже. Хоть ты будь мужиком, ударь меня. Не бойсь, ударь. Не обижусь. Может, легче станет, ударь.

Я стоял, стиснув зубы. А Березкин налил уже в литровую банку марганцовки, подошел к Осокину:

— Пей! Все пей!

Осокин залпом осушил банку, Березкин снова налил:

— Пей!

Жить-то хотелось, как отказываться! Березкин поднес третью банку, а Дима не мог отдышаться еще от тех двух. Рукавом отер потное лицо:

— Некуда. Лопну. Можно погодить?..

— Тогда посиди, — согласился Березкин.

— Может, в госпиталь отправить? — присев рядом с Осокиным на скамейку, спросил я.

— Неотложную помощь полагается оказывать на месте. А потом видно будет, — ответил Березкин.

У Осокина в животе уже кишки пошли вперемешку, заурчали. Ему все хуже и хуже делалось. В глазах туман. К горлу подступала тошнота:

— Как самочувствие? — минут через пять спросил Березкин.

— А хуже будет? — не ответив на вопрос, поинтересовался Осокин.

— Как сказать. Клизмой еще придется чистить желудок. А пока идем на снег и закладывай пальцы в рот.

Осокин стоял, сторбившись в траншее, вырытой во время утренней «физической зарядки» самим Березкиным, посматривал искоса на усопшую Соню, и дрожь по спине шла. По его вине погибла Соня, и неизвестно еще, что самого ждет впереди. А впереди была клизма. И дважды — раствор. Без конца бегал в траншею. Продрог — зуб на зуб не попадал. Наизнанку вывернулся. Но пил. Ни мало ни много — ведро опорожнил. Галлюцинация началась уже. Кошмары — как та бабка, скоро метаться начнет! И в это время в землянку пожаловала Соня. Заснеженная. Озябшая. Обнюхала Березкина как чужого, а потом села напротив Димы и просящими глазами смотрит. Осокин нерешительно погладил ее: не померещилось ли? А Соня — лапу ему на руку. Живая!

— Ребята, Сонька! — что было сил заорал Осокин.

Мы с Березкиным обалдели не меньше Осокина. Действительно, Соня ожила. Проголодалась. Отоспалась на снегу и пожаловала. Продрогла. Дескать, пора и покормить ее. Вот она какая, Соня! Выжила. Проучила Диму. Теперь он никогда не дотронется до спиртного. Хватит. Навсегда насытился. И наркомовского пайка пить не будет, обойдется без подогрева изнутри!..

Ну и понесла круговерть, поволокла по кочкам Осокина — с комсомольского бюро до партийной комиссии соединения. Что в парной — насквозь, до костей. И так и этак. И в

хвост. И в гриву. А он одно твердил в ответ:

— Виноват. Подвел. Не буду.

Воевал — и не ведал, с какими людьми связан незримыми нитями. Вон сколько их оказалось — и все за него, о нем. Думают, переживают, сочувствуют. По-братски. По-отцовски. По-флотски. В том и сила!

В десант Осокина решили больше не брать. Он пошел к командиру отряда, сквозь слезу просил:

— Не подведу. Клянусь. Рядовым, но возьмите...

Командир умел понять душу человеческую. Долго думать не стал, перевел Осокина во взвод Кокорева рядовым автоматчиком, а командиром миномета назначил тридцатилетнего запасника из-под Смоленщины младшего сержанта Федора Михайлова — в прошлом моряка-тихоокеанца.

ГЛАВА 3. ИСПЫТАНИЕ НА СТОЙКОСТЬ

Шла вторая половина декабря. Стояла ясная, с короткими снеговыми зарядами погода, морозная и тихая. По звездному небу переливались волны северного сияния. А мы ждали пурги — такой, чтоб на сутки или двое. Ясная погода в Заполярье бывает редко, особенно зимой, а тут полную неделю не пускала нас к вражескому берегу. И зенитчикам покоя не давала, самолеты врага даже ночью бомбили передний край и тылы. Зенитных пушек у нас пока не было, а пулеметов немцы не очень-то боялись.

Мокрыми хлопьями ложился снег на скалистые сопки. Осторожно гудя моторами, мотоботы вошли в густую тень высокого обрывистого берега. Стараясь не стучать оружием, десантники поодиночке перебирались по узкой дощатой сходне на скользкие скалы. Как ни береглись, а все же позади меня один сорвался в воду.

— Тихо, кто там? — спросил я вполголоса.

В атаку. Фото Н. Веренчука

Из чернильно-черной воды вынырнула голова Димы Осокина. По-тюленьи фыркая, он молча карабкался на скалу, держа в руке поверх воды автомат. Я сбежал вниз и подал ему линь (полутораметровые лини были почти у каждого в карманах — припасали для связывания рук пленным).

— Опять, что ли, спирту нажрался! — в сердцах сказал я.

— Хотел побыстрее, да поскользнулся, — ответил Осокин, отжимая рукой ватные брюки, которые не успели ещё и промокнуть насквозь.

Тем временем мотоботы отошли от места высадки и скрылись в темноте.

За сопкой стояла батарея. Она часто была по тылам Рыбачьего и блокировала подходы с моря. Только в пургу да туманы могли прорваться наши катера в бухту Эйна с

подкреплением и продовольствием. Такая погода от моряков требовала высокого класса судовождения — могли напороться на банки, попасть к врагу.

Ф. А. Михайлов

Начался марш. Вскоре группа поиска обнаружила землянку. Калеников принимает решение взять часового живым, без выстрела. Поручает это группе захвата роты Деревянко. Но группы этой рядом не оказалось — шла впереди справа. А время не ждало. Деревянко бежит во взвод Кокорева, где были и мои минометчики.

— Кто за «языком»? — спрашивает.

— Меня возьмите, — Осокин стучит от холода зубами.

— Ты же мокрый!

— Тем более — согреться надо.

— Кто еще?..

Желали все. Деревянко выбрал Осокина и тихоокеанца Степана Рожкована, прибывшего в отряд из запаса, командовать послал свёрдловчанина — старшину первой статьи Григория Злачевского. Рожкован на ТОФе увлекался дзю-до, а Злачевский — самбист. Даже внешнее сходство было у них. Одно различие: Злачевский — еврей, за словом в карман не лез, Рожкован — молдаванин, словно воду носил во рту и глотал ее только при необходимости спросить: куда пойти, что сделать. Дима Осокин потом рассказывал нам, как они брали «языка».

Фашист ходил по тропе взад-вперед в сотне метрах от батареи и от землянок. Эрзац-валенки, на голове большой цветастый шарф, как у того пленного связиста. Винтовка — за

плечом на ремне. Руки — в рукавах шинели. Длинный, горбатый.

— Смотри, баба! — чуть не прыснул Осокин от смеха.

Злачевский кулаком погрозил ему, но не сказал ни слова.

Одетые в белые маскировочные халаты, разведчики ползли один за другим к часовому. Замирали, когда солдат шел к ним. Вновь ползли, когда он удалялся. Заметенные снегом валуны мешали, но в то же время служили доброй маскировкой. Снег попадал в рукава, за воротник, таял там и холодными струйками стекал по шее. Мокрая одежда у Димы стала значительно тяжелее: сначала она коробилась на морозе, потом обмялась, не стала сковывать движения.

С. Е. Рожкован

Метр по метру, а расстояние между солдатом и разведчиками сокращалось. Не будь фриц укутан большой шалью, давно насторожился бы. А он медленно прохаживался по тропе, под его подошвами похрустывал снег — словно капуста под острым ножом. Прошагал в дальний конец своего сектора обзора. Вернулся. За скалой в расщелине уже стоял Злачевский. Стоило солдату подойти к нему и повернуться, чтобы сделать шаг в обратном направлении, как Злачевский бросился на немца и придавил своим почти стокилограммовым телом. Фашист не успел и опомниться, как ему скрутили руки, заткнули рот кляпом и приволокли в отряд...

Батарею обошли с трех сторон. В непроглядную пустоту неба взвилась красная ракета. Я бежал по траншее. Впереди взорвалась граната, и ход, был отрезан. Пришлось вернуться, выскочить наверх. Пробежал несколько метров — и снова, свалился в темную траншею. Откуда-то донесся женский визг. Осветил фонарем-жужжалкой траншею. Рядом была дверь. Толкнул ногой — отворилась.

— Кто есть — выходи! — крикнул.

— Женские голоса умолкли, послышался мужской. Шагнул назад, метнул в дверной проем «лимонку», сам упал в траншею. После взрыва вылез наверх. Подбежал Осокин. Он уже был вооружен немецким парабеллумом, за спиной висел ручной пулемет.

— Что тут делаешь? Где твои минометчики? Видишь, вон пулемет бьет!

Но моего огня не потребовалось. Я даже не успел с глазу на глаз встретиться ни с одним немцем, как бой прекратился. Деревянко докладывал командиру отряда:

— Четыре орудия. По-моему, калибр сто пять. Трое пленных. Больше тридцати убитых. Наши потери: трое убиты, пятеро — ранены.

— Погибших, раненых и пленных подготовить к отправке, — приказал командир.

Теперь доложил Осокин, хотя этого от него, никто и не требовал:

— Мною взят офицер. Без брюк, в одной шинели драпал. Из бабьей землянки. Вот его парабеллум, — Дима подал трофей командиру. — А сам вон там лежит.

Я ему ноги перебил, чтобы не удрал. Поди, богу душу отдал уже.

Калеников поднялся на скалу, посигналил фонарем в сторону залива, где слышалось мерное постукивание моторов. Сказал:

— Идут. Саперам взорвать снаряды и орудия!

Мы быстро погрузили все что нужно на катера.

Снегопад прекратился. Быстро пронесло тучи. Причудливыми красками заиграло на небе северное сияние. Заметно посветлело.

Мы уходили, а сзади оставалась группа саперов. Потом дрогнула земля, и яркая вспышка взрыва озарила небо.

Перед нами стояла задача — двигаться в тыл врага, перемалывать его живую силу, содействовать контрнаступлению частей четырнадцатой армии. Уничтожение опорного пункта подняло немцев на ноги, нам предстоял бой в их тылу.

Шли всю ночь — только это могло помочь оторваться от преследования. Редко делали привалы, да и то не более чем на десять минут. Эти минуты были самыми желанными. Мы садились в снег, отваливались на вещмешки за спиной, и с ходу закрывались глаза...

Позади остался многоверстный путь бездорожья, логов и горбатин. Светало. Стрелки часов приближались к одиннадцати.

— Пожалуй, придется переждать пару часов, пока стемнеет, — предложил командир начальнику штаба лейтенанту Мельнику. — Да и животы подтянуло. Высылай охранение, привал.

Калеников развернул планшет, осветил его фонарем, спросил:

— Где находимся?

На карте под слюдой планшета красным карандашом нанесены были две стрелки, на них и указал лейтенант Мельник: — По времени — здесь. Скоро будет вот эта развилка.

Где кого застала команда «привал», там тот и сел в снег. Бойцы развязали вещевые мешки, достали консервы, сухари. Костров разжигать нельзя, консервы разогревали сухим спиртом.

Небо на востоке все больше светлело. Порозовели кромки облаков, обрисовался контур двугорбой высоты.

— Братцы! Солнышко привет шлет, — обрадовался Березкин. — Давно не показывалось.

— Димку шукает. Зовсим змерз хлопец, трохи погреть треба, — тут же добавил Ваня Касьян.

Осокин уже пришел в норму — ускоренный марш сделал свое дело, высушил на нем одежду.

— Когда полетел со сходни, я подумал, уж не гаубица ли ударила по нам, — ввернул и я.

— Давай, давай, — не смолчал Осокин. — Сам-то хорош, гусь. Думал втихомолочку к фрау завалиться?!

— Признаться, я не трогал бы этих баб — они вроде ни при чем.

— Пригодились бы, да? — развязал язык и Кадыр Тоцев.

Я «завелся» уже всерьез:

— Повторяю, если бы не голос фрица, я бы не тронул их.

— Не за что трогать фашистских проституток? — опять голос Осокина. — Да только за то, что они обнимаются с фашистами — уже вешать надо!

— Не их винить надо в этом.

— Тут, пока разберешься, где лев, а где львица — сам пулю получишь.

— Не спорю. Но мне...

— Понятно, — перебил Осокин. — Тебе хотелось побыть с фрау. Давно за юбку не держался, потому и сердце обмякло...

— Оно у меня таким и было, — я повесил на поясной ремень флягу, сложил в вещевой мешок оставшиеся продукты: на день-два, не больше, и отвалился на спину в снег.

Низко плыли облака, затянуло сопку с двумя верблюжьими горбами. Осокин умолк. Я продолжал: — Я рано стал взрослым, потому и на жизнь смотрю иначе, чем ты. Знаешь, это как река. Два берега: правый и левый. Река извилистая. Течет, подмывает на изгибах берега. Вместе с осыпью деревья падают в воду, она уносит их. Остаются лишь те, у которых корни проросли глубоко в землю, не допускают осыпи. И на том берегу есть непадающие деревья

— не всё же немцы стали фашистами!

— Это о ихних бабах так? — спросил Осокин.

— Не только.

— Хватит вам, — вмешался старший сержант Николай Кокорев, тоже собирая продукты в вещевой мешок. — Не совсем удачное место избрали для столь серьезного диспута. Дел и у меня накопилось на целую послевоенную пятилетку, но давайте об этом поговорим в другое время. Смотрите, что это?

В той стороне, где алел рассвет, замигали огни выстрелов.

— Наконец-то наши пошли, — с удовольствием сказал Калеников. — И нам пора.

В ту же минуту над головой прощуршал снаряд и громыхнул за сопкой. С высоты справа ударил пулемет, просвистели пули. Застрочили автоматы в дозоре. Полетели мины.

Калеников крикнул: «К бою!», а сам взбежал на сопку, чтобы лучше определить, откуда бьет противник.

Мы установили минометы, а рота Деревянко уже шла в обход высоты, с которой бил пулемет. Вторая рота москвича лейтенанта Александра Прудникова овладела невысоким хребтом, усыпанным валунами.

Сначала непонятно было, откуда вели огонь немцы. Разобрались, когда прилетели еще пять снарядов. Пушки, которым минутой назад обрадовался Калеников, били со стороны фронта, минометы — с тыла, а пулеметы — и справа, и слева.

В роте Прудникова появились первые раненые. Минометчики заставили замолчать пулемет. Вскоре оттуда донеслись раскатистые крики: шел в атаку Деревянко. Он полностью овладел высотой, на которой оказалось всего семь автоматчиков и пулемет.

Тотчас же пулеметы стали строчить справа и спереди, отрезав путь к развилке. В воздухе появился «фокке-вульф». Он еще не улетел, как три штурмовика «Ме-109» начали поливать нас из пулеметов и сбрасывать бомбы. К сопке, занятой Деревянко, стягивалась немецкая пехота. Мы кинули туда пару мин — больше не могли, берегли запасы.

Штурмовики улетали и возвращались. Осколком гранаты, брошенной с самолета, выбило Прудникову глаз.

До наступления темноты егеря пять раз поднимались в атаку на Деревянко и все пять раз откатывались назад. В его роте оставалась едва половина. Не добившись успеха в лобовой атаке, враг стал давить на Прудникова, который, несмотря на ранение, продолжал руководить боем.

Пошел снег. Поползла поземка. Видимость ухудшилась.

Перед новой атакой по отряду ударили с новой силой пушки и пулеметы. Над сопкой стоял сплошной стрекочущий гул. Калеников чуть приподнялся с земли, крикнул:

— Приготовиться к контратаке! Тяжелораненым в плен не сдаваться!

За камнем истекал кровью боец. У него была перебита нога. Он просил всего одну гранату. У меня были и патроны, и гранаты, но дать их не мог. Чтобы не видеть крови, которую ничем у него не остановить, что бы не слышать стопа товарища, которому ничем не помочь, я уполз на огневую позицию миномета. В район предстоящей контратаки полетели мины. Минуту позже там, где стонал боец, раздался глухой взрыв.

А немцы шли уже цепью. Ветер доносил:

— Форвертс! Форвертс! Шнель, шнель! Рус, капут! Фергебен!

Ударили наши пулеметы и автоматы. Черные фигуры в длинных шинелях падали, но уцелевшие убыстряли шаг, продолжали улюлюкать. Прудниковская рота поднялась в контратаку.

Дружное «ура» ошеломило егерей, которых оказалось не более роты. Они не приняли рукопашного боя, повернули назад. Саперы и минометный взвод шли в общей цепи контратакующих. Я бежал неподалеку от комиссара, продолжающего увлекать за собой бойцов: «Вперед! Вперед!» Мы уже поднялись на сопку, обороняемую остатками роты Деревянко. И тут я почувствовал, как по правой голени в сапог потекла теплая струйка.

Рота залегла. Упал за камень и я. Проверил ногу. К счастью, пуля не задела кости — где-то ударилась о камень, и сплюснутая, величиной с трехкопеечную монету, просадила голенище сапога, царапнула голень и застряла в вате брючины. Забинтовав рану, я мог идти дальше.

Теперь, много лет спустя, молодежь часто спрашивает: о чем в минуты смертельной опасности думает человек? Прежде всего, он ищет выхода из сложившейся обстановки. Думает о самых близких.. Я думал о матери — хотелось, чтобы не дошла до нее война. Мама писала, что проводила на фронт Павла, Федора, Егора и Николая, а теперь молит бога, чтобы мы выжили. Какими угодно, без рук, без ног — лишь бы вернулись. Так, наверное, и остальные матери готовы были молиться сколько угодно, лишь бы вернулись их дети домой. А они падали. Рядом со мной. Одни остались на сопке, другие упали только что, не добежав до роты Деревянко. Одни падали замертво, другие стонали с перебитыми ногами, просили для себя гранату...

Посвистывал в камнях ветер, наждаком зернил снежную целину, куделил седую гриву сопки, создавал непроглядную завесу. Он-то и нужен был Каленикову — не теряя времени, оторваться от преследования. Отряд снялся и пошел. Сзади взлетали тусклые огоньки осветительных ракет. Справа и слева падали мины. Одна рванула совсем рядом — ранила весь минометный расчет Федора Михайлова. Мины продолжали месить снег, а мы перевязывали раненых, потом опять шли вперед. На нашу беду, Илье Попову угодила осколок в ягодицу и не давал двигать ни одной ногой. Его надо было нести.

— Все, — высказался молчаливый Илья. — Напишите в Коми, что в плен живым не дался. У меня граната есть — для них и для себя, — тихим голосом говорил Илья, когда Березкин бинтовал ему рану..

Продукты кончились: три дня уже без еды — силы убавлялись. Пустили в дело винтовочные

ремни. Пробовали укорачивать голенища сапог, у кого не кирзовые, да гуталином и дегтем горчили, а винтовочные ремни в самый раз — меньше ухожены разными смазками, хотя тоже далеко не деликатес: отдавали не то конским потом, не то тухлым яйцом. Но, сплюнув два-три десятка разочков, мы уже не испытывали отвращения. Не сразу брали зубы сухие ременные обрезки — жвачкой во рту перекатывались с зуба на зуб, скользкие, а тошноту голодную все ж утоляли.

Самым выносливым во взводе оказался Здоровцов, он и нес Илью.

Для удобства Здоровцову лучше было бы посадить Илью на себя верхом, но тому осколок мешал. Березкин удалил бы осколок — да враг преследовал, останавливаться нельзя.

Вот и маялся Михаил: то на горбу, то на левом, то на правом плечах вперекидку нес, как мешок с картошкой. Из мешка-то Михаил достал бы картофелину, схрумкал бы за милую душу — и силенок прибавилось бы. Но Илья — не мешок с овощами... Посапывал он в ухо Здоровцову: хы-фы, хы-фы...

Шагал Здоровцов по рыхлому снегу и в такт своему шаганью жвачку жевал. Илья Михаилу на привале сунул в рот от своей винтовки тренчик: ремень-то у Ильи оказался брезентовым, из кожи были одни тренчики, продетые в проушины на цевье и на прикладе. Вместо них Илья, еще до ранения, когда по отряду пошел шепот: «Ремни — съедобны!», сделал эти тренчики из пенькового линия, а кожаные тренчики положил в карман до случая — и вот этот случай настал.

Еще минуло четыре дня — и кожаных ремней в минометном взводе, как, впрочем, и во всем отряде, не осталось.

Умаялся Здоровцов с Поповым. Плелся в хвосте колонны. Тут же тащил на себе своего земляка и друга Сашу Лахматова башкир Хабетдин Фатхетдинов. У Лахматова была прострелена правая нога.

— Михайло, давай отдохнуть будем? — силясь перекричать свист ветра, предложил Хабетдин Здоровцову.

— Что ты, — возразил Здоровцов. — Отстанем!

— Я говорю, меняться будем, — настаивал Хабетдин. — Мне Илью, тебе Сашу нести немного, а?

Хабетдин и тут решил пошутить. Он хотел, чтобы Михаил убедился, насколько Лахматов тяжелее Попова. Оно и верно. Здоровцов прошагал с Лахматовым на плечах не более двухсот метров, как появилось желание забрать «своего» Попова.

Фатхетдинов был как дубок. Рост — метр семьдесят. Плечист. Вес — пять пудов. Кулак — кувалда: однажды по спору с ребятами тумбочку развалил одним ударом. На родине, в деревне Старое Киргизово, был он сильнейшим борцом. И в отряде только Гриша Горелик мог с ним сравниться. А Лахматов — словно молодой кипарис: высок, тонок, покатые плечи и на целый пуд легче Хабетдина.

А. И. Лахмастов

Шли навстречу ветру. Впереди была видна только спина товарища, а дальше — молочная кисея снега. Шли тихо, все чаще делая короткие привалы.

Пурга и ветер стихли к утру. И слышимость улучшилась: донеслись глухие артиллерийские выстрелы, взрыв. Фронт. Мы достигли магистрали, по которой предполагалась переброска резервов. Дорога шла меж двух высоток, поэтому здесь и решил Калеников занять оборону.

Отряд готовился к бою. Утомленные и голодные бойцы выкладывали из камней огневые точки, оборудовали позиции для минометов. Калеников присел на маленький валун и левой рукой на колене принялся сворачивать сигарку: правая была ранена во время контратаки.

— Давай сверну, — Пронин взял у него клочок газеты и самодельный портсигар — свой же сувенир, доставшийся ему от кого-то из бойцов в игре «Махнем на счастье», а затем перешедший к командиру. — Рассыплешь. На пару закруток осталось, беречь надо — бойцы тоже ждут хоть по паре затяжек...

Закурили.

Комиссар блаженствовал:

— Какая прелесть в этой самокрутке!

— Макорка — он мозга чистит, — вдруг вмешался в разговор автоматчик Юсуп Муратов из Чебоксар, лежащий рядом в стрелковой ячейке. — И хлебу замена... — ему-то хватило бы и одной затяжки, да когда дождетя он ее?

— Как раз твои мозги надо — почистить, — ответил ему его сосед по огневой точке Петр Николаев — земляк Юсупа. — Не суй нос в чужой разговор! Не разевай рот — на всех не хватит.

Х. Х. Фатхетдинов

Они дружили, и тут были всегда вместе, и тут не могли без взаимных подковырок, сказанных не в обиду.

— Я твой мозга чистить хотел. Там невеста сидит, покой тебе не давай.

— Моя невеста не в мозгу у меня, а в сердце сидит, если, хочешь знать, — ответил друг. — Если бы не эти вот гады — свадьбу сыграли бы и папиросы «Казбек» покуривали.

Со стороны Титовки донеслось гудение машин. Пронии предложил:

— Не сделать ли засаду? Продуктов достать надо. — Разрешите нам с Юсупом, а? — вскочил на колени Николаев. — Товарищ комиссар, прошу.

Рядом лежал уралец Василий Сорокин. Еще недавно краснощекое его лицо теперь вытянулось, почернело. Он тоже попросился.

На дороге появилось шесть машин. Впереди шли два бронеавтомобиля. Машины двигались медленно. Калеников выбрал Сорокина и Муратова: они вроде покрепче были. Дал Юсупу окурочек. Тот затыкнулся во всю грудь, дыхание сперло, кашлянул, прослезился. Передал Сорокину. Он тоже один раз глотнул дыма и передал «бычок» третьему, тот — четвертому.

— В том узком месте, на изгибе дороги, остановить головную машину, — приказал командир. — Надо сделать пробку.

Они бежали туда противоположными скатами высоты. Возле дороги залегли метрах в тридцати один от другого, исчезли в снегу среди крупных валунов.

На первых двух грузовиках — солдаты. Бронеавтомобили прокладывали путь, заметенный снегом, охраняли колонну машин. Головной автомобиль миновал уже Муратова и приближался к Сорокину. Калеников прикусил нижнюю губу, сжал здоровой рукой приклад автомата:

— Что же они!..

Двадцать, пятнадцать, десять метров отделяли головную машину от Сорокина, а он молчал. Наконец, полетела связка гранат. Взрыв. Купол дыма. Автомобиль развернулся, встал поперек дороги. Второй попятился. Застрочили пулеметы немцев. Сорокин выскочил, кинул гранату на башню и упал навзничь. А Муратов — ползком ко второму. Яркая вспышка. Взрыв. Пехота прыгала из машин, падала в снег. С высоты хлестал трофейный пулемет. Это вел огонь Осокин.

— Теперь можно и доложить, — решил — Калеников. — Пускай пеленгуют. Радист, передавай открытым текстом: «Оседлал дорогу квадрате 2172. Веду бой с частями, идущими к фронту».

Свистели пули, рвались мины, а Постовалов кричал в микрофон, надрываясь, но никто его не слышал: у рации тоже кончилось питание, а его ремнями не заменишь.

Скрикошетил от камня осколок, сорвал у меня с головы шапку. Опять потекла кровь, теперь по лицу. Гутников забинтовал мне голову и вернулся к миномету.

А по другую сторону дороги высоту оборонял Деревянко. Похоже, он тоже был ранен. Судя по стрельбе, в его роте осталось не более пяти человек. На фланге, за трофейным пулеметом — один Осокин. Он лежал рядом с умолкшим навсегда Николаевым.

Поняв, что у Осокина кончились патроны, немцы, зная, решили взять его в плен. Дима отбивался теперь гранатами. С интервалами в две-три минуты мы послали туда последние четыре мины.

Сквозь повязку на голове у меня сочилась кровь, лезла в глаза, мешала отчетливо видеть.

Рядом стонал комиссар.

Фашисты наседали на нас, ползли между камнями к Деревянко. Там громыхнул взрыв. Подбежавшие к Деревянко фашисты попадали в снег.

Пронин приподнялся на локте, чтобы посмотреть туда.

— Держитесь! Прощайте! — услышали мы последние слова комиссара.

Звуки канонады доносились все отчетливее: фронт был в двух-трех километрах.

На бреющем полете со свистом вынырнули из-за леса «Илы».

— Ура-а! Наши-и! — вскочил на колени начальник штаба лейтенант Мельник.

Штурмовики сбили с ног пулеметным огнем подбирившихся к Осокину гитлеровцев. Откуда-то летели пули, клубили снежную пыль возле меня и умолкшего комиссара.

Над нами в тыл врага пролетали снаряды. Некоторое время спустя за сопкой Деревянко появились цепи наступающих бойцов в белых халатах. Калеников вскочил, с криком «ура» побежал вниз, к Осокину. За ним бросились все, кто мог подняться. Немцы не знали, то ли отбивать наступление с фронта, то ли драться с нами здесь, в своем, тылу.

К вечеру на той сопке, за которую бились остатки роты Деревянко, вырос небольшой холм из камней и снега. Сюда же перенесли тело комиссара Михаила Ивановича Пронина. Деревянко среди трупов не оказалось — видимо, погиб от прямого попадания снаряда. За комиссара теперь был Кудряшов.

Отряд вышел из боя, имея менее ста шестидесяти штыков. Истребленных фашистов не считали — некогда было и некому. Ориентировочно прикинули позже — где-то около трехсот, не считая техники. Мы потеряли меньше вдвое. Из роты Деревянко выжили лишь Александр Лахмастов, Хабетдин Фатхетдинов, Степан Рожкован, Дима Осокин, командир отделения Григорий Злачевский и комиссар роты Кудряшов. Фатхетдинов получил пулю в предплечье. Рожкован и Злачевский — по осколку в голову. Лахмастову прилетел добавок в плечо. А выхваченный из полымя Дима Осокин отделался небольшим осколком в спину — и то от моей мины. Но когда увидел меня, обнял и сказал:

— Спасибо! Впритирочку ложил. Как раз по фрицам. Иначе сцапали бы, гады. Последнюю гранату бросил в суматохе — и для себя забыл оставить...

Мы стояли вокруг могилы с автоматами на груди. Каждый третий — в бинтах. Кудряшов держал перед собой залитую кровью фотографию Сталина, вынутую из нагрудного кармана Сорокина. На обратной стороне ее можно было разобрать всего два слова: «...считайте коммунистом».

— Заявление Сорокина Василия Дмитриевича, — объявил Кудряшов, держа это заявление так, чтобы все видели, на чем оно написано. — Он умер как большевик. Вечная слава героям, павшим в боях за нашу Советскую Родину! Смерть фашистским захватчикам!

Я стоял и думал о Сорокине. Жил человек на земле. Радовался. Печалился. Кого-то любил, обещал вернуться. Только начал свой путь, и путь этот уже оказался пройденным до конца. А Сорокину был двадцать один год. Придут ли мать и любимая девушка в такую даль к нему на могилу? Зацветет ли когда цветок на его холме каменистом?

Мне было тринадцать, когда умер отец. Я боялся мертвецов даже в том возрасте. И три дня просидел на сеновале, пока не унесли отца на кладбище. А теперь смерть ходила рядом. О страхе и думать некогда было...

Больно было расставаться с друзьями, а приходилось. Оставляли холмы и уходили, унося с собой память о погибших — навечно.

Увозили нас на машинах. Ехали и радовались: люди кругом — незнакомые, но свои, советские. На Рыбачьем их было меньше, а тут — взвод за взводом, машина за машиной. Артиллерия. И все — туда, где гремел бой.

— Доброго пути, ребята! — кричали им вслед наши разведчики, поднимая над головой шапки.

— Как там? — спрашивали те.

— Весело, — отвечал Осокин.

Вид-то у нас был не воинский: сами не бритые, бинтами перевязаны, в обтрепанных полушубках.

На одной из первых попуток отправили Прудникова (с повязкой, прикрывающей глаз).

— Нашего Кутузова повезли, — пошутил Дима Осокин вслед уходящей машине.

— А чем не Кутузов? — осек его Рожкован. — Своих потерял столько, сколько уцелело от нашей роты. Вот тебе и Кутузов. Воюет не числом, а умением.

— Вот я и говорю — Кутузов. Что тут обидного?

Несколько наивная перебранка друзей напомнила мне июльскую беседу с комбатом Амвросовым. Он тогда призывал воевать не числом, а умением. То есть бить врага меньшими силами...

«Сколько же сил у немцев, если столько идет наших войск на фронт и обратно? — думал я. — Это — Север. А сколько их под Ленинградом? Под Москвой? По всему фронту? Вот и считай, прикидывай, когда немцам обломают рога и свернут голову. Когда наступит день Победы? Впрочем, один рог под Москвой уже сбит».

ГЛАВА 4. ПЕРЕДЫШКА

Нас привезли в мурманский госпиталь. Мы уже отвыкли от жизни поверх земли, от белых простыней, ватных матрацев, от больших домов с белеными высоченными потолками, громадными окнами. На столах по-домашнему лежали белоснежные скатерти, висели занавески на спинках коек. Еду в столовой подавали девушки, и не в котелках, а в фарфоровых тарелках. В меню свежий картофель, макароны, мясо. Строгий распорядок. Регулярные обходы врачей. Раздача лекарств сестрами-лебедушками, по выражению Осокина. И, само собой, — осатанелый рев сирены, стук зениток и взрывы бомб неподалеку.

Кому-то из разведчиков хирурги удаляли осколки, терапевты лечили гастриты и дистрофию. А кто-то слонялся из угла в угол в корпусе выздоравливающих. Потом их отправляли в тыл — за Урал или — снова на Рыбачий. К морским десантникам в госпитале относились с подчеркнутым вниманием и симпатией, особенно сестры. Я сначала стеснялся, чувствовал себя в долгу перед ними за выданное авансом внимание, а потом обвыкся. Большой успех имел Дима Осокин. Он ходил грудь колесом, придумывал сногшибательные истории про себя и свой отряд.

— И ростом не велик, а вот возьми его — герой! — краем уха услышал он однажды отзыв о себе у входа в ординаторскую. Дима шел туда за таблеткой «от бессонницы» для меня, хотя я его и не просил об этом. Я сам пришел сюда с той же целью, только не для себя, а для него. Таблеток мы этих не принимали, нужен был повод. Когда Дима отворил дверь в ординаторскую и там увидел меня, тотчас разыграл немислимую сцену:

— Следите за газетами, лебедушки, скоро будет Указ о присвоении звания Героя Советского Союза вот этому сержанту...

Я не знал куда деваться.

— Перестань болтать! — ответил ему, смущаясь карих, голубых и серых улыбчивых глаз девушек.

— Прости, друг. Народ, однако, должен знать своих героев, — добавил Осокин и вышел, так и не сказав сестрам, зачем он приходил.

С тех пор они смотрели на меня, как на Героя, сколько я ни пытался убедить, что это была шутка друга. Зато какой результат: внимание! улыбки! Витамины через руки того же Осокина сверх нормы — «дополнительный паек» Герою и его друзьям.

Дни шли, а Указа все не было. Заметно стали остывать симпатии девушек ко мне и к Осокину. Дима даже за «дополнительным пайком» к дежурной сестре перестал захаживать. А тут еще друзья один да другой забегали к нам прощаться — на Рыбачий уезжали. Из минометчиков остались Попов да я. Из автоматчиков — Осокин и Лахмастов. Раненые поступали в госпиталь каждый день, в основном, с Западной Лицы и Кандалакши, а с Рыбачьего — никого. И новостей оттуда никаких не было: писем не пересылали — там, видимо, не знали, где мы и что с нами. Невмоготу стало. Пошли мы с Димой умолять врача: здоровы, дескать, воевать пора!

Врач поддержал нас с неделю и выписал. И снова вместе. Попрощались мы с Илюшей

Поповым, Сашей Лахмастовым, сестрами — и в путь.

А путь наш лежал теперь через флотский экипаж.

— Как так? — удивился я.

— Нас на Рыбачьем ждут, — добавил — Осокин. — Все наши разведчики там уже.

— Рыбачий никуда от вас не уйдет, — сказали нам в экипаже. — Отдохните.

Какой отдых, если до десяти раз в сутки гудела сирена воздушной тревоги. Не спалось уже, хотелось быстрее попасть на Рыбачий, к своим друзьям. И, в довершение всего, тут и подстерегала нас разлука. Сколько ни упрашивал Дима отправить его на Рыбачий, все же пришлось ему ехать куда-то в далекий тыл. Он и сам не знал куда — не сказали. А мне предписали вернуться в сто тридцать пятый полк.

На следующий день я сидел среди незнакомых бойцов в тесном кубрике «морского охотника». Подвывал северный ветер, по верхней палубе гуляли волны, ударяясь в крышки задраенных люков. Даже чайки отказались нас сопровождать.

В Мотовском заливе волны уменьшились. За хребтом полуострова приутих ветер. Мы отдраили люки, стало легче дышать. Рыбачий встретил нас туманом, ползущим лоцинами с севера: это и помогло нам прорваться не замеченными с воздуха и с наблюдательных пунктов в районе Западной Лицы. Будто бинтами перевязан полуостров... Изредка с передовой доносятся приглушенные взрывы и пулеметная дробь.

Внешне ребята спокойны, а говорят полупшепотом, хотя никто от них этого не требовал. Мы сбегали по сходне под крутым обрывом скалы, неподалеку от которой в первую бомбежку я лежал за камнем, а потом хоронил на плацу трех товарищей. Отсюда уходили в последний десант, немногие вернулись из него. Потому и волновался я больше, чем кто-либо. Чувства других были понятны, объяснимы, но не осязательны, как свои. Сложно понять даже самого себя в иные минуты: откуда берутся и сметка, и воля?! А тут чужая душа, и не одна. Пойми их: отчего они говорят полупшепотом?..

Три приятных события ждали меня на Рыбачьем: представление к ордену Красной Звезды, прием в кандидаты партии и новое воинское звание — младший лейтенант. Заслуги Димы Осокина оценены были орденом Красного Знамени.

О дальнейшей судьбе Димы Осокина и моего взвода я узнал позже, когда вернулся на Рыбачий сам Осокин. Он рассказал, что его тогда сразу отправили в тот район, где готовилась к боям шестьдесят третья бригада морской пехоты полковника Крылова, прибывшая недавно с Урала. Бригада пока в боях не участвовала, но есть обстрелянные воины, многие с боевыми орденами. Не в разведку, а во взвод противотанковых ружей послали Диму.

— Извините, это за какие провинности меня разжаловали в пэтээрвцы? — удивился он, когда лейтенант объявил, кем предстояло быть Осокину. — Я — автоматчик!

Стройный, на целую четверть выше Димы и лицом вроде не старше, а уже лейтенантскую форму носил и орден Красного Знамени на груди. Его молоджавое, немного удлиненное лицо

и голубые глаза слегка улыбнулись:

— Вот и хорошо, — ответил лейтенант. — Научились бить пехоту, научитесь жечь танки. Немецкие солдаты без брони ничего не стоят. Главное — танки. Понятно? Я с Ленинградского фронта прислан сюда. После ранения. И тоже разведчик — не пэтээронец. А сказали: «Надо!» — на том и разговору конец! Какие еще ко мне вопросы?..

Осокин стоял в новой, со склада, шинели и серой цигейковой шапке-ушанке, с вещевым мешком за спиной. Бритый. Чистый. Лейтенант сидел за столом. Тоже в новой суконной гимнастерке. Тоже бритый. С белым подворотничком. Отутюженный. Кроме Осокина было еще трое бойцов. Дима поднял руку:

— Есть вопрос, товарищ лейтенант. Мы на Рыбачий отсюда поедем или на другой фронт? Лучше бы на Рыбачий...

Ротный тряхнул головой, откинул назад надоедливую прядь густых, рассыпающихся темно-каштановых волос, пригладил их ладонью и вышел из-за стола. На нем были такие же, как и гимнастерка, из тонкого сукна защитного цвета брюки-галифе. Он прошелся по небольшой комнате барака, о чем-то думая. Зацепился большими пальцами за португую и ответил:

— Я тоже хотел бы знать, живы ли мои родители, оставшиеся на Могилевщине. С радостью пошел бы туда бить фашистов.

— Я ведь почему интересуюсь этим, товарищ командир, — пояснил Осокин.— Хоть и рядовой, а думаю тоже, чем и как сподручней бить егерей. Вот. Если хотите знать мнение вашего солдата...

— Хочу.

— На Рыбачьем делать противотанковым ружьям нечего. В Титовке, своими глазами видел, танков нету. Бронеавтомобили всего лишь. Пару из них мы уже кокнули. Немцы ведь не дураки: зачем в горах зазря держать танки? А вот по огневым точкам бить из пэтээров, — пожалуй, лучшего не придумать.

— Деловой разговор, — командир подошел вплотную к словоохотливому бойцу. — Откуда?

— Из каких краев или еще вас что интересует?

— Откуда родом?

— Я сам архангельский...

— О, земляк Михаила Васильевича Ломоносова!

— Так точно, земляк, товарищ лейтенант. Трескоед, стало быть. Из Красноборского района. Деревня Погореловская. На горелом месте стоит — так и прозвали ее. И в жизни моей сплошные неудачи. Все ровно вроде идет, идет — и на тебе, оступлюсь. Мелочь какая-нибудь, а на жизнь сказывается. Совсем ведь на пустяке, погорел на Рыбачьем. Наш знаменитый артиллерист Поночевный почти каждую неделю по транспорту немецкому отправляет ко дну: они пытаются в Петсамо пройти, а он их на переходе зоны его обстрела

— тут как тут. И кажен день то одно, то другое выбросит на берег. А тут корзину со спиртом принесло. Дернуло меня отведавать того спирту — вот и погорел: с минометчиков списали в автоматчики. А чтобы с автоматчиков списать в пэтээровцы — я ни в чем не провинился. Зовут меня Дмитрий Андреевич, по фамилии Осокин буду. Можно просто Димой звать — привык, не обижусь. Двадцатого года рождения. Хотел жениться, да не успел — война помешала. Договорился со своей кралей — ждать будет, поженимся после войны. Ну, какие подробности вас интересуют еще?..

— Хватит, хватит. Полнейшая анкета, — улыбнулся ротный. — Ну, а я, Дмитрий Андреевич, выходит, на пять лет старше тебя. Зовут меня Александром. Фамилия Юневич. В прошлом учитель. А поскольку старше и по годам, и по должности, и в звании — для сведения могу добавить, что отца моего звали Яковом. Стало быть, величают меня?.. — вероятно, в эту минуту он представил, что находится перед учениками своего класса.

— Александром Яковлевичем, — ответил Дима.

— Превосходно. — Юневич положил руку на плечо Осокина, так он, наверное, поступал со своими школьниками, когда о чем-то просил их. — Это в бою допускается называть так. А здесь — лейтенант. Договорились?

— Так точно, товарищ лейтенант, — козырнул Осокин.

— Вот и отлично. О чем еще хотел спросить? — Юневич опять отошел к столу.

— Вы так и не сказали: где воевать будем?

— Наше дело солдатское — куда пошлют, туда и пойдём. Огорчаться не следует. Рота наша штабная, автоматчиков. Как раз по твоей профессии. Кадровики не ошиблись, послав тебя ко мне. В нашей роте имеется взвод противотанковых ружей — для обучения бойцов на случай борьбы с танками. Они же могут успешно использоваться для подавления огневых точек, ты в этом прав.

А. А. Белозеров

Трое остальных бойцов стояли молча. Они назвали Юневичу свои фамилии, ни о чем не просили его и вместе с Осокиным отправились в ротную землянку. Там Диму ждал приятный сюрприз: взвод минометчиков в полном составе и полвзвода знакомых ребят из роты Прудникова. Из младших командиров были Григорий Злачевский и отрядный радист Дмитрий Постовалов. Радист где-то успел раздобыть балалайку и в свободное время напевал уральские частушки, «Ивушку зеленую».

Все они сведены были в один взвод лейтенанта Александра Алексеевича Белозерова — такого же любителя музыки, как и Постовалов. Лейтенант представился новому пополнению:

— Работал инструктором райкома комсомола в Максатихе, Калининской области. Оттуда рекомендовали в летное училище, кончил его, а попал в морскую пехоту. Осталось теперь послужить в кавалерии...

И. С. Баленко

Белозеров сразу расположил к себе Осокина. Из «старичков» во взводе уже каждый знал биографию Белозерова. И что в детстве рос непоседой — стрелял из рогаток по воробьям, случалось, и окна бил соседские. А в школе даже стихи из учебников переделывал на свой лад — лишь бы посмешить ребят. Теперь Саша стал Александром Алексеевичем, серьезным, степенным лейтенантом. Обучал бойцов стрельбе из оружия, водил их на занятия по тактике, отрабатывал приемы штыкового боя. И находил время спеть любимую песню, отбить чечетку под трехструнную Постовалова, рассказать какую-нибудь забавную историю.

К помощнику командира взвода — комсorghу роты старшему сержанту Ивану Баленко бойцы привыкли тоже так быстро, будто не раз уже ходили с ним на боевые задания. Ростом Баленко был не выше Осокина и костляв, как Илья Попов, а подвижен и говорлив — поистине долгоиграющая пластинка — похлеще Димы. Закрывался рот и сходила улыбка с лица только на ночь. Что-нибудь да придумывал: то песни затевал с плясками под балалайку, то усаживал вокруг себя бойцов и веселил анекдотами — все больше про Гитлера да про Геббельса. Да и рассказать Баленко было что. Когда бригада стояла на формировании на Урале, он направлен был в морскую пехоту политбойцом.

Вскоре из госпиталя в бригаду прибыли Попов с Лахмастовым — привет от «лебедушек» привезли. Ждут де не дождутся Указа...

«Трепло Димка!..» — подумал я.

Боевых тревог не было — все учебные. Рядом город, девчата. А увольнению — запрет. Но ребята, впрочем, как-то умудрялись знакомиться: не он, так она потом приходили на свидания...

К тому времени заочно знакомые девушки были почти у каждого, в разных городах. Заводились они просто: шли на фронт посылки, а в них, кроме любовно связанных носков, варежек, вышитых кисетов, обвязанных платочков, были теплые письма. Не могли же солдаты оставить их без внимания, без ответа. Так начиналась дружба. И завидовали теперь ребята тем, у кого подруга оказалась рядом.

Но отшумела весна. На солнечных полянах в лесу давно оттоковали косачи и откуковали кукушки. Отзвенели голоса пернатых, поднялись на собственные крылья их дети. На лугах отцвели травы. Реже стали подниматься в небо неугомонные жаворонки. Сменили песни и онеженки — загрустили, запечалились. Парней отправляли на фронт. Другим стал настрой песен и у ребят — под ту же балалайку теперь звучали фронтовые наигрыши.

Ребята уезжали из части сначала поездом до Мурманска, а оттуда — катерами на Рыбачий. Кто дремал, подсунув в изголовье вещевого мешок и зажав в коленях автомат. Кто молча сидел, перебирал дорогие ему письма и, наверное, в сотый раз доставал из нагрудного кармана фотографию любимой и долго смотрел на нее. Кто пел.

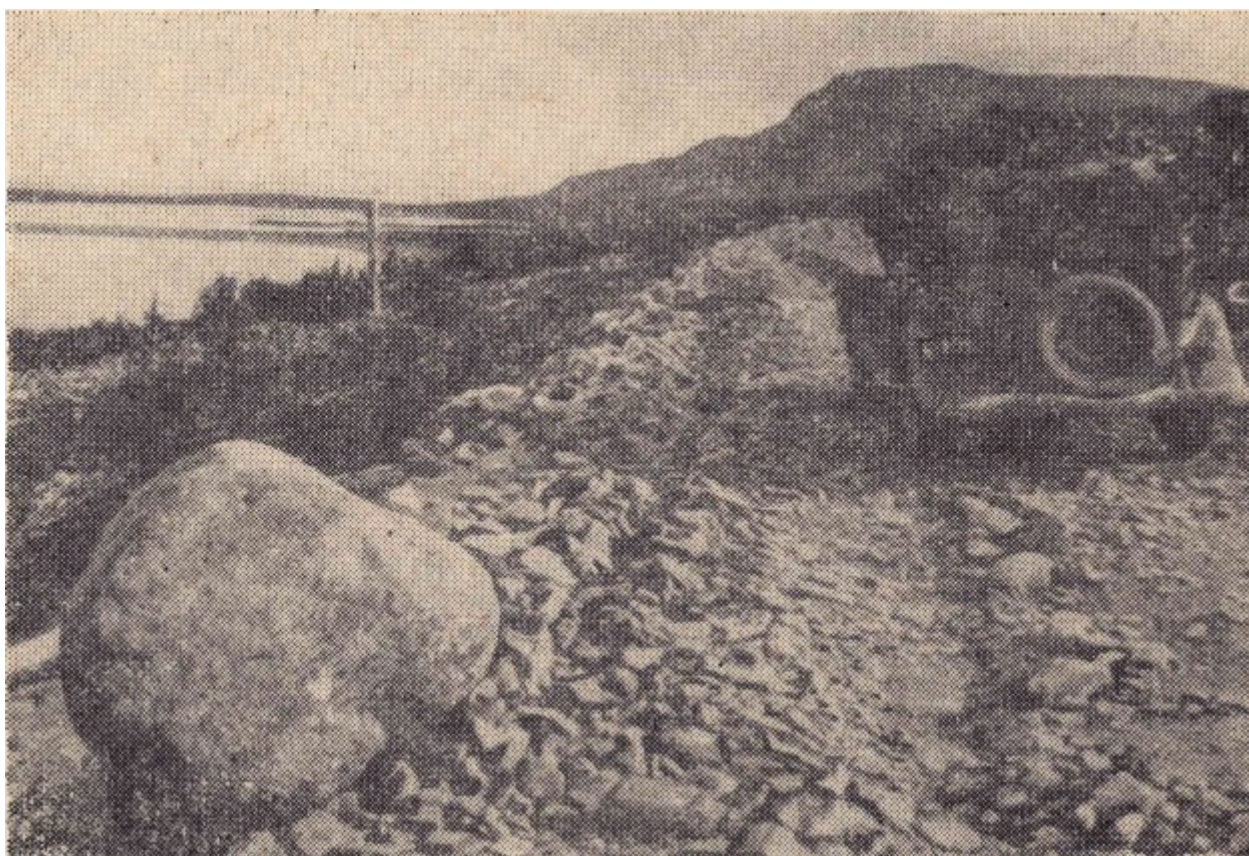
По прибытии шестьдесят третьей бригады на Рыбачий, Юневич получил очередное звание и вскоре назначен был командиром роты разведки. Формировал роту он сам.

Опыт двух рейдов в тыл врага и личные качества бойцов минометного взвода устраивали Юневича: все бывшие минометчики вошли в его роту.

ГЛАВА 5. ОПЯТЬ РЫБАЧИЙ

В Заполярье стоял полярный день. Круглосуточно светило солнце. Оно укладывалось на хребты сопок на час-полтора, чтобы вздремнуть немного, и опять отправлялось в путешествие по голубому с проседью небу. Эти час-полтора солнце освещало только вершины гор, и по лощинам ложились тени. В такую пору свирепствовала авиация, не дремали снайперы. Надежным союзником разведчиков солнце могло быть в одном случае — если лучи его ослепляли амбразуру вражеского дота.

Но больше все дожди шли да туманы стелились. А Юневич ждал чистого неба, чтобы детально изучить с высот переднего края линию боевого охранения. Для этого он взял с собой командиров взводов и прибыл с ними на запасной наблюдательный пункт минометной роты старшего лейтенанта Петунина, заместителем по строевой части которого я был. Со слов Димы Осокина я таким и представлял Юневича. В свою очередь, Юневич уже слышал от бывших минометчиков обо мне и теперь предложил перейти к нему командовать взводом. Я поверил, что Юневичу легко удастся добиться этого, согласился, поскольку ходили слухи, что наш полк скоро будет расформирован, каждый ждал своей участи.

Полуостров Средний. Дорога к переднему краю

На переднем крае особых изменений с зимы не произошло, войска стояли на прежних позициях. По данным разведсводок, егеря за это время забетонировались, заминировались и обнесли себя колючей проволокой. Отсюда следовало, что наступать в этом районе враг отказался. Но и выкурить его с этих сопок тоже было не простым делом. Юневич высказал смелую мысль: в лоб атаковать врага, когда он ослеплен солнцем. Как из воды, подняться из тени и ворваться в расположение врага.

Так преодолевался хребет Муста-Тунтури

На следующий же день на высоте Муста-Тунтури — там, где егеря и ждать не могли, на восходе солнца пожаловали к ним «гости». На участке нагромождений камней, где и минирование считалось необязательным, ворвались русские в траншею, прикололи одного, второму скрутили руки, сунули в рот тряпку, вынули из пулемета замок и бросились с «языком» вниз. Егеря опомнились, открыли огонь из пулеметов соседних точек, но разведчики уже ушли из зоны обстрела.

И. А. Тараненко

А. Н. Илюшичев. 1943 г.

Позже Василий Сахаров рассказывал, что в группе захвата их было трое: он, Хабетдин Фатхетдинов и Иван Тараненко, бывший помощник тралмейстера из Мурманска. Тараненко по силе и комплекции мало уступал Фатхетдинову. Сахаров орудовал ножом, Фатхетдинов с Тараненко влетели в дзот — там за пулеметом лежал долговязый фашист в защитных очках. От удара Фатхетдинова очки с немца слетели, и он воздел руки к потолку, не оказав ни малейшего сопротивления. Тараненко тем временем вынул замок из пулемета, а потом помогал тащить пленного.

К полудню погода вновь испортилась. Небо заволокло облаками, с моря потянул туман. Началась морось. Обратный путь Юневичу с пленным был безопасен.

Вскоре после этого мне представилась возможность побывать в Кутовой — у своего довоенного командира Александра Николаевича Илюшичева. Радости нашей не было границ. Илюшичев считал меня погибшим в тылу и даже сообщил об этом домой, а когда узнал о моем назначении в роту Петунина, подумал, что это однофамилец.

На груди его поблескивал орден Красного Знамени, а на петлицах гимнастерки — три «кубаря». Гостеприимный хозяин свои «неприкосновенные запасы» — сразу на стол, а я наотрез:

— Не могу. Забежал всего на пять минут...

— Отставить пререкания! Не на задание идешь. — Он открыл банку трески, положил на стол пару сухарей, налил в кружки водки из фляги. — За встречу. А то разговор не пойдет...

Оно и верно. Разговор в спешке не клеился. Хотелось тому и другому поведать что-то

особенное, а говорили все о тех же боевых буднях да изменениях, происшедших в личных судьбах за время разлуки. Смотрели друг на друга, вздыхали:

— Надо же, встретились. Вот ведь как бывает... Что же не позвонил?

— Хотел так вот, внезапно.

Оба живы — это главное.

Потом Илюшичев открыл секрет:

— Вот что, товарищ младший лейтенант. — Он довольно улыбнулся. — Я ведь последний день сегодня в роли командира минометной роты. Завтра ты меня тут не застал бы. Наш полк расформируется — ты ведь знаешь, досталось ему. На его базе формируется двести пятьдесят четвертая бригада морской пехоты... Командовать бригадой назначен... Кто бы ты думал?

— Полковник Пашковский? Или кто-нибудь из бывших комбатов?

— Пашковский пошел на дивизию на Западной Лице. А бригадой командовать будет Касатый... Помнишь его?

— Как же не помнить! Старший лейтенант Касатый Савелий Александрович? — удивился я.

— Он уже майор. Отличился на Западной Лице в дивизии Пашковского.. Командовал там батальоном. И вот сразу такое повышение.

— Приятная новость. Так и до генерала недолго.

— А минбатом в бригаде командовать будет...

— Старший лейтенант Илюшичев, конечно?— попытался я угадать.

— Опять нет. Капитан Миронченков. То Касатый подчинен был ему в школе, теперь — наоборот.

— Вот как. Ну, а вы куда?

— Я к нему начальником штаба.

— Командные посты захватили бывшие сослуживцы. Сначала война разбросала всех, а теперь снова под одну крышу собираются.

— У меня нет помощника. Пойдешь? — предложил Илюшичев.

— Какой из меня штабист, Александр Николаевич?

— Это не твоя забота. Учиться будем.

— Спасибо, я стал разведчиком. Привык к боевой жизни. Договорился с Юневичем из шестьдесят третьей бригады, он согласен взять меня командиром взвода разведки. Не смогу сидеть в штабе. Ребята больно хорошие подобрались там, бывшие минометчики. Разведку

разве сравнишь со штабной работой! — Твое призвание — миномет. И перестань дурака валять! — Илюшичев перешел почти на официальный тон: — Твоя судьба — тут!

— Вот, вот. Надо верить в свою судьбу — от нее не уйти! — Нетрудно было понять, что Илюшичев готов предпринять соответствующие шаги, чтобы помешать мне попасть в разведку, где меньше всего шансов уцелеть, но сказать об этом открыто не мог.

— Вон их сколько полегло на моих глазах, а я — жив. Не вернулись Пронин, целая рота вместе с Дервянко...

— Коля погиб? — переспросил Илюшичев.

— Бился до последнего патрона.

Мы помолчали.

— Однако это не значит, что я готов сменить живое дело на...

— Я тоже не хотел бы, но приказ — воля не своя. Мы военные.

Временем я больше не располагал. Прервали нашу беседу до лучших времен, обнялись на прощание, и я побежал в свою роту.

А ровно через сутки меня поздравляли с назначением на штабную работу. Сначала я не поверил и даже возмутился, но, позвонив в штаб, убедился и побежал к Юневичу — он дислоцировался в тридцати минутах ходьбы от нашей роты.

— Черт знает что, Александр Яковлевич! Я в минбат не просился и согласия на перевод не давал. Мы же договорились, что вы заберете меня к себе?..

— Согласие спрашивают у невесты, когда сватают, — ответил Юневич. — Ты, надо полагать, не девочка. Командование нашло, что на штабной работе пользы принесешь гораздо больше.

Такой ответ говорил сам за себя: Юневич не очень огорчен. И это показалось мне самым неприятным. Изменилось мнение: почему? — Это как понять: вы не хотите меня? — все-таки решил я спросить его.

— Я приказов не подписываю, — резко ответил Юневич. — Если не просился ты сам во время посещения своего друга в Кутовой, то я могу только сожалеть, что в понятии некоторых военачальников минометчики котируются выше разведчиков.

А. М. Патраков

Первое знакомство. Слева — А. Березкин, справа — А. Патраков

Оставалось одно: выполнять приказ. Пожал Юневичу руку и зашел во взвод к своим ребятам. Увидев меня, они обрадовались, закидали вопросами: где? кем? почему? Познакомился с новым командиром взвода младшим лейтенантом Анатолием Михайловичем Патраковым. Мой приход совпал с его первым днем пребывания в этой должности. Ростом чуть пониже меня. Пышная русая голова. Открытый выпуклый лоб. С первых минут Патраков показался мне очень молодым и милым, способным скорее покорять девичьи сердца, чем воевать. Он прибыл недавно из Полярного (а туда попал после ранения на Западной Лице, где был в десанте с двенадцатой бригадой) и толком не знал еще ни дислокации своих частей, ни переднего края обороны противника. А войдя в землянку командиров взводов, начал знакомство с фразы:

— Покуда искал роту — трех девочек — встретил. С иголочки! Видать, неплохо вам живется тут?

В. М. Комиссаров

И. Ф. Хренов

В землянке командиров взводов был Александр Березкин. Поздоровались. Заставили меня снять шинель. Патраков положил на маленький столик самодельный портсигар, угостил всех папиросами «Мушка».

— Тут совсем рядышком Пумманки,— объяснил Березкин. — Мы зовем их «Мыльным пузырем». Кой-кто прогорел уже в этом «пузыре». Там банно-прачечный комбинат, работают в нем одни девахи. Вот и мечтают мужички попасть туда на часок-второй — в любви объясниться.

Н. Н. Червяков

И. А. Леонов

Тема «Мыльного пузыря» достойна отдельной книги. Кто был на Рыбачьем, тот помнит, в каких невероятно трудных условиях, под бомбежками, по восемнадцать часов в сутки работали девушки комбината. А надо было — пополняли боевые подразделения и с оружием в руках шли на врага.

— Кроме бывших минометчиков, во взводе были и новые для меня люди. Служили они в отделении старшины второй статьи. Виктора Комиссарова. Он пришел в разведку с корабля. Двадцать один год от роду — и уже отцом стать успел. Дочь Светлана росла.

Так сложилось, что в этом отделении оказались преимущественно запасники — отцы, на десять и больше лет старше своего командира. Тут и председатель сельского Совета из Свердловской области Иван Фатеевич Хренов, коммунист, добровольно ушедший в армию на третий день войны. Коренастый, светловолосый. Слегка выпуклые голубые глаза. Добрая улыбка. Дома оставил двух малышей: четырех и шести лет. Рядом с Иваном Хреновым ходил в строю бывший заместитель начальника трудовой колонии Николай Никонорович Червяков — уже с пролысынами и обозначившейся плешью на всегда стриженной русой голове. Молчалив по натуре, твердый на слово: сказано — сделано! Он дружил с И. Ф. Хреновым и с колхозным бригадиром из Горьковской области Иваном Алексеевичем Леоновым, оставившим жене целый детский сад: Колю, Витю, Веру, Тоню. Он был выше Червякова ростом и шире в плечах, а характером напоминал точно его. В отделении эти троё были старше всех по возрасту: и служили своеобразным ядром — к ним бойцы шли на совет, с ними делились сокровенными думами.

С той же горьковской земли приехал воевать на Север Николай Васильевич Смирнов. После

срочной службы в Заполярье он остался работать в Мурманске, откуда и ушел на фронт.

Строй отделения замыкали самые юные — двадцатилетние комсомольцы Коля Дурухин и Вася Павлов — с Вологодчины. Во взводе их называли Васек и Коля, а еще — снегирями. Звонкие, шустрые, оба казались моложе своих двадцати лет.

Командиры отделений докладывали о бойцах новому командиру, кто они, откуда, а лейтенант Белозеров ходил возле Патракова с фотоаппаратом и посмеивался: — Для истории... Вот так. Нет, к свету ближе, — а свет падал из окошка амбразуры и лампы-коптилки на солярке. — Да повеселей.

Через несколько минут выяснилось, что Белозеров щелкал затвором вхолостую — в аппарате не было пленки.

Н. В. Смирнов

В. Л. Павлов

Долго задерживаться у разведчиков я не мог. Рассказал Патракову, что знал о бывших своих подчиненных, попрощался и пошел к новому месту службы.

Моросило. На душе — чувство изгнанного, обвиненного без вины.

Я шел тем же путем, каким год назад пробирался от куста к кусту на командный пункт полковника Пашковского. Тогда больше поглядывал в небо — бесчинствовала авиация. Теперь картина изменилась — асы низко летать побаивались, появились зенитные батареи, а в подразделениях установлены пулеметы для стрельбы по самолетам.

Шел и смотрел себе под ноги. Искал ягоду. На болотинах встречались остатки черники, перезревшей, водянистой. Шел и кидал ее в рот. Местами попадались веточки брусники.

На пути мое внимание привлекло небольшое озерко: в длину — метров до ста, а шириной — на бросок гранаты. Вода чистая, все камушки на дне посчитать можно. Какая-то молодая рыба стайкой возле берега паслась. Откуда и как она попала туда: озеро не соединено с заливом. Его образовали потоки дождевой воды, стекающие с окружающих высот. Тут я вспомнил рассказ отца-рыбака о переселении рыбы с помощью птиц. Нерестующая рыба собирается стаями, привлекает внимание чаек, уток. Отложенная на растительности икра, обладающая клейкостью, прилипает к лапкам и перьям, переключивается вместе с птицами в другие водоемы.

Постоял, посмотрел на рыбешек, взял камушек, кинул в них — и утка вдруг закричала, захлопала крыльями по воде, как подренок, удаляясь от травяного берега. Надрывно запищали утята, убегая отсюда же следом за ней. Война войной, а жизнь на земле шла по своим законам. Я отошел в сторону, похватал ягод и зашагал дальше.

Командование не скрывало от нас, что немцы готовят десант на Рыбачий. Гитлер, после полного провала плана молниеносной войны на центральных фронтах, приказал:

«...Финский фронт. Наступление в направлении Кандалакши приостановить. В полосе горнострелкового корпуса устранить угрозу флангу со стороны Мотовского залива...

6ю горнострелковую дивизию доставить всеми видами транспорта в распоряжение горнострелкового корпуса...

Главная задача 5-го воздушного флота заключается в обеспечении поддержки горнострелкового корпуса. Наряду с этим необходимо поддерживать наступление 3-го (Финского) / армейского корпуса на направлениях, обещающих наибольший успех...» В начале сорок второго года Гитлер вновь предписал северной группе войск генерала Дитла захватить Мурманск, чтобы начать наступление на Россию с севера и тем изменить положение на фронтах. Однако перед Мурманском был полуостров Рыбачий.

Советское командование направляет в Заполярье двенадцатую и шестьдесят третью бригады морской пехоты. Сто тридцать пятый полк сменяет двести пятьдесят четвертая бригада морской пехоты, сформированная на его базе.

Командующим обороной назначается известный по эпопее Ханко генерал-лейтенант Сергей Иванович Кабанов.

— Рыбачий — ключ к Мурманску! — сказал он по прибытии на полуостров на партийном активе. — Кто владеет Рыбачьем — тот владеет Кольским полуостровом. Умереть, но защитить Рыбачий!

Батальоны бригады Алексея Максимовича Крылова, сменив сто тридцать пятый полк, стояли в боевом охранении. Двенадцатая бригада морской пехоты полковника Василия Васильевича Рассохина, прибывшая на Рыбачий почти одновременно с шестьдесят третьей, отдыхала после майского десанта на Западной Лице, где в канун минувшего года высаживался и наш отряд. В двенадцатой бригаде сил было во много раз больше, чем в отряде Каленикова. Задача перед бригадой стояла та же: отвлечь на себя и частично истребить силы врага, прежде чем они перейдут в наступление на Мурманск. Конечная цель: соединиться с частями четырнадцатой армии и замкнуть кольцо окружения шестой горногерманской дивизии.

За трое суток бригада углубилась на двадцать километров, вышла на Титовскую дорогу для соединения с частями четырнадцатой армии. А затем морским пехотинцам пришлось отбивать ожесточенные атаки двух дивизий в течение полумесяца. Перед десантом бойцы бригады были обуты в новенькие американские ботинки. Сначала были слякоть, пурга. Превосходные на вид ботинки вдруг стали раскисать, разваливаться. Ударил мороз, покрыл ледяным панцирем сопки, сковал одежду на десантниках — полуразутой бригаде грозило массовое обморожение.

Под непрерывным огнем артиллерии, авиации, минометов и пулеметов корабли Северного флота сумели, однако, доставить морским пехотинцам новое обмундирование. Положение было спасено. Фашисты, потеряв до пяти тысяч солдат и офицеров, продолжали, однако, подтягивать по Гитовской дороге новые подразделения, атаковать. Силы были неравными, бригаде пришлось отступить и, выполнив поставленную перед ней задачу, вернуться на свой берег. А немецкое командование доложило в ставку Гитлера о полном разгроме двенадцатой бригады советских моряков.

Перед войсками Северного Оборонительного района ставилась задача: перейти от пассивной обороны к активной, изматывать силы врага.

Инициатива на фронте стала переходить к нашим войскам.

Во вражеский тыл высаживались группы и отряды советских разведчиков — громили опорные пункты, уничтожали батареи, гарнизоны. Объектами для таких налетов были набраны до сего времени казавшиеся недостижимыми опорные пункты на мысах Пикшуев, крестовый, Могильный, Обергоф.

ГЛАВА 6. РАДОСТЬ ПОБЕД

К штабной работе я долго не мог привыкнуть. Все помыслы были с разведчиками. Созванивался с ними, знал всю их жизнь.

В то время наша бригада морской пехоты была рассредоточена вдоль заросшей березняком и ольхой мелководной, но прыткой форелевой речушки. Бригада готовилась в боевое охранение — на замену двенадцатой. Мой начальник штаба Илюшичев был переведен заместителем командира нашего же минометного батальона. Вместо него прибыл старший лейтенант Андрей Павлович Андреев, хорошо знакомый со штабной работой, но абсолютный новичок в минометном деле. Мне представилась возможность учиться штабной культуре у опытного штабиста и в то же время передавать свой опыт минометчика Андрееву.

Времени для общения с разведчиками значительно поубавилось.

Произошли перемены и в жизни Юневича. Ему поручили формировать разведывательный отряд, куда он и отбыл из своей бригады. Дозвониться до него стало почти невозможно. Юневич отбирал в отряд бойцов из частей всего соединения. Разумеется, разведчики шестьдесят третьей бригады оказались там в большинстве. В их числе был полностью взвод Патракова. Комиссаром отряда назначили политрука Петра Тарасовича Чебанко.

Озеро возле КП

Обо всем этом я узнавал из штабных бумаг и от встречавшихся старых приятелей-бойцов. Вскоре в печати стали появляться знакомые имена разведчиков. Потом распространился слух, что два взвода Юневича сели на катера, ушли через Мотовский залив на вражеский берег и целую неделю не давали о себе знать. У меня сразу нашлись и время, и возможность установить достоверность этого слуха. Но пока я занимался этим, ребята уже вернулись с победой. Несколько позже стали известны подробности их операции. Юневич находился

там с двумя взводами — Белозерова и Патракова. Выждал время, не спеша изучил опорный пункт и нанес по нему удар. Все успешно. Разведчики уже собирали трофеи, как егеря, подошедшие на помощь разбитому гарнизону, пошли в атаку.

Юневич дал две белые ракеты: «Вызываю огонь на себя».

Отбивать атаку было некогда — могли попасть под свои снаряды. Пришлось отойти. Немцы едва успели овладеть сопкой, как на них обрушился шквал нашей артиллерии.

Оставив для прикрытия отделение старшины первой статьи Петра Рогового, отряд сел на катера и вернулся на свой берег без потерь. Роговой отошел в другой район: сняли его к утру.

Через некоторое время в местной газете «Краснофлотец» мы читали об успешной высадке отважных разведчиков в тыл врага. Более шестидесяти фашистов уничтожили они, захватили два пулемета, автоматы, документы и привели пленного.

В мои руки попала листовка.

«Товарищи разведчики!

Под командованием старших лейтенантов Грачева и Юневича вы совершили несколько налетов на тылы врага.

Дерзко и беспощадно расправляясь с врагом, вы убили более 300 фашистов, разгромили вражеские опорные пункты, захватили трофеи и ценные документы, привели с собой "языка"...»

Дальше шел призыв истреблять фашистов на севере и тем самым помогать братьям на юге. Подпись: «Политический отдел СОРа».

Сбрасывались листовки и с немецких самолетов. Кроме отвращения, у наших бойцов такие листовки ничего не вызывали. Их никто не брал в руки.

Вечером 20 сентября 1942 года рыбакинцы слушали в землянках сообщение Совинформбюро:

«На Крайнем Севере отряд моряков высадился в тылу противника и внезапным налетом уничтожил более 150 немецких солдат и офицеров, десять деревоземляных укреплений, склад с боезапасами и пять блиндажей».

Спустя некоторое время эта операция была описана в специальной брошюре.

Отряд численностью триста двадцать человек из «разбитой» двенадцатой бригады под командованием майора Андрея Прохоровича Боровикова темной ночью 11 сентября погрузился в Эйна на катера и ушел в район мыса Пикшуев.

Когда десантники вернулись домой, было уже светло. В воздухе появилось тридцать немецких бомбардировщиков. Они развернулись над мысом Пикшуев и начали бомбить район высадки. Рыбачинцы наблюдали и радовались, как немецкие бомбы взметали вверх то, что осталось там целым после налета морских пехотинцев.

За восемь часов боя десантники истребили сто восемьдесят фашистов. Девять взяли в плен. Уничтожили два орудия, восемь минометов, пять пулеметов. Взорвали шесть дотов, пять складов, четырнадцать дзотов, десять землянок, три палатки, взяли трофеи, штабные документы...

Потери десантников составили двадцать девять человек... Это произошло в разгар грибного сезона. Урожай грибов опять был отменным и удивлял каждого, кто приехал на Север из других областей страны. Только мурманчане относились к этому явлению без особого восторга — для них это было обычным. Зеленые склоны сопки от обилия грибов покрывались желтизной. Начальник штаба бригады майор Кильдяшев специальным циркуляром требовал от командиров частей заниматься заготовкой грибов и ягод впрок.

Не добившись победы в открытом бою, немцы делали все, чтобы блокировать Рыбачий. Трудности с доставкой продовольствия и боеприпасов с Большой земли были огромные. Этим и вызвана была необходимость перехода на «подножный корм». Ягоды и грибы неплохой были добавкой к рыбачинскому пайку, к тому же предотвращали цингу.

Катера с почтой или ранеными отправлялись на Большую землю только в туманы. Доходили не все: где-то на полпути прояснялась погода — налетали немецкие асы. Так был потоплен бот с почтой для штаба флота, в которой были наградные листы на разведчиков Каленикова. Поскольку отряда не существовало уже, то и наградных листов оформить вновь было некому.

Рассредоточение и маскировка нашей бригады оказались удачными — самолеты немцев пролетали мимо. Не доставала нас и артиллерия. Спокойно ходили грибники с корзинами, носили в бочки дары тундры. Готовились ко второй военной зимовке в голых скалах.

ГЛАВА 7. БОЙ ЗА ВЫСОТУ „ЯЙЦО“

Снова боевое охранение. Неизменная Муста-Тунтури. Погранзнак. Три высоты: «Яйцо», 122,0 и 40,1. Вдоль и поперек исхлестаны осколками и пулями, изрыты минами, снарядами. Потемнели. Но стояли, как войны, насмерть. Строже стали. И крепче — с пронзительным воем отлетали от них осколки. Как и прежде, пограничный знак оставался нашим — кукиш показывал немцам. Сколько ни пытались егеря штурмовать его, всякий раз отлетали, как осколки от того гранита.

Я успел отвыкнуть от боевой жизни. Немало дней потребовалось, чтобы снова не обращать ежесекундно внимания на оглушительные взрывы и противный свист пуль.

Кутовая. Минометная рота, которой больше года командовал Илюшичев. Теперь командиром там Василий Дымский — бывший мой однокашник по учебе в полковой школе. Он из Череповца призван. Бухгалтером работал в торговой сети. Знать, от такой сидячей работы Дымский выглядел значительно старше своих лет. Щербатый. Лысый. Лобастый. Лицо костлявое. И сам — тонкий, согнут — что колос на стебле. Ходил носками внутрь: казалось, вот-вот заплетутся его ноги, но нет, такого не случилось. Внешне не похож на военного, а дело знал.

Уходят разведчики в бой. Фото Н. Веренчука

Я шел к нему с особым заданием штаба. Готовился захват высоты «Яйцо». Штурмовать ее пойдет отряд Юневича. Предусматривалось поддержать огнем минометов атаку Юневича. На первые числа октября синоптики обещали резкое похолодание, безветрие и туманы. Юневич недаром двое суток отсидел уже в землянках

А. Я. Юневич перед штурмом высоты «Яйцо»

первой линии обороны, дождался такой погоды. Обговорил за это время с командирами поддерживающих подразделений — артиллеристами и минометчиками — все детали

взаимодействия, тщательно продумал таблицу условных сигналов на все варианты боя, вплоть до выхода из строя радиостанции.

Высота «Яйцо» хорошо просматривалась с наблюдательных пунктов переднего края и боевого охранения высоты 122,0. Мы пристреляли все подходы к ней. Справа от высоты — дорога на Титовку, узловатая, с крупными валунами по обочинам. Мы смотрели в перископ на местность, которую предстояло преодолеть бойцам Юневича, и переживали за них. Нам ни осколок, ни пуля не грозили среди выложенных каменных плит — рисковали разве что окопным перископом над бруствером. А ребятам — резать проволоку, идти по минному полю, на стволы пулеметов и снайперских винтовок. Биться врукопашную.

Туман свалился на сопки — синоптики не ошиблись. Но он нужен был только Юневичу — для внезапного налета, а минометчиков ослеплял.

Отличавшийся от многих уравновешенностью и спокойствием Миронченков и тот не мог скрыть волнения. Перед боем он сидел у себя на наблюдательном пункте. В молочной пелене тумана стучали пулеметы, с треском рвались мины. Миронченков брал телефонную трубку и запрашивал, вижу ли я что-нибудь.

Я ничего не видел.

— Будь наготове, говорил комбат.

По времени Юневич должен быть где-то под самым носом врага.

Любой взрыв, каждая пулеметная очередь наводили на неприятные мысли.

Минометные расчеты Дымского дежурили на огневых позициях и готовы были немедленно — открыть огонь. Там, в густом киселе тумана, изредка постукивали пулеметы. Тремя днями позже Александр Березкин, Анатолий Патраков и Осокин подробно расскажут, как в это время перед цепью залегших разведчиков вдруг во весь рост вскочил человек с поднятым над головой автоматом.

— За мной, вперед! — крикнул он.

И полетело от сопки к сопке раскатистое «ура». Ударили автоматы. Прогремели взрывы гранат.

Пользуясь туманом, Юневич решил не вызывать огня артиллерии и минометов на вражеские огневые точки, а внезапно атаковал егерей своими силами. В ответ неистово ударили пулеметы. Враг вслепую бросил тысячи снарядов и мин на передний край, посчитав, вероятно, что русские перешли в наступление. Юневич ворвался в расположение дотов, уничтожил в рукопашном бою всю смену боевого охранения — на его высоте сразу стало тихо. А в Кутовой горела земля: враг не жалел снарядов.

Все рации работали на Юневича, а он молчал. Прошло полчаса. Юневич молчал по-прежнему.

— Ты слышишь что-нибудь? — спрашивал — меня комбат.

— Пока ничего.

— Чем порадуешь? — слышался голос начальника штаба Андреева через некоторое время.

— Ничем.

— Выручай ребят, чего бы это ни стоило, — кричал в трубку комиссар минбата капитан Степан Алексеевич Аникин.

Писк передатчиков. Гудение зуммеров. Людские голоса. Среди них часто слышался мягкий женский голос. Наташа Тесля, неутомимая бригадная телефонистка, сутками не покидала коммутатора. Обаятельной внешностью эта кареглазая украинка многих сводила с ума, в том числе и автора этих записок, видевшего ее, впрочем, всего один раз. Наташин голос заглушался громовым басом:

— Доложи обстановку!.. Я «Утес»!..

Это — Кабанов.

Кто-то кричал:

— Почему молчишь? Перехожу на прием! «Волга»!

— Алло, ты слышишь? Куда бить? Я «Днепр»...

И все готовы на самые крайние меры, лишь бы чемто помочь.

Через каждые пять минут я докладывал в штаб о своих наблюдениях и действиях.

А Юневич молчал.

Наконец донесся голос радиста Дмитрия Постовалова, передающего его радиодонесение: «Сопка взята. Уничтожено более двадцати фашистов. Имею восемь раненых».

Этих девяти слов оказалось достаточно, чтобы успокоиться не только мне, но и всем минометчикам. Однако никто из нас не думал, что бой уже закончен. Егеря, несомненно, должны попытаться отбить тактически выгодную для них высоту, с которой, как на ладони, виден весь левый фланг нашей обороны. Их артиллерия и минометы уже перенесли огонь на Юневича, хотя все это делалось вслепую.

Туман служил теперь больше на руку наступающим, нежели обороняющимся. Юневич сообщал, что патронов у него оставалось все меньше и меньше. Что отбил уже три атаки. Просил артиллеристов дать отсечный огонь.

Вскоре просвистели над головой первые наши снаряды, громыхнули где-то в тумане за сопкой. Сразу полетели туда и восьмидесятидвухмиллиметровые мины Дымского. На этот раз Юневич не заставил себя долго ждать: через три-пять минут передал артиллеристам поправку. В равной степени она относилась и к нам. Опять пороховым запахом запахло на огневых позициях минометчиков. Ударил артдивизион майора Придни — сто четвертого пушечного артиллерийского полка. Как и немцы, мы били вслепую: падений снарядов и мин с наблюдательных пунктов не фиксировалось, всё закрывал туман. Не видел рвущихся снарядов и Юневич — ориентировался лишь по разрывам. Скорректировал еще и попросил беглого огня. Значит — снаряды летели точно на врага.

Разыгралась артиллерийская дуэль, от которой гудел весь полуостров Средний.

Полярная ночь уже хозяйничала в ущельях. С вечера приносила с собой туманы, а ночью ветерком уносило их с гор. Это позволило Юневичу точнее нацелить нашу артиллерию и определиться на местности, тем более что обратные скаты захваченной высоты «Яйцо» он видел впервые. Когда сопку пеленал туман, думалось, что без него будет лучше. Вышло иначе. В тумане егеря успели наклепать из камней на флангах и спереди множество огневых точек, которые не давали теперь поднять головы. Выяснилось, что бить-то наша артиллерия была, да не очень точно — немцы и тут схитрили, отошли на фланги, а спереди для видимости оставили несколько активных огневых точек. Пока держался туман, отсюда же атаковали Юневича, а когда ударила артиллерия — приутихли для перегруппировки.

Тем временем Юневич скорректировал огонь нашей артиллерии по тем точкам, которые не давали ему поднять головы.

Теперь по Юневичу враг бил, наверное, изо всех стволов. Снаряды и мины ложились почти на каждом метре, и уцелеть в том аду мог разве тот, кто сумел вовремя найти какую-то щель и укрыться в ней.

Туман рассеивался. Над сопкой стояло черное облако. Пока был туман, пришло подкрепление. Число раненых росло, появились первые убитые. Ранило в левую руку Юневича. Березкин попросил его отползти в безопасное место, чтобы там оказать помощь. Юневич отказался. Оба лежали за камнем, Березкин бинтовал командиру руку, а он говорил:

— Сам-то не подымай высоко головы. Перевязывай да иди-ка вон Бибикову с Леоновым помощи. — Они были рядом, тоже лежали за большим камнем.— И подбодри их. Растерялись, никак. Побледнели, будто сметаной вымазаны. Ясное дело, кому хочется умирать? Им тем более — дети дома ждут. Ты вот скажи: разве не хотел бы пожить хотя бы годков пяток после войны?

— Хотел бы.

— И в чем же дело?

— Выживу — напишу картину: «Сопка „Яйцо” в огне».

— Отлично! Обязательно напишешь. И еще... — Юневич умолк, вероятно, посчитал неуместным исповедовать подчиненного в столь неподходящую минуту.

— Что «еще», Александр Яковлевич?..

— Боюсь, как бы не испугать тебя.

— Чем?

— Еще ты напишешь картину, как мы вызывали огонь на себя.

Березкин глянул на командира.

— Ты не готов к этому? — спросил Юневич. — Если нам придется вызывать огонь на себя?

— Мы уже говорили об этом с ребятами, — ответил Березкин. — Нам никто не приказывал, мы сами пожелали стать разведчиками. И не жалею. Если надо, готовы и к этому.

В землянке такой разговор показался бы неуместным, а под свист пуль и осколков — вполне нормальный разговор.

Снаряды перестали рваться на высоте, полетели на Кутовую и на 40,1, а на Юневича вновь поднялась цепь атакующих егерей. Прикрывая левый фланг, за пулеметом лежал Петя Петров. Дима Осокин с пулеметом — на правом фланге.

В цепи егерей было не меньше двух рот. От выдержки и спокойствия наших пулеметчиков теперь зависела судьба отряда. Фашистов — вдвое больше. К тому же их прикрывали с флангов пулеметы и минометы ближнего боя, именуемые «лопатами», которыми Юневич не располагал. Рукопашный бой, как крайняя мера, не решит судьбу, не спасет положение отряда — напротив, ускорит его гибель.

Диме Осокину держать фланг не впервой, а вот Петя Петров в бою был всего один раз — в десанте на Обергоф. Там все было иначе: внезапный налет, разгром, сбор трофеев, отход, катер и снова Рыбачий. Того, что сейчас, испытать не довелось. Петров лежал за камнем, прижав к плечу приклад ручного пулемета. Время было уже бросать гранаты, вскакивать и бежать в рукопашный бой, и в эту минуту застрочил пулемет Петрова. Сразу ударил и Осокин: он ждал, когда откроет огонь Петя. Повалились один за другим бегущие в цепи егеря. Но пулемет Димы внезапно умолк. Вместо него сразу заговорили два пулемета из последнего резерва лейтенанта Белозерова. Егеря валились навзничь, прятались за камни, отстреливались, бежали назад.

На Юневича снова полетели снаряды немцев. Рикошета от камней, жужжали пули. Застонал пулеметчик Алексей Лемасов. Комиссар Чебанко отправил его со связным, Ериловым в укрытие, а сам пополз к пулемету Лемасова и вдруг полетел под откос, отброшенный взрывной волной. Когда связной Ерилов вернулся, то комиссара на месте не обнаружил. Тот лежал по другую сторону большого камня на спине. Ерилов прыгнул со скалы к нему. Лицо и шинель Чебанко были в грязи. Но стоило связному дотронуться до комиссара, как тот пришёл в себя и принялся трясти шинель, оглядываясь по сторонам, словно желая понять, что с ним произошло. Пулемет лежал в нескольких метрах, но это был уже не пулемет. В него угодила снаряд и, не разорвавшись, изогнул ствол, а сам отлетел куда-то в сторону. Так с этим пулеметом и приползли к Юневичу. У того глаза на лоб:

— Что это?

— Трофеи взяли с Ериловым. У фрицев новое оружие появилось — из-за угла стрелять, — без тени улыбки ответил Чебанко.

Комиссар был способен шутить даже в такие напряженные минуты боя. Юневич рассмеялся:

— И арснабженцам не докажешь, что это наш ручной пулемет.

Лейтенант Патраков в это время лежал неподалеку от Димы Осокина. Возле него возился Ваня Касьян. Лейтенант решил, что Осокин ранен, потому и пулемет замолчал. Пополз к нему:

— Чего случилось?

— Дивись, куда пуля стобнула.— Касьян указал пальцем на свежую царапину на камне над головой Осокина. — А каске шо зробила... Зовсим хлопець оглох.

Дима и на самом деле не слышал, о чем они говорили, только догадывался. Прижав к глазу вскрытый пакет с бинтом, крыл немцев на чем свет стоит.

— Гады поганые! Оглох — и песку полные глаза.

Поистине произошло чудо. Ударившись о камень, пуля высекла из гранита песчаную пыль, запорошила Диме глаза и, пробив у надбровья каску, застряла в подшлемнике.

— Была нужда слепнуть. Много ли зрячим-то жил? Жениться — и то не успел. А целоваться пробовал всего лишь. Получалось неплохо. До остального дело пока не дошло. Она у меня строгая, поморка, не охочая до баловства. Говорила: «Женись — и там хоть чо делай, хоть съешь меня всю». Ждет. Я слышал, вы тоже земляк мой? Мурманск и Архангельск — рукой подать.

С. А. Ломовцев

— Я призывался из Мурманска, а сам кировский. Некогда об этом, Осокин. Потом наговоримся, — наблюдая за противником, ответил Патраков. Фашист, видимо, заметил его, выстрелил — пуля ударила в камень рядом. Лейтенант высунулся из-за камня снова — опять жикнула над головой пуля: Патраков перестал рисковать. — Готовятся. Скоро опять пойдут, гады. Готовся и ты.

— А чо, я готов, как штык. Глаз — чепуха, проморгается. Зажмурять не надо, как раз левому больше досталось. Я слышал командир, правда или сплетни ходят — не знаю: по вас, говорят,

фартовые девахи из «Мыльного пузыря» с ума сходят?

— Не время об этом, Осокин! Кончай!

— Я не хотел обидеть вас, простите. Больно охота поговорить о житейском. В землянке об этом не спросишь — там времени в обрез и у души спрос не тот. А тут — в самый раз. Может, не к добру...

— Перестань, тебе говорят! От егерей отбиваться надо, не о девках болтать!..

Застонал за камнем автоматчик Сафон Ломовцев — рабочий из Саратовской области. Всякий раз, когда Постовалов брал балалайку и запевал «Ивушку зеленую», Ломовцев в ту же минуту садился рядом с ним. Сам не играл, а любил русские народные песни. Не пел их, а слушал — и в этом находил наслаждение.

Комиссар опять послал связного Ерилова оказать помощь Ломовцеву и сопроводить его к Березкину под скалу.

А немцы уже снова шли в атаку. Ударили автоматы, пулеметы. Полетели гранаты.

Так без сна и отдыха три дня и три ночи одну за другой отбивали бойцы Юневича атаки. С большими потерями прорвалось незначительное подкрепление. Удерживать сопку становилось все сложнее. Тремя осколками в ногу Юневич был ранен снова. Он лежал под скалой, доставленный туда с КП Березкиным. Санинструктор перевязывал, а командир торопил:

— Скорей. Затяни потуже, чтобы кровь не сочилась, и ладно. Пусти, хватит. Бери автомат и дуй к ребятам. Все, иди! Где радист?

Над головой на скале треснула мина. Сверху свалился камень — угодил на больную ногу Юневича. Терпеливый и выносливый командир застонал. Больше он подняться на ноги уже не мог. Приказал Березкину помочь выползти на видное место, чтобы руководить боем.

К вечеру туман снова упаковал сопки. Гитлеровцы решили обойти Юневича слева, захватить высоту 40,1 и отрезать ему отход. На район предстоящей атаки обрушили невиданный огонь.

Разгадав их маневр, Юневич доложил по радио обстановку и добавил:

— Артогонь на нас!

Получив такую команду, я не на шутку растерялся и запросил штаб: как быть? Легко ли повернуть стволы минометов на ребят, с которыми ходил по тылам врага и не оказался теперь рядом с ними лишь потому, что однажды зашел в Кутовую повидаться с Илюшичевым, который через день стал уже начальником Штаба батальона...

Кутовая. На огневой позиции минометчиков

Ответил мне Илюшичев. Он-то знал там каждый камень. Бывший командир роты до сих пор помнил исходные данные и посоветовал мне сначала дать четыремя минометами огневую завесу. Снаряды легли вплотную с Юневичем — били по немцам. Туда же полетели снаряды Придни.

Ударили пулеметы с высоты 122,0.

Снова загудело все вокруг. С Рыбачьего потянул ветерок, и туман исчез. Огневой вал опоясывал западные скаты высоты 40,1. От камня к камню, в сплошном грохоте взрывов и пламени огня металась солдаты генерала Дитла.

В эфире то исчезал, то снова появлялся голос Юневича. Он благодарил за огонь и просил перенести его правее. Стоило огневому валу откатиться к дороге Титовка — Кутовая, как бойцы Юневича, добивая последними патронами удирающих егерей, пошли на высоту 40,1.

Вскоре они были у Дымского. По перешейку от губы Волоковая к Мотовскому заливу низом плыл плотяный туман. Перестали рваться снаряды и мины. Наступила тишина. Лишь изредка в боевом охранении постукивали пулеметы да взвивались осветительные ракеты.

Легкораненые ушли сами, а тяжелых сразу стали отправлять с прибывшими из санитарного батальона бойцами.

Юневич мог кое-как сидеть и даже прыгать на одной ноге, опершись руками о плечи санитаров. Утомленный, осунувшийся, обросший — морщился и покусывал губы от боли. Он почувствовал эту боль только теперь...

С пятью осколками вернулся с сопки и его боевой комиссар Чебанко.

ГЛАВА 8. ОГОНЬ НА СЕБЯ

Залечив раны, многие разведчики успели вернуться в отряд к Новому году. Юневича ждал новый замполит — из седьмого отдельного пулеметного батальона старший лейтенант Иван Иванович Купряшин.

Пришел приказ командующего о награждении орденами отличившихся в бою за высоту «Яйцо» и присвоении Юневичу звания капитана.

Из рук генерала Кабанова Юневич получил второй орден Красного Знамени. Такой же награды удостоился Чебанко. Ордена Отечественной войны второй степени засверкали на гимнастерках Белозерова, Патракова, Осокина; Красной Звезды — у Березкина, Злачевского, Комиссарова, Петрова, Постовалова, Сахарова, Фатхетдинова. Многим бойцам вручили медали.

Перед новым годом в отряд прибыл старшина второй статьи Александр Бакин. Комсомолец, Земляк и друг Осокина. Дима и привел Бакина к Юневичу: — Ручаюсь головой за этого парня.

На командном пункте. Слева — С. И. Кабанов, справа — В. В. Рассохин

Бакин служил на подводной лодке «Малютка» на Северном флоте. В первые дни войны, когда нависла угроза над Мурманском, он добровольно ушёл с лодки на сухопутный фронт в отряд моряков, которым командовал Симоненко. Дважды высаживался с отрядом на мыс Пикшуев. Потом, в мае сорок второго, с батальоном капитана Петрова из двенадцатой бригады — на Западную Лицу. Получил пулевое ранение. Вылечился, затем прошел переподготовку на курсах младших командиров, после чего отправили его в самую

отдаленную огневую точку Рыбачьего, неподалеку от «птичьего базара»: ожидался вражеский десант. Жили на отшибе, впроголодь, хотя рядом без боязни плавали утки, на камнях сидели чайки: как раз годились бы для усиления пайка. Стрелять их — строгий запрет, чтобы не раскрыть секретную точку. А тут, на проверку нервов, будто подсылал кто-то не только доверчивых уток, но даже тюленей. Повадились каждый погожий день: парами и в одиночку. Взбирались на плоские камни, как на помост, и грелись на солнышке, щурили глаза, что кошки. Даровое сало, а у ребят — цинга. Раз пришли тюлени, второй, третий. Смотрел на них Бакин, смотрел, а голод не тетка. Была не была — прицелился и нажал на гашетку «максима».

А. И. Бакин

С ходу схлопотал выговор от командира взвода. А через неделю — похвалу получил от ребят. И хлеб, и сухари жарили на сале. В суп-пюре, в кашу клали. Даже с чаем пили. Хоть отдавал рыбой и еще чем-то морским, прелым. И за неделю как рукой сняло цингу. Доктором за это прозвали Бакина...

Юневичу понравился бывший подводник, откровенный, смелый, находчивый.

С Крупяшиным в отряде появилась гармонь. Играли на ней, в основном, Иван Леонов, два Александра — Березкин и Белозеров и Дмитрий Постовалов. Пробовали пикивать и другие, да тут же слышали:

— Рожденный ползать — летать не может. Отдай, не глумись...

Балалайка отошла на второй план. С гармонью время полетело, как русская тройка с бубенцами, — лихо. И война не помеха. Гармонь и в бой провожала, и встречала ребят. Умолкала только в двух случаях: когда некому было играть — все уходило на задание,

пустели землянки — и в дни траура, когда кого-то приходилось хоронить.

Однажды пять суток никто не брал, гармонь в руки. Двадцать пять разведчиков шестьдесят третьей бригады под командованием младшего лейтенанта Рудыкина и замполита Чебанко сели на катер и отправились искать немецкий штаб за хребтом Муста-Тунтури — чтобы потом сходить отрядом и уничтожить его. Двое суток молчали. На третью ночь вернулись только четырнадцать.

Юневич получил новую задачу: готовить отряд для высадки в районе действия группы Рудыкина и Чебанко. Сначала он встретился с начальниками разведок шестьдесят третьей и двести пятьдесят четвертой бригад, уточнил последние разведданные об огневых точках и минных полях у подножия высоты 260,0 — южного и юго-западного берегов залива Мааттивоуно. Потом отправился к своему другу — помощнику начальника разведки двенадцатой бригады старшему лейтенанту Ивану Шепетьеву, калужскому учителю. В этот вечер они нанесли на карту Юневича огневые точки, проволочные заграждения, минные поля. Вычислили амплитуду колебания моря во время приливо-отливных течений, чтобы в случае необходимости воспользоваться обсушкой. Сообща продумали все варианты боя и пути отхода. Потом хозяин угощал. Поужинав, Юневич рассказал пару веселых анекдотов и, положив руку на плечо друга, произнес:

— Знаешь, Иван Георгиевич, вот кончится война — и опять мы пойдем преподавать математику. Будем спрашивать ребят: «Ну-с, на чем остановились мы на прошлом уроке?»...
— И помрачнел.

Он собрался уходить. Было уже за полночь. За дверью свистела пурга, монотонно выло в печной трубе.

— Куда ты в такую погоду, Александр Яковлевич? — остановил его Иван Георгиевич. — Ночуй у меня, а утром раненько уйдешь. Позвони, чтобы не искали.

Подумав немного, Юневич согласился.

— Такой и быть. Не часто встречаемся.

Пока Юневич звонил в отряд, Щепетьев готовил постель. Сдвинул три скамейки, положил в изголовье фуфайки. Легли рядом. Горел электрический свет, проведенный от аккумулятора. В штабной землянке было тепло. За стенкой слышался голос дежурного, то и дело разговаривающего по телефону. Юневич полежал немного молча и предложил:

— Давай петь, а? — И запел вполголоса:

Вон на пути село большое,
Куда ямщик мой посмотрел.
Его забило ретивое,
И потихоньку он запел...

Щепетьев слов этой песни не знал и за компанию напевал только мотив. После каждого куплета Юневич называл слова следующего куплета, и они пели. Получился неплохой дуэт.

Одной песни Юневичу показалось мало.

— Давай теперь чапаевскую:

Черный ворон, черный ворон,
Что ты въешься надо мной?
Ты добычи не добьешься —
Я солдат еще живой...

Когда спели чапаевскую, Юневич попросил:

— Ну, а теперь запевай ты. Свою, калужскую.

— Не могу, — ответил Иван. — У тебя прекрасно получается. Я подпою.

Дежурный, сидевший за стенкой, потом рассказывал, как он был удивлен «гульбой» разведчиков.

Поспав часа два, Юневич вскочил, умылся снегом, выпил наспех алюминиевую кружку крепкого чаю и поспешил к себе в отряд.

Шепетьев проводил его немного. Обнялись на прощание. Юневич похлопал друга по плечу и молча пошагал.

Щепетьев смотрел ему вслед, а тот шел не оглядываясь, рукавицей заслоняя от ветра лицо.

Хотя и ручался головой Дима Осокин за Бакина, но прошло три месяца, и тот на занятиях по тактике потерял комсомольский билет — ЧП. Где-то выпал из нагрудного кармана гимнастерки. Пытались — искать всем взводом, да где там — пурга все следы замела. Пришлось докладывать Купряшину. С ним пошли к Юневичу. Тот внимательно выслушал и подвел итог:

— На днях идем в десант. Ты желаешь?

— Как же. Обязательно! — обрадовался Бакин.

— А в партию собираешься вступать?

— Давно хотел, да теперь разве после такого случая примут?

— Пиши заявление. Вернемся — буду просить коммунистов принять. Пойдешь заместителем к Сахарову.

Вот он какой, Юневич. Не сразу поймешь. Другой прогнал бы прочь из разведки растяпу, а этот даже рекомендацию предложил. Значит, поверил? Бакин вышел из землянки; постоял с минуту-две в снежной траншее и снова вернулся.

— Уже заявление принес? — удивился Юневич.

— Нет, я вот что... — сбивчиво заговорил старшина.

— Не могу разумать, вы правду сказали, товарищ капитан, или закваску мою проверяете?

— Юневич улыбнулся всем лицом, хмыкнул. Вырвал лист бумаги из блокнота, положил на стол:

— Садись, пиши. Вот тебе ручка, чернила. Иван Иванович, помоги ему, — попросил Купряшина.

А потом были непродолжительные сборы в десант. Готовились все, но пошли пока два взвода: Белозерова и Патракова. С ними Юневич. Всего сорок восемь человек. Обиделись остальные разведчики, повалили к Купряшину.

— Недоверие?

— Почему они, а не мы?

— Чем белозеровский взвод лучше синцовского?..

— У Патракова комсомольские билеты теряют, а вы их посылаете?

— В политотдел пойдем жаловаться!

В душе-то Купряшин согласен был с протестами. Он и сам хотел бы сходить в десант, по замыслу похожий на пикшуевский, но отвечал всем одинаково:

— Успокойтесь. Так надо. Всем там делать нечего.

— Это нам нечего делать, а тем взводам дело найдется? — не соглашались бойцы, не попавшие в список десантников. — Может, вообще решили нас не посылать в разведку?

Разведчики — народ напористый, крутой. Под их нажимом Купряшин согласился сходить в политотдел с просьбой: нельзя ли увеличить численность отряда? Обижаются ребята, что не берут их. И, кстати, нельзя ли и ему, Купряшину, пойти с Юневичем.

Там резонно ответили:

— Простительно, когда приходится разъяснять бойцам. Но ты политработник...

Командиры взводов, старшина отряда Роговой, Юневич и Купряшин уже не один раз проверили, все ли необходимое взяли бойцы в десант. Потом капитан отбыл на передний край за боевым приказом. Познакомился там с командиром батареи Поночевным, имя которого было известно не только на Рыбачьем. «Русской сатаной» немцы называли его батарею. Она огнем щитом стояла перед их транспортами, пытавшимися пройти в Петсамо. Лишь в туманы удавалось проскользнуть немногим из них. На батарею налетали сотни бомбардировщиков, а она жила. Для борьбы с ней немцы установили свою «сатану», но русская продолжала жить.

И. И. Купряшин

П. М. Роговой

На КП Поночевного Юневич встретился с бывшим своим комбригом Крыловым, который должен был руководить всей операцией.

— Тем временем разведчики, собравшиеся в десант, сидели на мешках. Тихо играла в землянке гармонь, а ребята так же тихо пели ставшие любимыми песни «Прощайте, скалистые горы», «В землянке», «Катюша». Постовалов опять исполнял на балалайке свою «Ивушку зеленую», а Злачевский и Хренов — два земляка-уральца — дуэтом пели ее, остальные подпевали.

Это уже стало традицией — в оставшиеся перед выходом минуты садиться так вот и петь вполголоса любимые песни.

А потом прощаться с теми, кто оставался.

Разведчики уходили втихую. Район действия знали только их командиры и немногие из штабных работников, артиллеристы и связисты. Боевой приказ доводился в пути следования или при посадке на катера.

Настал вечер 29 марта 1943 года. Уже надеты были маскировочные халаты. Ждали приказа. В это время к разведчикам забежал навестить своего земляка и друга Сашу Лахматова сержант соседнего подразделения Василий Малахов — его отделение пулеметчиков прошлую осень на высоте 40,1 помогало Юневичу пробиваться с сопки «Яйцо».

Друзья обнялись.

— Если не вернусь, расскажи у нас, в Тирляне, — сказал Лахмастов, пожимая руку Малахову.
— Пока.

Расстались, и сиротливо что-то стало Малахову. Наверное, оттого, что и самому хотелось пойти с другом...

А ночь стояла тихая, звездная. После дневной оттепели снег подернулся корочкой. Впереди были Пумманки. Причал. Встреча со старыми знакомыми катерниками — они высаживали их на Пикшуев, Обергоф. Снова прощание. Теперь обнялись Юневич с Купряшиным. Замполит волновался, командир был спокоен. Не суетлив. Уверен в благополучном исходе операции. Это читалось на его лице — и видели это те, кто шел с ним, и тоже не показывали волнения: были довольны, что, выбор идти в десант пал на них.

Юневич достал из кармана гимнастерки партийный билет, подал его Купряшину:

— У всех забрал, а у меня почему, не спросишь?

А. Я. Юневич. Последнее фото

В билете фотокарточка вложена, возьми ее на память. И еще: если что — заberi обложку моего партбилета.

— Что ты, Александр Яковлевич, — еще пуще взволновался Купряшин. — Если что — я приду к тебе на помощь.

— Да, да. Конечно. Я, просто так... На всякий случай сказал. Хотя тоже, как и ты, броневых щитков на груди не ношу...

Я сидел на наблюдательном пункте командира минометной батареи старшего лейтенанта

Николая Симонова, моего школьного друга. Мне в этот раз поручено было поддерживать огнем минометной роты — Ивана Тригубова действия двух рот четвертого батальона Никитина (двести пятьдесят четвертая бригада), подготовившихся нанести удар в лоб из боевого охранения Муста-Тунтури. Никитину ставилась задача при надобности отвлечь на себя силы врага и тем самым дать возможность Юневичу завершить операцию.

Надежно окопавшись за скальным гребнем в полутора километрах от боевого охранения (примерно столько же от губы Малая Волоковая) и приняв на се не одну тысячу вражеских снарядов, мин и авиационных бомб, батарея Симонова с первого дня войны не покидала своих позиций. Личный состав не знал, что такое отдых. Командиру и его бойцам, впрочем, не отдых нужен был, а боевая стрельба, чем, как ни странно, заниматься приходилось очень редко — не позволял строгий лимит: полторы мины на ствол в сутки. Потому каждый свой снаряд — мину, весом почти в двадцать килограммов, симоновцы старались отправить только в цель. Егеря немедленно отвечали десятками снарядов. Но батарея оставалась неуязвимой. Симонов награжден был Красной Звездой.

Муста-Тунтури

Наше внимание обращено было на вражеский берег, правее Муста-Тунтури. Ночью буссолью и стереотрубой пользоваться то же, что ходить в такую же пору в темных очках. Потому мы с Симоновым вынуждены были стоять в траншее НП и вести обзор местности без оптических приборов. Было тихо и жутковато. После такой тишины обычно налетала буря. Изредка потрескивали в боевом охранении пулеметы. Взлетали осветительные ракеты. По звездному небу из конца в конец играли волны северного сияния, временами исчезали и появлялись вновь — и тогда виден был над заливом небольшой туман. Он

медленно наплывал на берег и расплзлся по лощинам.

Где-то в тумане высаживалась группа Юневича. Правее — ушла для прикрытия группа Кравцова, тридцать два человека. Задача Юневича не из легких: с тыла преодолеть хребет Муста-Тунтури, уничтожить штаб полка, взять пленного, документы и в ту же ночь вернуться к месту высадки, на катера. Дислокацию штаба установила седьмого марта группа Рудыкина, из которой не вернулось одиннадцать человек. Успех боя зависел теперь от скрытности высадки и продвижения через хребет.

В. А. Кожуховский

Хотя там и шло пока все благополучно — без выстрела и взрыва, мы с другом волновались. Куда по требуется огонь — не знали. До десанта не доставал даже Симонов с дальностью стрельбы в шесть километров, не говоря уже о батальонных минометах — у них дальность стрельбы вполтину меньше. Минометные позиции роты Тригубова в лощине у губы Волоковая находились под непрерывным обстрелом — это тоже могло повлиять на исход боя.

С теми двумя ротами батальона Никитина на Муста-Тунтури ушел непоседа и весельчак: старший сержант Иван Баленко, бывший комсорг роты Юневича. Он расстался с друзьями по разведке, когда Юневичу поручено было формирование первого разведывательного отряда Северного Оборонительного — района. В функции этого отряда входила не только разведка, но и налеты на тылы противника.

А Ивану Баленко, прошедшему в свое время курсы специальной подготовки, предложили перейти на другую работу, хотя он и рвался воевать. На фронте воля не своя: приказали — пошел. Но со временем все-таки настоял на своем: его послали в батальон Никитина помощником командира взвода разведки к лейтенанту Егорову.

Ровно два месяца назад этот взвод участвовал в исключительно дерзкой по замыслу операции. К тому времени у командования бригады разработан был план захвата «языка» на Большой Муста-Тунтури — в наиболее укрепленном и недоступном участке — боевого охранения. Там немцы вели какие-то подземные работы: стучали отбойные молотки, наблюдалось тщательно маскируемое, ограниченное передвижение живой силы. Предполагалось: враг вгрызлся в скалу, делал потайной ход в наше боевое охранение — выносил наблюдательный пункт на линию огня.

Захватить «языка» поручили разведчикам взвода Егорова и автоматчикам штабной роты старшего лейтенанта Тетерятникова. Операцию возглавил стройный, высокий, с молодцеватой выправкой старший лейтенант из Воронежа Федор Змеев — с лихо закрученными вверх черными усами. Он был непревзойденным рассказчиком. Запас забавных приключений и анекдотов у него не истощался, а, кажется, увеличивался день ото дня. Змеев был смелым и рассудительным помощником начальника штаба четвертого батальона.

Уже более суток над полуостровом свистела пурга. Она плотно забила снегом все щели, траншей, огневые позиции, окопы. В тылах замела кухни, машины, повозки, конюшни. Сровняла все и вся. Жизнь снаружи почти замерла. Кое-где прорывался из-под сугробов едва заметный дымок. Артиллеристы с трудом успевали скидывать снег со щитов огневых позиций.

Змеев взял с собой лестницы, веревки и повел разведчиков к оледеневшим скалам Муста-Тунтури. Ветер сшибал с ног, хлестал в глаза песком и снегом, а они лезли на сопку, помогая друг другу. Карабкались по веревкам и лестницам. Ворвались — будто с неба свалились, схватили часового, забросали огневую точку гранатами — и след простыл...

Простояв более двух часов в траншее и ничего не увидев на том берегу, мы с Симоновым успели вспомнить свое детство, учебу в школе. Потом он предложил поочередно ходить греться в землянку НП. Там были нары на одного человека, маленький столик — крышка от снарядного ящика. На столике керосиновая лампа с плоским дном и надтреснутым, прокоптившимся стеклом. В углу попыхивала жаром железная бочка с трубой, выведенной в траншею, чтобы ночью не демаскировать НП искрами. Огонь в печке поддерживал невысокого роста веснушчатый радист. Чисто выбритая голова его походила на небольшую круглую дыню.

— Не холодно — бритому? — первое, о чем спросил радиста, войдя в землянку.

— А куда денешься? Она ведь заведется, тварь — не только побреешься, но и в огонь полезешь, — не прекращая шуровать в печке, окая по-горьковски, ответил радист. — Все батарее комбат баню устроил, приказал побриться под Котовского — и сам заодно с нами. Говорят, в босой голове — светлее мысли...

Приятно потрескивали в печке и как порох сгорали «пыжи» из березового хвороста, найденного под снегом. Других дров, кроме рыбачинской березы, не было. Бревна, выброшенные с моря, тотчас же подбирали те, кто находился ближе к берегу. Кроме того, лес требовался на строительство блиндажей, землянок, различных укрытий. Полено было роскошью, как, впрочем, и эта керосиновая лампа. А помыться горячей водой в полевой бане, поддать там жару, а потом до самозабвения отстегать себя тем же рыбачинским

веником — было мечтой многих.

Я спросил радиста о главном:

— Как там?..

— Пока молчат. — И в ту же минуту он насторожился, резко повернулся к столику, на котором лежали приготовленные карандаши с бумагой, и принялся строчить цифры — кодограмму с того берега.

Стараясь не хлопнуть дверью, я вышел к Симонову.

— Что-то передают!

Так же тихо мы вернулись к радисту, тот облегчённо вздохнул:

— Все в порядке, высадились!

Тотчас я позвонил в свой штаб, но там уже знали о первом донесении Юневича.

Потом Симонову звонил «сосед».

— Лымарь говорит, — слышалось в трубке. — Получили радиограмму?

— Да-да, получили, — ответил - Симонов.

— Не забывайте поддерживать со мной связь!

— Ладно. Сами смотрите там в оба, — положил трубку Симонов. — Со сто четвертого полка звонил. Командир взвода управления батареи Замятина — Лымарь. Такой надоедливый: не отстанет, пока не добьется. По каждому пустяку пятьдесят раз позвонит. Год, как из училища, молодой, но службу знает. Везучий парень: по огневым позициям бегаёт во время обстрела, управляет огнем — и ничего. Помнишь, в мае прошлого года трое суток горел немецкий танкер? — Ну?

— Их батарея тоже участвовала, вместе с Поночевным. Немцы обстреливали, бомбили, а они копоты давали танкеру, не уходили с огневых позиций, пока он был на плаву.

Мы с Николаем Симоновым вновь вышли из землянки. Вдали были видны две темные полосы: залив и хребет. А между ними — серая кромка берега, покрытого снегом. Небо понемногу хмурилось, покрывалось дымкой, тускнели звезды.

Берег, по которому шли в эти минуты разведчики, мне запомнился на всю жизнь. Я пробирался по нему поздней осенью сорок первого. Был отлив. Слепила пурга. По скользким оледеневшим камням след в след вереницей шагал за саперами отряд. Стеной надвигался темный утес отрога Муста-Тунтури, как топором иссеченного на куски. Там, наверху, стояли немецкие пулеметы. Внизу разбивались о гранит волны. Потом был первый перевал через горбатину, окаменевшую лысину небольшой сопки, не значащейся на карте. Где-то за ней начиналось ущелье...

Те же ребята теперь ушли туда, только без меня...

Юневичу с минуты на минуту предстояло опять огонь принять на себя.

Как-то все сложится? Где они? Успеют ли затемно вернуться? В ожидании нового сообщения мы стояли молча, слушали тишину, притаив дыхание. О чем в это время думал Симонов — не знаю. Может, о том же, о чем и я. Но так или иначе, ему проще. Он не был знаком ни с одним из тех, кто ушел на вражеский берег.

Чтобы не прозевать светового сигнала или вспышки, мы всматривались в темноту, напрягая зрение. От этого слезились глаза. Смотрели и слушали...

И вдруг оба вздрогнули: с того берега донесся взрыв. Где-то за сопкой — вспышки не видно. Что это? Граната? Мина?..

Еще два взрыва.

— Радист, что там? — приоткрыв дверь, спросил Симонов.

— Пока ничего не слышу!

И опять молчание. Снова щемящая душу тишина, только редкая перестрелка в боевом охранении. Ни я, ни Симонов не смели высказать своего предположения о загадочных взрывах. Вслушивались. Взглядом — и то не спрашивали друг друга: что там? Снова отдалось в сердце — на том берегу застучали автоматы. Мне отлично знаком был этот стук: наши ШП.

— Не может быть! — схватил я друга за руку.

— Никак наши?

— Да!

Отворилась дверь землянки, донесся голос радиста:

— Обнаружены!

Будто провалился в бездну вдруг, сердце в испуге сжалось.

Звоню в свой штаб, опять велено ждать. Вторично звонил с батареи Замятина командир взвода управления Лымарь — снова просил поддерживать связь.

Все длиннее и чаще строчили автоматы. К ним уже присоединились пулеметы. С треском взорвались первые мины. Сверкнули вспышки на высоте. Взвились ракеты на склоне, неподалеку от берега. Новый доклад радиста:

— Окружены. Просят огня.

И раскололась тишина, озарилось небо над Рыбачьим. Полетели к Юневичу тяжелые фугасы батареи Поночевного и сто четвертого пушечного полка Кавуна, полковые и батальонные мины. Ударил гаубичный дивизион Реутова.

Ф. М. Поночевный. 1942 г.

Засвистели над головой ответные снаряды. Устремились в разные стороны светящиеся нити трассирующих пуль. В сплошном грохоте взрывов и залпов потонула стрекочущая дробь пулеметов.

Казалось, где-то извергался вулкан, толчками сотрясая весь полуостров. За обшивкой стен — землянки НП сыпался песок, на столе мигала керосиновая лампа. В наушниках рации стоял сплошной писк. Трещало в телефонной трубке. Затихала на несколько минут и снова гудела земля.

Уже рассвело. Над местом высадки стояло черное облако дыма. Дробно стучали пулеметы. Остывали и вновь нагревались стволы орудий и минометов. Давно уже кончился отпущенный лимит мин и снарядов, а Юневич просил: «Больше огня!» И опять летели снаряды.

Четвертый батальон Никитина получил приказ — начать штурм Муста-Тунтури. Обработав боевое охранение, наша артиллерия перекинула огонь на батареи противника.

— Вперед! За Родину! — вскочили бойцы взвода лейтенанта Егорова. И тут же их прижали к скалам пулеметным огнем. Враг предусмотрительно одел свои огневые точки в железобетон, и, кроме прямого попадания в амбразуру, никакие гаубичные снаряды и мины страшны им не были.

Между тем высадившаяся справа группа Кравцова — тридцать два человека — доставила генералу Кабанову документы убитого унтер-офицера и нарукавные знаки взятого в плен солдата. Из документов пленного стало ясно, что в боевом охранении немцев произошла замена: на позиции триста восемьдесят восьмого на Муста-Тунтури пришел сто тридцать

девятый горноегерский полк. Юневич высадился на опорный пункт, оборудованный для отражения возможного десанта.

Кабанов, получив эти сведения, приказал снять Юневича, для чего послать на выручку роту автоматчиков, а Кравцову и четвертому батальону двести пятьдесят четвертой бригады Касатого — отвлечь на себя противника. Оставшаяся часть отряда Юневича с Купряшиным во главе была в резерве Кабанова.

Из Пумманок в район высадки Юневича ушли катера со ста автоматчиками на борту.

Неистовствовала вражеская артиллерия — била по переднему краю, била много, без лимитов. Район Юневича был прикрыт от нее горным хребтом.

Новая попытка Никитина атаковать боевое охранение на Муста-Тунтури закончилась неудачей. А разведчики Юневича продолжали биться. Просили огня. Доносились оттуда треск пулеметов, взрывы снарядов. Вспышки взрывов и клубы дыма постепенно перемещались к берегу.

На сопки спускались тревожные сумерки. Как там? Пробьются ли? Чем помочь? Снова в наушниках был слышен голос радиста Дмитрия Постовалова — приглушенный, охрипший. Теперь он передавал открытым текстом: «Ближе двести метров!», «Ближе сто метров!», «Ближе пятьдесят метров!» И, наконец, последняя просьба: огонь на себя. На сопке «Яйцо» просили огонь на себя, и — опять! Неужели все? Неужели нет выхода?

А снаряды Поночевного уже полетели. Прогревели залпы. Первый, второй, третий... Один за другим взорвались на той стороне залива девять фугасов — каждый способен потопить транспорт. Полетели снаряды сто четвертого артиллерийского полка.

Попытки снять Юневича ни к чему не привели. Автоматчики соединились с Кравцовым, но пробиться к Юневичу не смогли.

Мы с Симоновым смотрели друг на друга и не решались заговорить. Комбат позвал меня к телефону и, не сказав ни слова, положил трубку.

Все умолкло. Изредка тишину нарушали автоматы, взрывы мин. Но на связь от Юневича так никто и не вышел.

Два дня и две ночи я не смыкал глаз, не спалось и на третью ночь. Звонил в отряд, пытался узнать, кто ушел, но там тоже не могли прийти в себя и просили об этом пока не спрашивать. Через неделю дошел слух, что один из разведчиков Юневича, тяжело раненный и обмороженный, приплыл с немецкого берега на бревне.

Мне встретиться с ним тогда не довелось — вскоре его отправили на Большую землю на лечение.

Потом был приказ о зачислении капитана Александра Яковлевича Юневича навечно в списки шестьдесят третьей бригады морской пехоты. Остальных сорок шесть родные оплакивали как пропавших без вести.

Как и что произошло в том последнем бою с отрядом Юневича, оставалось тайной до недавнего времени.

ГЛАВА 9. А МАТЬ ВСЕ ЖДЕТ...

В нас всегда будет жить чувство неоплатного долга перед теми, кто не вернулся с фронта.

Они погибли, чтобы жили другие.

Они не вернулись.

А мать верит: сын ее жив, рано ли, поздно ли — вернется домой! Моя мать, получившая в сорок втором году фронтовой, «треугольник», извещающий: «Пропал без вести», — дождалась меня. Ждет и еще одного из пятерых сыновей, ушедших на фронт, — самого младшего, Николая. Ждет уже более четверти века...

И сколько же матерей до сих пор не знают, что случилось с их сыновьями! Живые должны помочь им. Смерть героя не может оставаться безвестной.

Я пошел в Центральный военно-морской архив. Потом поехал в Одессу — к генералу в отставке, бывшему командиру шестьдесят третьей бригады морской пехоты — Алексею Максимовичу Крылову. Меня интересовала судьба отряда капитана Юневича. К сожалению, генерал никакими новыми сведениями не располагал. Я вернулся домой и разослал во все концы страны военкомам и юным следопытам письма.

Имена некоторых моих боевых друзей, ушедших с Юневичем, уже известны читателю по предыдущим главам. Здесь я привожу список полностью.

1. *Юневич Александр Яковлевич* — капитан, 1915 года рождения. Могилевская область, Бобруйский район, поселок Глуша. Учитель.
2. *Патраков Анатолий Михайлович* — лейтенант, 1920 года рождения. Кировская область, Лебяжский район. Служащий.
3. *Белозеров Александр Алексеевич* — лейтенант, 1914 года рождения. Калининская область, станция Максатиха. Служащий.
4. *Березкин Александр Кузьмич* — старший сержант, 1920 года рождения. Алтайский край, Завьяловский район, деревня Завьялово. Учитель.
5. *Бибиков Иван Ильич* — краснофлотец, 1920 года рождения. Мордовская АССР, Рузаевский район, деревня Слобода. Рабочий.
6. *Васильев Виктор Константинович* — краснофлотец, 1911 года рождения. Владивосток. Рабочий.
7. *Гавриков Борис Григорьевич* — младший — сержант, 1916 года рождения. Московская область, Одинцовский район, деревня Ротошно. Рабочий.
8. *Горелик Григорий Трофимович* — младший сержант, 1920 года рождения. Гомельская область, Жлобинский район, станция Крутой Берег. Рабочий.
9. *Гутников Георгий Митрофанович* — старшина 1-й статьи, 1918 года рождения. Архангельск. Рабочий.
10. *Дурухин Николай Иванович* — краснофлотец, 1922 года рождения, Вологодская область, Кубено-Озерский район. Рабочий.

11. *Ерилов Александр Иванович* — краснофлотец, 1921 года рождения. Коми АССР, Прилузский район. Рабочий.
12. *Захаров Николай Семенович* — краснофлотец, 1920 года рождения. Якутская АССР, Аланинский район. Рабочий.
13. *Здоровцов Михаил Егорович* — ефрейтор, 1917 года рождения. Московская область, Кашира. Рабочий.
14. *Злачевский Григорий Ефимович* — главный старшина, 1908 года рождения. Свердловская область, Алапаевск. Служащий.
15. *Касьян Иван Федорович* — краснофлотец, 1918 года рождения. Полтавская область, Кобелякский район, село Войково. Рабочий.
16. *Комиссаров Виктор Михайлович* — старшина 1-й статьи, 1921 года рождения. Московская область, Волоколамский район, деревня Тимашово. Служащий.
17. *Лахматов Александр Иванович* — краснофлотец, 1915 года рождения. Башкирская АССР, Белорецкий район, Тирляны. Рабочий.
18. *Лемасов Алексей Петрович* — краснофлотец, 1921 года рождения. Ленинград. Служащий.
19. *Леонов Иван Алексеевич* — краснофлотец, 1917 года рождения. Горьковская область, Мурашкинский район, деревня Ракита. Колхозник.
20. *Ломовцев Сафон Алексеевич* — краснофлотец, 1910 года рождения. Саратовская область, Новоузенский район. Рабочий.
21. *Лукашов Василий Тихонович* — краснофлотец, 1920 года рождения. Кемерово. Рабочий.
22. *Медведев Федор Арсеньевич* — краснофлотец, 1909 года рождения. Калининская область, Горицкий район, деревня Збычевля. Колхозник.
23. *Михайлов Николай Михайлович* — краснофлотец, 1917 года рождения. Ленинградская область, Порховский район, деревня Галкино. Рабочий.
24. *Михайлов Федор Алексеевич* — младший сержант, 1911 года рождения. Смоленская область, Рязанский район. Рабочий.
25. *Мормылев Александр Сергеевич* — краснофлотец, 1921 года рождения. Рабочий.
26. *Осокин Дмитрий Андреевич* — младший — сержант, 1920 года рождения. Архангельская область, Красноборский район, деревня Погореловская. Рабочий.
27. *Попов Илья Михайлович* — краснофлотец, 1920 года рождения. Коми АССР, Ижемский район. Колхозник.
28. *Попов Николай Николаевич* — младший сержант, 1916 года рождения. Чкаловская область, Сакморинский район. Служащий.
29. *Постовалов Дмитрий Александрович* — сержант, 1910 года рождения. Свердловская область, Алановский район. Служащий.
30. *Потанин Петр Александрович* — краснофлотец, 1914 года рождения. Казахская ССР, Павлодарский район. Рабочий.
31. *Пьянков Алексей Александрович* — краснофлотец, 1922 года рождения. Удмуртская АССР, Воткинск. Рабочий.
32. *Петров Петр Николаевич* — краснофлотец, 1919 года рождения. Вологодская область,

Череповецкий район, деревня Кононово.

33. *Павлов Василий Леонтьевич* — краснофлотец, 1922 года рождения. Вологодская область, Борисово-Судский район, деревня Шарапово. Учащийся.
34. *Рожкован Степан Ефимович* — краснофлотец, 1913 года рождения. Владивосток (мыс Чуркина). Рабочий.
35. *Сахаров Василий Алексеевич* — старший сержант, 1918 года рождения. Челябинск.
36. *Симаков Иван Ульянович* — краснофлотец, 1922 года рождения. Ворошиловградская область, Мосчевский район, Ново-Боровский сельский Совет. Рабочий.
37. *Смирнов Николай Васильевич* — краснофлотец, 1915 года рождения. Горьковская область, Залесский район, деревня Чибирь. Рабочий.
38. *Степанов Иван Степанович* — младший — сержант, 1918 года рождения. Чувашская АССР, Урмарский район, Газиляры. Рабочий.
39. *Гараненко Иван Александрович* — краснофлотец, 1914 года рождения. Мурманск. Служащий.
40. *Тоцев Кадыр* — краснофлотец, 1920 года рождения. Узбекская ССР, Волненский район. Колхозник.
41. *Фатхетдинов Хабетдин Хамаевич* — краснофлотец, 1915 года рождения. Башкирская АССР, Илишевский район, деревня Старое Киргизово. Колхозник.
42. *Хренов Иван Фатеевич* — краснофлотец, 1913 года рождения. Свердловская область, Кашенский район. Служащий.
43. *Червяков Николай Никонорович* — ефрейтор, 1916 года рождения. Уфа. Служащий.
44. ?
45. ?
46. ?
47. ?
48. ?

Имена последних в архиве отсутствовали. Позднее Сергей Иванович Кабанов высказал предположение: из сорока восьми во время погрузки на катера трое бойцов каким-то образом попали в группу Кравцова и, возможно, остались в живых. А кто они — данных в архиве нет. Двое остальных — замполит И. И. Купряшин (он входил в список и оставлен был личным распоряжением Кабанова) и спасшийся. Кто он? Кабанов фамилии спасшегося не помнил.

Встревожилась и снова заплакала чья-то мать. Всколыхнулись вдовьи сердца, сдвинулись брови детей, выросших без отцов. Мне писали:

...Старушке-матери (ей уже восемьдесят лет. — Авт.) хотя бы в книге прочитать о сыне своем.

— Сестра Александра Березкина — учительница Лидия Кузьминична Полешкина, село Глубокое

Недавно умерла его и моя мать. Находясь в тяжелом состоянии, она не переставала смотреть на его портрет и что-то шептать.

— Сестра Александра Белозерова — Елена Алексеевна Мутолапова, станция Максатиха

До сих пор теплится в сердце матери надежда увидеть живого сына.

— Нина, племянница Николая Васильевича Смирнова

Мама умерла в нынешнем году. Все ждала сыночка: может, где-то окажется в живых.

— Сестра Ивана Фатеевича Хренова — Александра Токорева, Каменск-Уральск.

Получила извещение, выплакалась и не поверила: как так — «пропал без вести»? Что он — кошка или собака? Мой Дима пропасть не мог!

— Жена радиста Постовалова — Анна Ивановна, деревня Якунино

Для меня утеря любимого брата — тяжелое горе. Он моложе меня на 14 лет. Его именем назвала своего сына, ныне находящегося в рядах Советской Армии.

— Сестра Виктора Комиссарова — Мария Михайловна Лылова, деревня Федцово

Летом была у бабушки в деревне, и случайно пришлось прочитать Ваше письмо. Бабушка испугалась Вашего письма и, спрятав его, решила о нем молчать. Но я, узнав из него о своем отце, не могу не написать Вам слова благодарности. Сколько слез пролила мама, пока вырастила нас, четверых, без отца!

— Дочь Ивана Леонова — Антонина Корчагина, Горький

Жили мы рядом с Николаем. Полюбили друг друга и поженились. Но война разлучила нас.

— Вера Александровна Червякова, Уфа

Родители Пети Петрова из деревни Кононово, Вологодской области, переслали мне пожелтевшее от времени письмо:

«24.05.43 года.

Здравствуйте, Николай Петрович!

Ваше письмо получил и стараюсь ответить. Да, действительно, Ваш сын, Петр Николаевич, погиб в боях за Родину, хотя Вам послали извещение с формулировкой — «пропал без вести». Но верить нужно первому.

Николай Петрович! Конкретно ответить, где именно похоронен, не могу, так как он погиб на территории противника, очевидцев нет, а отсюда сами можете судить, что установить место погребения трудно. Вот кончится война, или даже заранее освободим территорию, то **обязательно** найдем то место, где погибли наши герои. Я буду всегда помнить Вашу просьбу, и, по возможности, посылайте письма на мой адрес, справляйтесь.

Да, Ваше горе велико, Николай Петрович, но не отчаивайтесь. Усиьте еще больше лютую ненависть к немецкому зверю. Они губят наших лучших сынов Родины, представителем которых и был Ваш сын Петр. Мы о нем помним и будем помнить вечно, отомстим в бою. Он вошел как герой в историю нашей части.

На этом заканчиваю. По возможности, пишите.

С приветом — ст. л-т Купряшин Ив. Ив.

Мой адрес: полевая почта 36088-Ж».

Вот еще одно письмо:

«Вологодская область, Кубено-Озерский район, Едковский сельсовет, д. Кочма. Дурухиной Ольге Алексеевне.

04.04.1943 г. Привет с фронта!

Здравствуйте! Как тяжело мне писать это письмо Вам, родная Мать! Но я выполняю последний наказ моего друга по совместной службе — Дурухина Николая Ивановича. Вместе мы спали, из одного котелка ели с Вашим любимым сыном Колей Дурухиным.

Сообщаю Вам, что погиб он в числе храбрых в бою с ненавистным врагом. До последнего дня был Коля весел, в хорошем настроении. Уходя в бой, он заверял командование, что будет сражаться до последнего патрона и расплатится сполна за все, что натворил этот людоед над нашими мирными людьми, за мученья наших отцов, матерей и малых детей.

Да, тяжело пережить такое горе. Велика материнская скорбь! Но ведь он не один, Мамаша. Война — она война, родная моя, а на войне не без этого...

Я обещаю, что мы отомстим и за Вашего сына Колю, и за многих других.

Крепко жму Вашу руку.

Старый друг Вашего сына Коли — Коля.

Полевая почта 36088-К.

Баранов Николай Михайлович».

Эти два последних письма, как нельзя лучше, подтверждали, что разведчики, ушедшие в десант с Юневичем, не «пропали без вести». А что же с ними произошло? Живы ли Иван Иванович Купряшин и Николай Михайлович Баранов? Если живы, то где они? Не располагают ли они какими документами? Не помнят ли имени спасшегося?

Центральный военно-морской архив, наконец, восстановил это имя. Александр Игнатьевич Бакин — бывший подводник.

Я снова собрался в путь. Теперь колеса, ритмично постукивая, везли меня в Мурманск. Прошло около четверти века, как по этой дороге уезжал я с Севера. Тогда был другой пейзаж: стояли обугленные деревья, валялись возле путей битые вагоны, торчали трубы сожженных и разрушенных зданий. Шли составы с танками, пушками и войсками. Теперь на месте развалин я видел громадные корпуса заводов и комбинатов. Дымили высокие

трубы. Приветливо кивали стрелы экскаваторов. Туда-сюда сновали машины, груженные разной надобью.

О чем бы ни говорил я с попутчиками, я думал о Саше Бакине — том самом, который по рекомендации Юневича перед уходом в десант написал заявление в партию. Как сложилась жизнь разведчика? Что произошло за эти долгие годы в его судьбе? Помнит ли кого?

И вот подплыл перрон, залитый электрическим светом. Тормоза остановили вращение колес. Я вышел из вагона — и ни мне, ни ему не потребовалось искать друг друга в разноликой массе приехавших и встречающих людей. Обнялись, как обнимаются однополчане.

А потом, далеко за полночь, мы сидели за квадратным столом, вспоминали былое. Жена Бакина, Александра Осиповна, уже поседевшая женщина, волнуясь, хлопотала возле нас, не зная, чем угостить и в чем лучше подать ленинградцу мурманские деликатесы: зубатку, палтус, сок морошки, бруснику.

По обе стороны стола стояли старомодные никелированные кровати с пышными подушками, накрытыми ажурными тюлевыми накидками. Ковры на стенах. Портреты родителей, старшей дочери и двух подростков-сыновей.

Александр Игнатъевич выглядел неважно. Потускнели и глубоко ввалились глаза под крупным лбом. Втянулись щеки. Лицо покрылось глубокими морщинами. Заострились плечи. Сложив руки крестом: на столе, смотрел он сквозь слезы на гостя и просил поминутно Александру Осиповну подкладывать горяченького на мою тарелку.

— Сам-то, Александр Игнатъевич, почему ничего не ешь? — заметил я.

— А он всегда так, — безрадостно ответила за него гостеприимная хозяйка.

— Не могу, — согласился Бакин. — Шурочка права. Как выпью, так не лезет еда в горло, хоть убей. — Он отвернулся, вздохнул горько, и грудь заходила, уши покраснели. — Прости... Вот о чем хотел тебя спросить... — И снова замолчал. — Да не знаю как...

— О чем? Любыми словами можешь говорить, пойму, — ответил я.

— С какого ты неба свалился? — спросил — Бакин. Он достал из кармана платок и, не стыдясь, вытер глаза. — Двадцать пять лет никому Бакин не нужен был, а теперь вспомнили.

Мне стало не по себе.

— Вот так всегда: выпьет и плачет,— сказала Александра Осиповна, остерегаясь разгневать мужа своей прямоотой, поглядывая то на него, то на меня.

— Ладно тебе, миленькая... Не все сразу. — Хозяин опять наполнил рюмки. — Давай выпьем. Спасибо, что не забыл, приехал. — Он поднял рюмку и выпил одним глотком. — Родной сын, и тот не верит отцу... — И опять слезы.

Много, видимо, этому было причин, но одна показалась ему самой обидной.

Однажды пришел из школы младший сын Толя, второклассник, бросил на стул портфель и, разуваясь, доложил отцу:

— «Четверка» по чистописанию, «пятерка» по чтению. Знаешь, как у нас сегодня интересно было! Разведчик выступал, моряк. Роговой. С орденами — Звездочка, Отечественной и четыре медали. Рассказывал, как они немецкого офицера в плен брали. Ты хоть бы что-нибудь про себя рассказал, пап? Или ты не воевал? А где тогда ранили тебя и ноги обморозил?

Ответил отец сыну, что он хорошо знаком с Петром Михайловичем Роговым. Вместе воевали. Последнее время Роговой был у них старшиной отряда, готовил их в десант, а потом вместе с лейтенантом Синцовым приходил к нему в госпиталь навестить. Толя всегда с затаенным дыханием смотрел по телевидению все фронтовые и приключенческие фильмы, а когда научился читать — засиживался над книгами о партизанах и разведчиках. С открытым ртом слушал людей, отмеченных боевыми орденами. Он знал, что награды даются только заслуженным и отважным. Отец рассказал ему о том, как бился отряд Юневича, из которого уцелел только он, а Толя зевал, потягивался и, не дослушав до конца, подвел итог:

— Если бы ты воевал, папа, значит, у тебя были бы ордена...

А из наград у Толиного папы было всего три медали: «За оборону Советского Заполярья», «За победу над Германией» и «20 лет победы над Германией». Две первые сам же Толя «заиграл» в раннем детстве.

С тех пор Бакин никому больше не говорил о своей фронтовой жизни.

Раненого Бакина отправили на лечение в Ваенгу, откуда он на Рыбачий больше не вернулся. Шла война, и о нем забыли.

В госпитале Бакину предложили — ампутировать ноги — столь серьезным было обморожение. Но разведчик воспротивился:

— Вам отмахнуть — и делу конец. А мне воевать еще надо. Понимаете, воевать! Лечите, не дам резать!..

Вскоре на голову Бакина опять свалилась беда: отекла и посинела перебитая в бедре нога. Опять хирурги повели тот же разговор:

— Ампутация неизбежна. Начинается гангрена... И снова последовал категорический отказ разведчика.

А через семь месяцев, старшина второй статьи Александр Игнатьевич Бакин на своих ногах, всего лишь с ампутированными пальцами, чуть прихрамывая прибыл в Мурманский запасной полк. Полк этот занимался, в основном, разгрузкой транспортов союзников. Обидно, но пришлось разведчику расстаться с мыслью о возвращении на фронт.

А. И. Бакин 1968 г.

Третьим лицом — после лейтенанта Синцова и старшины Рогового, с кем откровенно мог поделиться Бакин о пережитом, стала мурманчанка Шура. Они поженились после войны. Может, в душе-то и сомневалась Шура в искренности слов Саши, но бывший разведчик не очень любил выставлять себя, а она, уловив в этом какую-то затаенную обиду, старалась не возвращаться больше к этой теме. А вот сын... тот выразил свое сомнение без всякой дипломатии.

Днями я слушал Бакина, а ночами писал. Потом пригласил его съездить на студию телевидения. Сначала Александр Игнатьевич удивился этому, пытался отговориться, но деваться некуда было, согласился.

В студии к нам отнеслись с пониманием.

— Приятно встречаться с приятными людьми, — заключил Бакин, выходя из студии.

Мы остановились у ворот, помечтали вслух. Отсюда, с сопки Варничной, где устремилась в голубое небо телевизионная вышка, видна центральная часть города-порта. В тот день резонанс над Мурманском был как под металлической крышей. До нас доносились сигналы машин, снующих по улицам, голосистые сирены судов, непрерывный рокот моторов.

Мы проехали в центр. Прошли к Пяти Углам.

Ушел в прошлое тот Мурманск, который запомнился мне дощатыми тротуарами да множеством крыс.

Бакин шагал рядом прихрамывая. Проходя мимо Дворца культуры имени С. М. Кирова,

сказал:

— Не узнать красавца. А попало ему порядком при бомбежках. В городе, пожалуй, не осталось ни одного дома уцелевшего.

Да, в сорок четвертом, возвращаясь с Рыбачьего, и я видел эти развалины. Но город жил, боролся...

Что же, собственно, произошло? Почему имя Бакина, героя-рыбачинца, осталось забытым?

В Центральном военно-морском архиве и в редакции мурманской областной газеты хранился чудовищный документ — письмо, написанное в двух экземплярах одним и тем же автором. Озаглавлено письмо — «...Но истина дороже» (дается в сокращении):

Я был обрадован приятным сюрпризом: книгой «Это было на Крайнем Севере». (Книга «Это было на Крайнем Севере» издана Мурманским книжным издательством в 1965 году. Это — сборник воспоминаний ветеранов обороны Советского Заполярья. — Авт.) Знакомые имена, знакомые события, фотографии североморцев и памятных мест Заполярья. Осенью 1944 года в Лиинахамари я по поручению командующего генерал-лейтенанта Дубовцева составлял наградной лист на присвоение Ивану Павловичу Барченко звания Героя Советского Союза. В памяти оживает все до мельчайших подробностей.

Об одной подробности, навеянной очерком А. Синцова «Штурм Крестового», я теперь просто не могу умолчать, придерживаясь правила: «Платон мне друг, но истина дороже».

Читаю: «Из сорока моряков в живых остался один — молодой боец Бакин. Доставленный в госпиталь на Рыбачий, он-то и рассказал нам о героической гибели Юневича и своих боевых товарищей...» «А как же ты, Бакин, выбрался?.. Да, знаю, — сразу подумал я. — Отлично знаю, как выбрался Александр Бакин».

...Осенью сорок пятого я готовил к сдаче в архив документы нашего отдела. Мне принесли пачку бумаг, которые хранились в личном сейфе командующего. Просматриваю и вижу опросный лист матроса Бакина, доклад о результатах опроса.

Все эти дни он находился в руках врага, питался из его рук и был на попечении немецко-фашистских врачей. Щадя свою жизнь, Бакин дал согласие сотрудничать с вражеской разведкой. Разумеется, он не утаил перед врагами ничего, что знал о наших силах. Чтобы не вызвать нежелательных подозрений с нашей стороны, фашисты не могли долго держать его у себя. Проинструктировали, дали задание и устроили неплохую инсценировку бегства Бакина на импровизированном плоту.

— Л. Е. Ф., бывший сотрудник оперативного отдела штаба СОР СФ

Заметим, А. Синцов — один из командиров взводов отряда Юневича, не попавший в десант. О наличии такого документа Бакин даже не подозревал.

Я ему не говорил. Сказать — значит снова ранить душу Бакина.

Теперь я с нетерпением ждал выступления по телевидению. Волновался и негодовал в душе. На производстве выпросил Бакину два дня отпуска и перед отправкой на студию предложил ему приколоть к лацкану пиджака медаль «20 лет победы над Германией», полученную совсем недавно.

— Зачем? — засмутился Бакин. — Так полагается, — ответил ему. — Я тоже надел бы, да речь будет идти не обо мне, а о тебе.

На студии мне пришлось волноваться больше за Бакина, нежели за себя. Его колотило.

Через четверть века все становилось на свой места.

ГЛАВА 10. ПРОПАВШИЕ БЕЗ ВЕСТИ

В небе над морем перекачивалось волнами северное сияние. В дымке тумана мерно постукивал мотор. Катер, чуть покачиваясь, шел к вражескому берегу.

Разведчики песен не пели, но настроение к тому располагало. Еще бы: рвались в бой все, а послали только два взвода.

Они сидели кто на диване, кто прямо на палубе — берегли перед броском ноги. Хлопотал один капитан Юневич. Он отдал боевой приказ, определяющий задачи десанта, сходил в рубку к командиру катера Сергею Демидову, уточнил курс и место высадки, вернулся в кубрик, присел к Диме Осокину:

— Ну, так в тебя, говорят, влюбилась девочка из «Мыльного пузыря»? — напомнил разговор с Патраковым на сопке «Яйцо».

Взрыв хохота — Юневич поднял руку:

— Громко нельзя...

Все знали, что этого с Димой случиться не могло. У девушек были более достойные женихи — а он что? — всего младший сержант, и не такой уж донжуан. Осокин улыбнулся, глянул вправо. Там на диване, среди бойцов, сидели офицеры Патраков и Белозеров. За их спиной под белыми маскхалатами были тоже вещевые мешки, набитые патронами, гранатами, провизией.

— Не надо, — вспомнив разговор об этом же на сопке «Яйцо», поднял руку Патраков. — Не время. Потом сам расскажу, — заговорил на равных с Осокиным.

Опять смех, но сдержанный.

Таким Александр Березкин уходил в десант

— Ей-богу. Клянусь честью, — ребята, — улыбался Патраков. — Вернемся с задания, как на духу, во всем признаюсь.

Тут вступил его помощник главный старшина Григорий Злачевский:

— Уверяю, не сделает этого он — сделаю я.

— Значит, вместе похаживаете, да? — кто-то посмеялся.

— Я же помощник его или кто?

Они уже не раз уходили так вот вместе на врага, знали, кто на что способен в бою, потому безобидные подкусывания, даже адресованные командирам, воспринимались нормально. Все они рождены были не для войны, но коль случилась она — пошли туда, где на каждом шагу подстерегала опасность. А жить-то хотелось по-земному, по-человечески — и требовалось отстаивать эту жизнь в походах и боях. Там и проявлялась «закваска» каждого — волевые качества, выносливость. Там и поверили в Юневича — в прошлом бобруйского пастушонка в лаптях, а затем педагога, — в его способности принимать безошибочные решения, оценивать любую обстановку и выходить из сложнейших ситуаций без особых потерь.

Так должно быть и теперь!

Юневич глянул на часы. Приближалось время высадки.

— Все. Пошутили — хватит. Теперь послушайте меня, — негромко сказал капитан, и все притихли. — На счету нашего отряда немало фашистов. Приходилось нам нелегко, вы это знаете. В бою может быть все, и мы к этому должны быть готовы. Я счастлив, что опять с вами иду на задание. Будем верны Родине до последнего вздоха!

Катер легко коснулся каменистого грунта и качнулся. Четверо матросов-катерников прыгнули в ледяную воду — кто по грудь, кто выше — и, удерживая на руках дощатую сходню, позволили сбежать разведчикам на берег.

Стоял туман, видимость — не более пятидесяти метров. Бойцы сначала бежали, потом ускоренным шагом подымались на сопку. Команд — никаких. Шли за командирами. Впереди, справа и слева, следовали дозорные. Тишина. Слышно, как дышат ребята, взбираясь по скалам все выше и выше. Взвод Белозерова залег, осмотрелся, занял оборону на первой высоте, с нее рукой подать — море. Патраков проследовал дальше — на следующую за ложиной сопку. С ним — Юневич и радист Постовалов. Отсюда взвод Патракова пойдет на выполнение основной задачи, а Белозеров будет прикрывать. Туман понемногу рассеивался. Выгодность позиции взвода Патракова не вызывала у Юневича сомнений — все шло по плану. Он оставил радиста, сам в сопровождении связного Николая Михайлова побежал во взвод Белозерова. Перед ними — ложина, по которой только что со взводом Патракова спешили на высоту. Крупные валуны. Рядом — отвесная скала, ущелье. Там темно. Юневич с Михайловым сбежали вниз — из ущелья полетели гранаты: одна, вторая... Упали Юневич с Михайловым...

Старший сержант Василий Сахаров приказал Бакину взять пулемет, пять бойцов и лететь на выручку. Тотчас же с сопки Белозерова на помощь бросились еще шестеро во главе с Виктором Комиссаровым. Расстреляли тишину, а с нею — фашистов, которые были в ущелье. Двух взяли в плен, девять остались там лежать.

Вернулся Бакин с пленными. Двенадцать немецких автоматов принес и гранаты на длинных палках. Комиссарову досталась самая тяжелая ноша: Юневич с Михайловым. Почему в ущелье оказались немцы? Ответ дали они же: засада!

Прибежал Белозеров. Радировал обстановку и посоветовался с Патраковым: что делать?

Возвращаться к берегу с пленными было поздно — катер ушел.

— Прорываться в тыл, — предложил Сахаров.

— Держаться до темноты — обещают помочь, — ответил Белозеров.

— А что с «языками»? — спросил Бакин.

— То же, что они сделали с Юневичем и Михайловым. Смерть — за смерть!

С сопки справа твякнул пулемет и залился хохотом. Потом второй, третий... Спустя несколько минут нельзя было и головы поднять. С треском шлепнулись первые мины, брызнув осколками по сторонам. В туманной дымке темного неба повисли на парашютиках осветительные ракеты.

— Беречь патроны! Ни одной пули мимо цели! — Белозеров принял командование отрядом

на себя.

Обстановка резко осложнилась. Она требовала, чтобы Белозеров безотлагательно побывал в своем взводе, сориентировал бойцов лично. Путь единственный — лощина, где погибли Юневич с Михайловым. Сколько же надо было крови этой лощине — Белозеров упал там же! Помрачилось в его глазах и без того темное небо. Онемело правое плечо, повисла рука. Рядом. связной Ерилов: теперь жизнь командира зависит от него. Перебежками от камня к камню они поднимаются во взвод.

Теперь командует отрядом Патраков, его взводом — Злачевский, командир отделения — Бакин.

Наступал рассвет. На глазах десантников гитлеровцы стягивали силы, к подножию сопки... Их — до двух рот.

Снова бой. Атака за атакой.

Патраков просит по рации огня, корректируя:

— Ближе двести!..

— Ближе сто!..

Неплохогодились трофейные автоматы и гранаты на длинных палках: немцы, наверное, не меньше удивлены были, кто же ими кидается?..

Вражеские снаряды рвались на подступах к берегу, не допуская подхода катеров с подкреплением.

Тяжелые фугасы Поночевного рвались на сопках, где укрывались егеря.

Во взводе Злачевского уже более половины полегло, остальные ранены. На правом фланге оставались только двое — Иван Леонов и Александр Лахмастов. Их пулемет молчал. Патроны в автоматах тоже подошли к концу. У Лахмастова всего две гранаты. Привстав из-за камня, он метнул одну и упал. Леонов тоже поистратил все запасы, подполз к Саше, потряс за плечо друга, взял у него последнюю гранату и лег рядом с ним: дескать, мертв. Притих. Из-за камня подняли головы сразу трое. Один во весь рост шагал: явно пьян! Бросился к Леонову метров с пяти. Иван вскочил вдруг. В автомате у него не было патронов, он размозил егерю голову прикладом. Схватил автомат гитлеровца — и пошел писать справа налево огненной кистью. Добил сначала того, кто бросился на него, потом стегнул очередью еще двух и упал сам...

Через Бакина перелетела граната с длинной палкой: ударила взрывной волной в затылок. Оглушила. От осколков спас камень.

— На, гад! — Бакин ответил предпоследней «лимовкой». Егерь умолк.

В висках у Бакина до боли грохотало: потешались пулеметы, толкли в железной ступе гранит, снаряды и мины...

Двумя разрывными пулями вторично ранило Белозерова...

Так подошел к концу день ни на минуту не затихающих взрывов, пулеметных и автоматных очередей.

Настал вечер. Надо прорываться к заливу — должны подойти катера. Но кругом немцы. Патраков приказывает радисту вызвать огонь Поночевного на себя и среди рвущихся снарядов ведет остатки взвода на помощь истекающему кровью Белозерову. В той же лощине, где погибли Юневич с Михайловым и ранен был Белозеров, упали сраженные пулями Григорий Злачевский, Иван Тараненко и Александр Березкин.

Белозеров лежал на сопке. Он увидел рядом Патракова с Бакиным — это прибавило ему сил, приподнялся на локтях, крикнул, сколько позволили легкие:

— Большевики в плен не сдаются!

В эту минуту еще одна пуля угодила ему в грудь — локти скользнули, и он не поднимал больше головы.

— Погибать — так вместе! — крикнул Коля Дурухин, схватил пулемет своего только что погибшего земляка и друга Васи Павлова, залег за камень, выпустил полдиска патронов по атакующим фашистам — и тоже умолк. Бакин пополз к умолкшему пулемету, оставшимися в диске патронами скопил до десятка немцев и с тем же пулеметом в руке по-оленьи прыгнул к своему автомату... И тут настигла его разрывная пуля. Бакин упал. Онемело правое бедро, отказалась повиноваться нога.

Рядом оказался Осокин. Он достал из противогазной сумки последний бинт (уходя в десант, вместо противогаса Дима полную сумку набрал патронов, гранат, перевязочных пакетов, но сумка была уже пуста не только у него), зажгутовал Бакину перебитую в бедре ногу, взял его автомат и перед тем, как уползти от него к камню, чтобы продолжать бой, сказал:

— Береги, Саша, для себя оружие. Прощай.

А у Бакина оставалась одна лишь «лимонка». Взвилась ракета, осветив местность, как днем. Бакин огляделся вокруг. В котловине между камнями лежало шестеро убитых. Он узнал Юневича, Ваню Касьяна, Николая Червякова. Белозеров все еще стонал, не приходя в сознание.

Немного повыше, за камнем, с перебитыми ногами ворочался Витя Комиссаров. Стонал. Сам себе бинтовал ноги. Рядом никого в живых, кроме Бакина, не оставалось. Но Виктор не рассчитывал на его помощь, он способен был держать в руках не только бинт, но и автомат; не свой — немецкий.

— Вот вам, возьмите! — он выпустил очередью остатки патронов по немцам и снова умолк.

Отгремели выстрелы Комиссарова, и на минуту-две наступила тишина.

Разведчиков оставалось не более дюжины. Рядом рвались снаряды нашей артиллерии: Поночевный выполнял последнюю просьбу разведчиков. Над головой дзенькали пули, осколки. Бакин лежал, на спине, смотрел в небо. Ждал своего снаряда...

Патраков вскочил и крикнул:

— За Родину! За Сталина! Вперед!

Пронеслось над сопками «ура», прогремели последние взрывы гранат, автоматные очереди — и через несколько минут все затихло.

Перестала бить артиллерия.

Отхохотали пулеметы.

Потом до Бакина донеслась немецкая речь. «Что делать?» Втащил на себя убитого. Даром жизнь не отдаст — взорвется на последней гранате, когда побольше соберется возле него немцев.

Подошли три солдата, один — офицер. В эту минуту чуть слышно рядом с Бакиным простонал в беспамятстве Белозеров:

— Фойер, зольдат! — рявкнул офицер.

Солдат, державший автомат на изготовку, полоснул огнем по Белозерову и остальным. Бакину пуля ожгла предплечье, но он не дрогнул, вытерпел...

Комиссаров был еще жив: шевельнулся. Егеря в ту же минуту направились к нему. «Язык» — он так им нужен был! Едва успели подойти, как Комиссаров выхватил гранату — и грянул взрыв. Словно ветром сдуло всех с ног. Дико взревел офицер, адресуя проклятия русским «комиссарен».

— Фойер! — повторил приказ.

Солдаты вскочили. Опять ударил автомат, и все трое принялись бинтовать голову офицеру. Затем взяли его под руки, увели куда-то вниз.

Долго никого не было. Стояла тишина. От этой тишины щемило сердце, по спине шел озноб. Бакину захотелось пить. Он нащупал в изголовье мерзлый снег, нацарапал щепотку крупинок, взял на язык, показалось мало. Подсунул руки под охладевшую спину — лед. Нащупал грань, отломил кусочек, пососал и тут же выплюнул: привкус крови. Вспомнил: в кармане есть сухарь. Взял его на зуб, нажал — и зубы зашлись, крепко сухарик, а громко хрупнуть — немцы услышат. Спрятал сухарь в карман бушлата под ватником и маскировочным халатом, посеревшим от грязи, пригодным для маскировки в голых скалах, но не на снегу (уходя в десант, Бакин не расстался со своим флотским бушлатом и тельняшкой — и они пригодились ему здесь на студеных каменных плитах).

Уже светало. Где-то кто-то стонал. Бакин столкнулся с себя окоченевший труп и, упираясь в землю локтями, вылез из котловины, осмотрелся кругом: никого. Напряг силы и, взмахивая, как на воде, руками, пополз к стонущему. На пути всюду трупы — больше немецкие. Метр по метру, добрался-таки до стонущего. Свой: узбек Кадыр Тощев — молчун. Теперь не молчал, проклинал фашистов. У него перебиты ноги и руки. Лежал, крутил головой, просил гранату... Рядом в углу скалы еще двое своих в полусидячей позе — Патраков и Постовалов. У радиста на животе висела изрешеченная пулями рация. Рядом лежали Василий Сахаров, Иван Хренов, Фатхетдинов и пулеметчик Петя Петров. Немного повыше, в стороне, среди немецких трупов узнал Диму Осокина — видать, бился до последнего вздоха.

— Если опять придут — молчи, Кадыр, — сказал Бакин Тощеву.— Я помогу тебе выбраться.

Опять донеслась немецкая речь. Фашисты спускались с горы. Бакин, как и в первый - раз, прикрылся трупом немца, закусил зубами рукавицу, чтобы не стонать от боли и, затаив дыхание, прищурил глаза.

Офицер осторожно, как по минному полю, шагал в сопровождении двух солдат. Все в маскировочных халатах. Солдаты — в ботинках на толстой подошве, офицер — в белых бурках. Бурки остановились рядом с лицом Бакина. «Заденет ногой — и труп свалится!» — подумал Бакин. Созрело решение: подорваться вместе с егерями на собственной гранате. Но бурки офицера сделали шаг от Бакина, потом еще один. Фашист считал убитых и выворачивал у разведчиков карманы. Дошел черед обшарить карманы у Кадыра, снять с руки часы.

Узбек терпеливым был, а на этот раз терпения не хватило.

— Шакал! — бросил им, словно плюнул в лицо.

Мародеры прыгнули в разные стороны. Вскинули автоматы. Вернулись. Они видели, что разведчик не опасен, беспомощен, не стали добивать пулей, громко смеясь, били прикладами по голове. Офицер стоял, заложив руки за спину и широко расставив ноги. У Бакина сжались пальцы в кулак. Еще минута — и он выхватит гранату, поступит так же, как Комиссаров, да только жаль, что мало уничтожит фашистов при этом!..

Офицер спешил, направился вниз.

Солдаты расправились с Кадыром и побежали туда же.

Если бы человеку дано было две жизни — одну из них Бакин оставил бы здесь и трех фашистов уложил бы. Но тем и дорога она, что дается только одна. И если уж отдать — то дороже. Где вы, отец с матерью? Слышите ли, как бьется сердце вашего сына? Где вы, родные поля, леса и луга? Где ты, рыбная речушка, куда по росистой траве босоногие однофамильцы Бакины из деревни с тем же названием бегали купаться и ловить рыбу? Знаете ли, где в этот час находится средний сынишка большой семьи Игнатия, озорной Санька?

Лежал Бакин под остывшим трупом фашиста, ждал вечера, а с наступлением темноты снова позвал его залив.

Боль в бедре не давала Бакину оттолкнуться даже здоровой ногой. Кусал губы, а все-таки полз. Но недолго — опять по берегу шли трое. «Где укрыться?» — в поисках надежного убежища Бакин глянул влево, вправо, назад. Метрах в пяти слева — скала с темной расщелиной. Пополз туда. В расщелине — круглый, как морская мина, валун. Саша обвился вокруг этого камня. Притих. Вслушался. Егеря шли к нему. Остановились метрах в десяти, посветили фонариком. О чем-то поговорили. Благо снаряды Поночевного доброе дело сделали — и снега не оставили, а то бы след ползшего Бакина как раз привел бы сюда. Постояли, ничего подозрительного не заметив, отправились дальше.

Бакин дрог в студеном камнях до рассвета. Промокшие фуфайка, бушлат и ватные брюки согревали плохо. Разные приходили в голову мысли. За ночь не задремал ни на минуту.

Ослаб, я жить хотелось. Каким угодно, но добраться до своих! Но как это сделать? Ждать прихода катера? Маловероятно: немцы не допустят! Ползти по берегу до боевого охранения? Затемно не успеть, да и не хватит сил: на одном сухаре двое суток жил. Поднять руки, вылечиться у немцев, а потом совершить побег из лагеря? Нет, разведчики в плен не сдаются.

Оставался один вариант, тоже на девяносто девять процентов обреченный на неудачу, — плыть морем...

Начинался рассвет. Он совпал с отливом. Бакин выполз по обсушке на каменный островок, возле которого высаживался отряд. Нашел там бревно, похожее на шпалу, две доски от разбитой шлюпки, приставил их к бокам бревна и связал ремнем. Потом отполз в ущелье скалы — подождать ночи.

Днем выглянуло солнце, пригрело немного. Бакин с тоской глядел на заснеженный берег Рыбачьего: там, в четырех километрах, друзья. Начало клонить ко сну — не спал уже трое суток. И он уснул... С детства не снились ему такие старты: с крыш домов и каких-то высоких гор. Расставив руки, держа в них полы бушлата, он летел к себе в Бакино, сел на крышу своего дома. Мать шла с охапкой дров в избу и, увидев сына, выронила дрова: дождалась! Дрова громом загремели, отчего Саша в ту же минуту проснулся. Сон исчез — рядом ходили немцы. Слышны их голоса, постукивали каблуки: собирали убитых. Загремел сорвавшийся откуда-то камень, как те дрова, что бросила мать. Даже тут предупредила сына об опасности! Саше казалось, что немцы шли к нему. Из-за пазухи достал гранату, положил рядом с собой... Пронесло и на этот раз.

Настала еще одна ночь, которая по счету — он не знал. Саша подполз к плоту. Лег на него животом, попробовал: не потонет ли? Не ахти как, но держал — живот да колени промочил, бока и спина — сухие: плыть можно! Обрадовался и начал грести руками. К дому! К своим! Коченели кисти рук, он клал в рот кончики пальцев, дул на них, тряс в воздухе — и опять за свое. Тянул ветерок от берега, помогал удаляться в море.

А за пазухой рукавицы лежали. В одной из них — единственная граната. Теперь она стала мешать ему, плот — не подушка! Вгорячах-то, в радости, что уходит от немцев, никак не мог понять сначала, что же это такое мешало ему. Отплыл сколько-то метров и, когда руки зашлись в ломоте от холода, только тогда и вспомнил о рукавицах. Достал, вытряхнул «лимонку» — плот качнуло волной — и гранаты как не бывало. Закоченевшими руками все равно не смог бы: воспользоваться ею. Теперь вся надежда была на плот да на силы свои! Зубами натянул рукавицы и снова начал грести. Берега впереди не видно: небо и море — как ночь, как смерть холодная — та, что дважды лежала на его груди трупом. Но теперь уже ничто не изменить.

Плот несло ветром. Куда? В море? Не к немцам ли опять?.. И руки зашлись — не свои. Саша снова зубами стянул рукавицы, положил их перед лицом, кое-как запихал кисти рук за пазуху. Сначала были зыбь и мелкая рябь. Потом появились волны. Они сердито гнали и захлестывали плот. Бакин сплевывал соленую воду и лежал не шевелясь, чтобы не опрокинуться. Перестал грести. Что-то жутко показалось ему, впервые страшно стало. Один на бревне среди моря — никто не поможет! Опершись подбородком на мокрые байковые рукавицы, смотрел он вперед. Черная бездна! Правую ногу перестал чувствовать еще там, на сопке, когда пуля прошила бедро, а теперь онемела и левая. Работало исправно только

сердце одно: правой ладонью Бакин ощущал его биение. Покуда бьется сердце, не забыть недавнего грохота взрывов, запаха пороха и тротила, окровавленных лиц друзей и последних слов Юневича: «Будем верны Родине до последнего вздоха!»...

Надо жить! Надо грести! Надо! Надо!.. А силы уже иссякали. Бакин коченел. Его сводили судороги. Клонило ко сну. Он лежал неподвижно на плоту, покрытый ледяной шубой. Руки повисли в воде, на плот поднять их уже не мог. Ох как редко бывает Баренцево море таким милостивым, не штормящим!.. Сбитым немецким летчикам хватало сил продержаться в этой воде не более пятидесяти минут, а Бакин плыл уже не менее пяти часов. Волны хлестали по лицу, не давали спать, и он вновь поднимал голову. Обхватил руками бревно, чтобы не свалиться. В ушах звенели кузнечики — все медленней, всё тише. Тело постепенно остывало, немело. И сердце тукало еле-еле, лишь не гасло сознание...

Потом он увидел, наконец, бледную полоску над морем — и откуда силы взялись! Порулил руками, развернулся вместе с плотом головою вперед и глядел, глядел на белую полосочку снега. Глаза слезились, разъедала морская соль, видимо. С шапки и бровей свисали сосульки — мешали глядеть, а рук не поднять, чтобы смахнуть их. Чем ближе подносило его к берегу, тем выше поднимались заснеженные сопки. Чьи они? Над заливом становилось светлее. Волны ударяли в оледеневшие подошвы сапог — подталкивали Бакина к темной полосе, за которой белел снег. Потом он увидел на пологом берегу человеческие фигуры в белых халатах. Опять трое. Опять немцы? Неужели они? Двое брели уже к нему.

— Кто ты?

Слава богу, по-русски!..

— Я от Юневича, — слабым голосом ответил Бакин.

— Здесь мелко, вставай!

— Не могу... — и тут окончательно покинули Бакина силы.

Он очнулся в землянке. Кто-то оттирал его спиртом. Колотила лихорадка, стучали зубы. Рядом сидел незнакомый офицер с тремя звездочками на полевых погонах. Бакину дали выпить спирту. Озноб сменился жаром. Разомлел. Снова стали смыкаться веки, но было не до сна — словно выворачивали ему из суставов руки и ноги, совали раскаленные иглы под ногти.

Бакин бредил:

— Уйдите все от меня, уйдите! Я ничего не знаю... Уйдите!..

ГЛАВА 11. ВЕТЕРАНЫ

Мы с Бакиным прощались с работниками студии телевидения, а в кабинете редактора передачи уже раздался звонок. Сообщили, что выступающих ждет внизу какая-то женщина.

Мы спустились туда.

— Вы Бакин? — обратилась ко мне женщина лет тридцати, явно чем-то встревоженная. — Я дочь Ивана Александровича Тараненко. Женя зовут меня, — вытирая платком слезы, сбивчиво заговорила она. — Сейчас пришла с работы, включила телевизор и вижу вдруг на экране своего отца. — Она говорила, а слезы все катились и катились по ее щекам. — Мы извещение получили, что он пропал без вести, а недавно военкомат зачем-то затребовал его фотографию, которую теперь показали по телевидению. Расскажите, где и как он погиб? Я, не дослушав вашего выступления, приехала сюда, чтобы застать вас на студии. Где он похоронен?.. Я стоял в стороне и наблюдал, как Бакин успокаивал дочь своего друга и, тоже волнуясь, рассказывал про тот бой. А поскольку не оставалось времени для более подробной беседы, они условились в первый же выходной день встретиться у нее дома. К ней, кстати, приехала из деревни мать погостить — жена Ивана Тараненко.

Мне хотелось бы тоже побывать на такой встрече, но в кармане уже лежал билет на обратный путь. Оставалось одно: просить дочь героя прислать обстоятельное письмо.

Вернувшись со студии, мы с Бакиным удивились: и без того тесная комната была набита людьми. Пришли соседи поздравить Бакина. Прожив более полутора десятков лет в одном доме, они не знали, что сосед их — герой.

У двери на стуле сидела восьмидесятилетняя старушка, сложив на колени бледные, с узловатыми пальцами, натруженные руки. Одинокая соседка. Были у нее два сына, и оба не вернулись с фронта. Ей нелегко было подняться с постели, но она это сделала, пришла спросить: может, и её дети найдутся...

Сын Толя не мог сдержать счастливой улыбки, смотрел на него радостно, доверительно, гордо.

— Благодарствуем на добром слове, что вспомянули Александра Игнатьевича! — искренне жал мне руку Александр Павлович Попов. — Дело-то ваше хорошее больно... Александр Павлович в годы войны тоже вдоволь понюхал порошу. Воевал в армии Рокоссовского. Пулеметчиком был в двадцать четвертой Вологодской дивизии — «дикой» окрестили ее немцы. Участвовал в пленении Паулюса. А войну кончил на Висле — комсоргом батальона двести семьдесят четвертого полка в звании гвардии младшего лейтенанта. Привез домой шесть правительственных наград.

Он воевал, а его будущая жена Агафья Павловна водила колхозный трактор на Вологодской земле. Холоду и голоду натерпелась, жмыхом, картофельными очистками и турнепсом питалась, а теперь выглядела не в пример мужу — лицо того и гляди кровью брызнет. Она тоже пришла поздравить героя, к тому же еще и свата: их породнили старший сын Анатолий Попов и Галина Бакина.

В день моего отъезда из Мурманска над городом стояло солнце — редкий гость Заполярья.

Сразу пахнуло весной. Потекло с крыш. Под окнами, купаясь в талой водичке, щебетали воробьи. Прозрачней и звонче стал воздух. Залив казался огромным зеркалом. Еще вчера он был забит льдом, а к утру лед выгнало ветром. И сам ветер стих. В воде отражались суда, берега, здания, сопки и голубое небо. Временами зеркальную гладь залива пересекали быстроходные катера и неутомимые буксиры.

Дома меня ждала большая почта.

Нашлись новые люди, хорошо знавшие Юневича и его отважных разведчиков. В Ленинграде жил бывший командир двенадцатой Краснознаменной отдельной Печенгской бригады морской пехоты генерал-майор в отставке Василий Васильевич Рассохин. В Гатчине — командир взвода управления сто четвертого пушечного артиллерийского полка майор запаса Петр Иванович Лымарь.

Из Башкирии отозвался друг Саши Лахмастова — старший сержант запаса Василий Иванович Малахов, теперь — пенсионер.

Из Мурманска писал старшина отряда Юневича Петр Михайлович Роговой. Он в 1944 году воевал уже на «морских охотниках». В боях за освобождение Заполярья от фашистов его катер был разбит снарядом, экипаж погиб. Раненый Роговой, более часа плавал в холодном октябрьском Баренцевом море, пока его не подобрала команда с другого корабля. Демобилизовался из флота осенью сорок пятого. Много после этого плавал за границу. Пять лет был представителем по приемке судов, строящихся для СССР в Германской Демократической Республике. Теперь плавает механиком на рыболовных траулерах Мурманского порта.

П. И. Лымарь. 1943 г.

П. М. Роговой. 1966 г.

Интересным было письмо из Москвы.

Когда получаешь весточки от рыбакинцев, всегда испытываешь радость. А тут — новое знакомство, к тому же очень приятное: 135-й, 104-й — всегда были «соседями по квартире»... Да и с 254-й у меня связано много воспоминаний. Много воды утекло с тех пор, а все свежо в памяти! Вот я и решил взяться за книгу о боевой молодости. Тем более, что являюсь военным корреспондентом, так что мне, как говорится, и карты в руки...

Рассказ о Юневиче, очевидно, будет главой моей книги. И потому, что, по моему убеждению, это герой номер один, и потому, что я с ним некогда встречался, и потому, что неоднократно печатал о нем очерки.

Кстати, Сергей Иванович Кабанов, как он мне об этом пишет, тоже работает над книгой о Рыбачьем. И я уверен, он это сделает по-своему, как бывший командующий. Мы должны радоваться, что миру грозит целое «нашествие» книг о Рыбачьем!

С уважением

— А. Черномыс

Потом от него же было другое письмо.

Не скрою, мне не терпится узнать результаты Вашей поездки на Север, о встрече с Бакиным. Не мучайте меня, сжальтесь надо мной: напишите об этом!

У меня печальная новость: 31 марта умер Николай Иванович Кавун — командир 104-го, с 1942 до конца войны на Севере. Один из героев Рыбачьего, открывший огонь по врагу еще в июне — июле 1941 года.

Одновременно пришло письмо от С. И. Кабанова. Он писал:

«Рад, что в Вашем лице я встретил своего однополчанина. Рад также и тому, что Вы работаете над увековечением в памяти нашего народа подвигов защитников Среднего и Рыбачьего. Это очень нужное и благородное дело.

Бакин в плену не был, но в свое время, после того, как переплыл на бревне, подозревался в том, что он был заброшен немцами к нам на Средний. Но потом все отпало. Прошел проверку, и отправили его в тыл.

Теперь, хотя бы через 25 лет, но Бакина надо наградить. Вы спрашиваете о численности отряда Юневича: сорок восемь или сорок четыре? Пишите сорок восемь, не ошибетесь. А встретиться с Вами очень бы хотелось.

После этого письма Сергей Иванович Кабанов обратился в Мурманский облвоенкомат с просьбой о награждении Бакина, о чем 28 апреля писал мне:

Получил письмо от мурманского горвоенкома. Сообщает, что оформляет награждение Бакина орденом... Для меня это — подарок к 1 Мая. Я рад за Бакина!

Лучше будет, если Вы приедете ко мне в Ленинград числа 7 или 8 мая. Буду Вас ждать...»

Встреча эта состоялась 8 мая 1968 года.

Осенью 1942 года, присутствуя на партийном активе Северного Оборонительного района, я впервые увидел Кабанова, который произвел на меня сильное впечатление богатырским видом и немногословной речью. Тогда и произнес генерал фразу, ставшую со временем боевым приказом: «Рыбачий — это ключ к Мурманску! Умереть, но защитить!»

В то время у Сергея Ивановича была густая черная шевелюра. Сам — высок и строен.

Теперь стал осанистым, погрузнел — под ногами скрипел паркет. Да и прежняя шевелюра исчезла: носил гладкий зачес назад, до единого волоска побелела голова. Сохранился, наверное, один властный голос — артиллерийский.

Хозяин подал мне руку, улыбнулся радушно и пригласил в свой рабочий кабинет, где стояли двухтумбовый письменный стол и книжный шкаф. Сел в полумягкое с подлокотниками кресло, меня усадил рядом к столу.

Беседу начали с воспоминаний о Рыбачьем полуострове, его природе, о «черной тундре». О ягодах не забыли и, конечно же, о грибах, о рыбалке, о «птичьем базаре». Потом перешли к главной теме — о тех, кому пришлось бороться на два фронта: с гитлеровскими егерями и с суровым климатом Заполярья. Вспомнили начальника штаба Северного Оборонительного

района контр-адмирала Туза, начальника политического отдела Лоухина, командиров бригад Рассохина, Крылова, Касатого, артиллеристов Кавуна, Поночевного, катерников Ляха и Демидова.

О разведчиках разговор вели особый.

Я ехал к бывшему командующему узнать новые подробности об отряде Юневича и поговорить о конкретных шагах для увековечения памяти погибших.

В итоге Сергей Иванович охотно согласился просить соответствующие власти о посмертном награждении десантников, погибших в том бою, и установлении обелиска на месте высадки. Что касается численности отряда, Сергей Иванович ничего не добавил к тому, о чем писал мне раньше.

Делясь результатами поездки на Север, я сообщил, что там в областной газете лежит письмо, дурно характеризующее Бакина.

— Да-да, — нахмурился Сергей Иванович. — В Центральном военно-морском архиве тоже поговаривают о таком письме. Кроме того, об этом же напоминает мне из «Красной звезды» Черномыс. Как видите, письмо разослано во все концы. Кому это понадобилось? И зачем? Не знаю, автор этих «сочинений» — один и тот же, но имя одного мне известно. Должен заявить, что этот «автор» на пушечный выстрел не допускался до тех бумаг, о которых пишет. Никакими сведениями, кроме разве слухами «сарафанной почты», он не располагал. Командующему, наверное, известно было больше, чем писарю. Я личного сейфа не имел. Бакину никаких обвинений предъявлено не было. Таким образом, этот Л. Е. Ф. бросил тень не на одного Бакина, а на весь отряд.

Категорическую отповедь бывшего командующего клеветнику я воспринял как вознаграждение за весь нелегкий труд.

Позже С. И. Кабанов передал мне несколько писем из своего архива.

Вот некоторые из них (приводятся в сокращении):

«Сообщаю Вам, что **личного сейфа** у меня не было и таких документов, о каких Вы пишете, я у себя не хранил.

Вообще документов с допросом старшины 2-й статьи тов. Бакина я не встречал, и ни тов. Туз, ни тов. Лоухин, а также тов. Зайцев — начальник оперативного отдела — за все мое пребывание в СОРе о таком документе мне не докладывали.

Разговаривал с тов. Тузом Д. А. (начальником штаба СОРа), он сказал, что напишет Вам все, что знает по затронутому вопросу... Желаю здоровья и благополучия в жизни.

14.03.69 г.

— Дубовцев (Генерал-лейтенант в отставке, командующий СОРОм с августа 1943 г.)

Я хорошо помню высадку группы Юневича и меры, которые мы предприняли для его выручки. Помню и старшину Бакина, который переплыл Мааттивуоно на бревне, я его видел.

Со всей уверенностью утверждаю, что папки, которая якобы хранилась в **особом сейфе** командующего СОР, не существовало, так же как и какого-либо особого сейфа для хранения важных документов.

К тому же, дело об измене отдельного бойца, если бы она имела место, не представляло собою **секрета**. Это мог бы быть обыкновенный документ. Думаю, Л. Е. Ф. что-то путает... Твой А. Туз. 17.03.59. г.

— Туз (Бывший начальник штаба СОРа, контр-адмирал в отставке)

И наконец:

Вы не подумайте, что насчет Бакина меня все грызет червячок сомнения. Просто не пойму, что это за документы, которые во мне родили сомнения. Кто их испек?.. Они-то и ожили в памяти, как только в 65-м я прочел о Бакине в очерке Синцова. Это ж надо быть мне законченным идиотом, чтобы все выдумать из головы!

...Коль орден давался с Вашего участия, при Ваших хлопотах, все ставит на свое место. Слава богу!

— Л. Е. Ф. 9.X.69 г.

капитаном 1-го ранга в отставке Иваном Александровичем Ананьиным, заинтересовался моими поисками и подготовил передачу «Десант на Муста-Тунтури».

Тут и произошло самое неожиданное: объявился замполит Купряшин. Прочитав в программе о передаче, он прислал на студию письмо с фотографией Юневича, подаренной ему на пирсе в Пумманках. Письмо успело вовремя — вечером Иван Иванович смотрел на экране телевизора посланную им на студию фотографию легендарного разведчика-североморца, портреты боевых друзей и свое письмо, отправленное отцу Пети Петрова двадцать четвертого мая сорок третьего года.

После передачи мы связались с Купряшиным по телефону. В трубке слышался слабый голос:

— Спасибо! Вспомнили боевых друзей! Все правильно. Я так переволновался, что даже плохо сердцу. Спасибо! Жду в гости.

На следующий день я поехал к Купряшину.

Иван Иванович после войны был направлен на учебу.

После демобилизации из кадров ВМФ он более полутора десятков лет служил в Ленинградском областном управлении Министерства охраны общественного порядка, откуда совсем недавно его проводили в звании майора милиции на отдых по болезни. Купряшин по-прежнему на вид обаятелен и строен, но бледен. Русые волосы почти наполовину поседели.

— Сердечная недостаточность и болезнь печени — наследие войны. Но это ничто в сравнении с тем, что пришлось нам пережить на Рыбачьем. У ветеранов Рыбачьего есть еще порох в пороховнице.

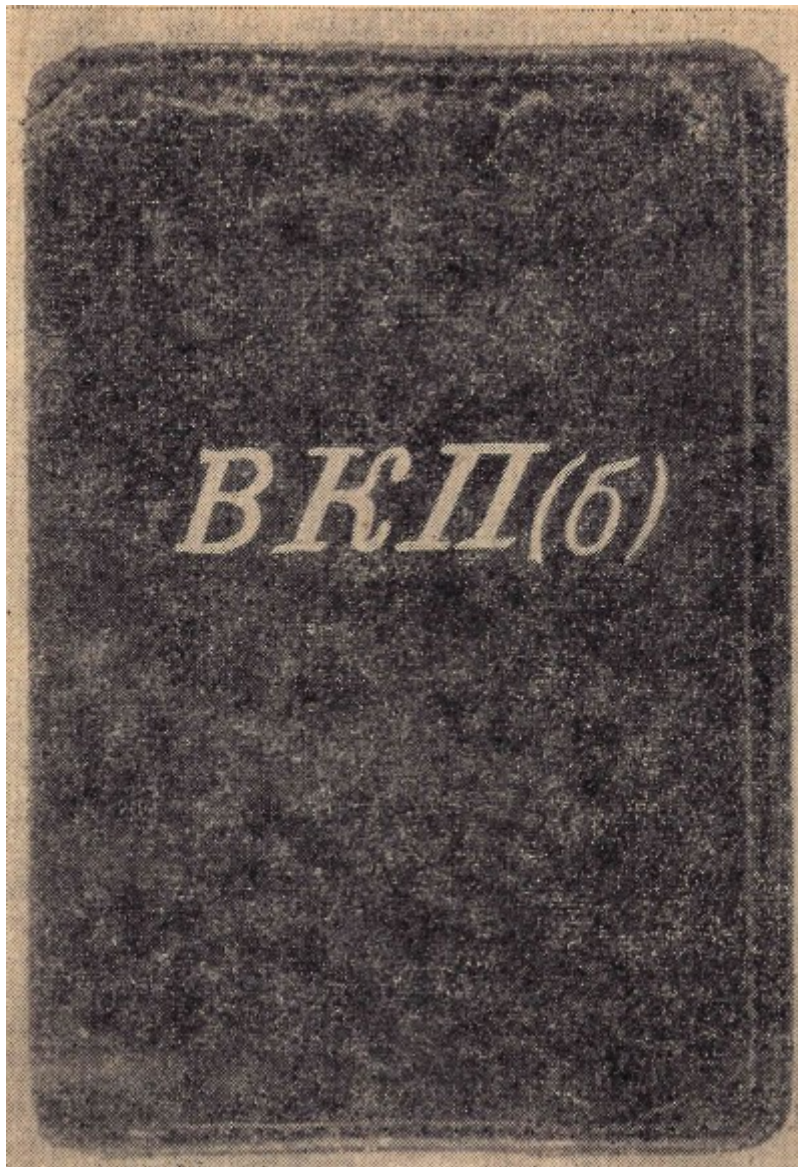

И. И. Купряшин. 1968 г.

Рассказав о себе, Иван Иванович достал из кармана пиджака свой партийный билет в поношенной кожаной обложке и сказал:

— Вот в этой обложке Александр Яковлевич Юневич отдал мне партийный билет с вложенной в него фотографией. Прошу передать в музей. — Он вынул свой партбилет и подал обложку мне.

Я поблагодарил Ивана Ивановича и обещал передать обложку в музей Краснознаменного Северного флота.

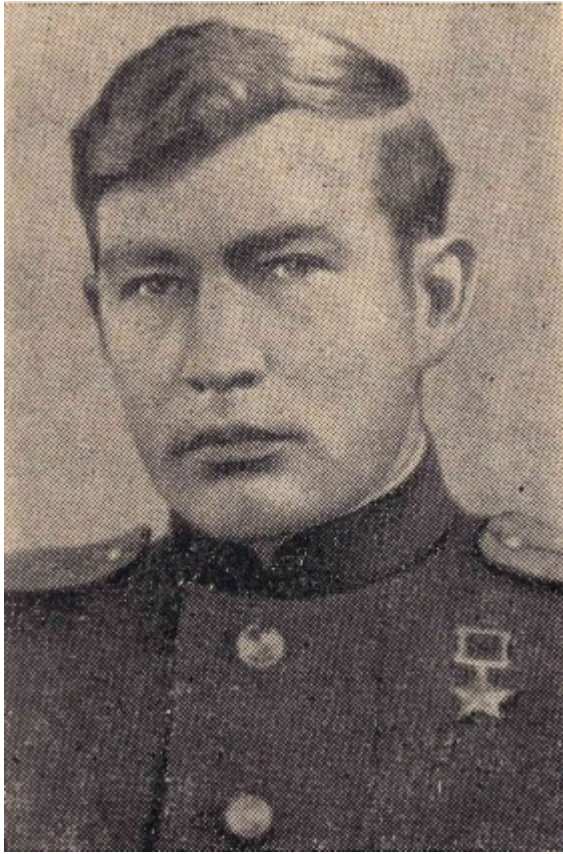
Обложка партийного билета А. Я. Юневича

После долгой беседы и просмотра привезенных мною документов и фотографий не вернувшихся из десанта разведчиков Купряшин заметил:

— Награды и почести отданы еще не всем и не все. И памятники не всем стоят. Нет его и отряду Юневича. Я верю — будет такой памятник на месте высадки. Там, где шел последний бой.

Каждый день почта приносила что-то новое. Жил я в Ломоносове и не знал, что мимо моих окон каждое утро и вечер ходил на работу и домой бывший комсорг разведроты Юневича старший сержант Иван Баленко — теперь начальник цеха резиновых изделий фабрики «Рассвет».

Не знал я и дальнейшей судьбы своего школьного друга Николая Симонова. А письма рассказали. Капитан Николай Дмитриевич Симонов погиб в октябре сорок четвертого при прорыве вражеской обороны на Муста-Тунтури.

И. П. Барченко. 1945 г.

А. М. Крылов. 1950 г.

— Достоинно мстили врагу за смерть друзей и своего командира оставшиеся бойцы отряда Юневича. В боях за освобождение Печенги новый их командир Иван Павлович Барченко удостоен был высшей награды Родины — звания Героя Советского Союза, а все остальные награждены орденами и медалями.

С честью пронесли свои боевые знамена двенадцатая, шестьдесят третья бригады морской пехоты и сто четвертый пушечный артиллерийский полк до самой норвежской границы, получив боевые ордена и наименование Печенгских. Двести пятьдесят четвертая бригада была расформирована для пополнения этих частей.

М. К. Пашковский. 1941 г.

М. К. Пашковский. 1965 г.

В Одессе многим знакомо имя генерал-майора в отставке Алексея Максимовича Крылова. Демобилизовавшись, он не пошел ловить бычков, как советовали ему врачи. Пошел в ДОСААФ. А. М. Крылова избирают депутатом городского Совета, назначают нештатным заведующим отделом торговли. Должность эта хлопотная — молодым да здоровым под силу, но оказалась по плечу и Алексею Максимовичу. Крылов часто бывал у солдат и матросов, на предприятиях, в учреждениях. Рассказать ему есть о чем. За плечами путь от красногвардейца до генерала. Погони за кулацкими бандами на Владимирщине. Бои с деникинцами под Орлом и Мценском. Учеба на московских курсах имени ВЦИКАа, год 1919. Охрана рабочего кабинета Владимира Ильича Ленина.

*В. В. Рассохин. 1942 г. (Фото из фондов
Центрального военно-морского музея)*

В. В. Рассохин. 1966 г.

По-разному сложились судьбы ветеранов сто тридцать пятого полка. Михаил Казимирович Пашковский после расформирования полка принял на Западной Лице пятьдесят вторую стрелковую дивизию, которая, после ряда успешных боев была переименована в десятую гвардейскую дивизию, а командир стал генералом. В его дивизии одним из полков командовал подполковник Амвросов (бывший комбат-3 сто тридцать пятого полка) — там и погиб. Через некоторое время Пашковский — уже заместитель командующего тридцать второй, а затем тридцать девятой армией. Заканчивает войну в Кенигсберге и в составе тридцать девятой армии участвует в разгроме Квантунской группы войск на Востоке. С должности заместителя командующего Сибирским военным округом ушел в отставку. Скончался в 1970 году.

А. П. Боровиков. 1942 г.

Подполковник Савелий Александрович Касатый после войны несколько лет служил военкомом в городе Темиртау в — Казахстане. На своей Вологодчине много лет служил, тоже военкомом, подполковник Александр Николаевич Илюшичев. Подполковник Иван Григубов служил в Кронштадте. Майор Василий Павлович Дымский до недавнего времени продолжал службу в кадрах Военно-Морского Флота.

Дороги привели меня и к генералу Рассохину. Много наслышавшись о нем на Рыбачьем, я представлял его себе богатырем — под стать генералу Кабанову. На самом деле Рассохин оказался человеком среднего роста. Седьмой десяток лет подходил к финишу, а лицо Василия Васильевича сохранило черты нестареющего деятельного человека. В начале войны довелось ему с наспех сформированной из архангельских поморов двенадцатой бригадой морской пехоты девяносто дней и ночей противостоять отборным частям двадцатой лапландской армии гитлеровцев. Затем он разработал и осуществил пятнадцать десантных операций, прорвал трехлетнюю оборону немцев на Муста-Тунтури, дошел с боями до Норвегии...

Монумент в честь артиллеристов Рыбачьего в Североморске

Искренне обрадовавшись встрече с рыбакинцами, Василий Васильевич положил на стол пухлую папку документов и фотографий с Рыбачьего. Он будет писать о двенадцатой Краснознаменной Печенгской, и я по-доброму позавидовал ему. Ветераны этой бригады славно трудятся и по сей день, вернувшись к мирной жизни. В Ленинграде работает в научно-исследовательском учреждении конструктором полковник запаса Герой Советского Союза Иван Павлович Барченко. Бывший друг Юневича капитан второго ранга запаса Иван Георгиевич Шепетьев осуществил свою мечту — преподает в одном из учебных заведений — почетный математик города Ленинграда. В городе на Неве живут полковник в отставке Андрей Прохорович Боровиков и подполковник Николай Иванович Грачев.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Бессмертный подвиг разведчиков отряда капитана Александра Яковлевича Юневича у самого северного советского пограничного знака явился основной причиной написания этой книги — повести о сорока четырех, из которых тридцать семь были коммунистами и комсомольцами.

Для меня память бесстрашных сорока четырех тем более дорога, что двенадцать из них некогда были бойцами моего минометного взвода, а многие другие хорошо известны по совместным рейдам в тылы врага и дальнейшим боям на Рыбачьем.

Мысль написать книгу родилась давно. Однако служба в кадрах Военно-Морского Флота не оставляла времени для такой работы. Потом сковала болезнь. Боялся, не хватит сил. Помогло стечение обстоятельств. Известный советский поэт-балтиец Всеволод Азаров, зная о моей причастности к десантным боям в Заполярье, посоветовал:

— Кому как не тебе, лично воевавшему на Севере, написать о своих друзьях-разведчиках... А потом, 8 мая 1967 года, Всеволод Борисович пригласил меня в Петродворец на вечер, посвященный Дню Победы и 26-й годовщине со дня героического десанта в Петергоф.

В то время Всеволод Азаров с Андреем Зиначевым заканчивали работу над книгой «Живые, пойте о нас...». На вечер съехались, кроме ветеранов битвы за Ленинград, пять бывших моряков, считавшихся погибшими в петергофском десанте. Я стоял в стороне и смотрел на этих в прошлом бравых парней: кто на протезах, кто без рук, кто с отметинами войны на лицах. Не тая слез, они обнимались, а я вспоминал своих ребят: молодых, сильных, красивых, веселых, смелых и — «пропавших без вести».

Эта встреча и пробудила во мне решение заняться судьбой своих друзей, тем более, что о самом Юневиче ничего, кроме газетных очерков, опубликовано не было. А если появлялось, то, к сожалению, как рассказывает об этом единственный оставшийся в живых десантник А. И. Бакин, в искаженном виде.

Бывший командир береговой батареи Федор Поночевный в мемуарах «На краю земли советской» сообщает, что огонь на себя вызвал сам Юневич. Бакин это отрицает. Юневич погиб на первом этапе боя. Огонь вызывал радист Дмитрий Постовалов по приказу лейтенанта Патракова, оставшегося за командира отряда, когда все другие офицеры уже погибли.

В истории шестьдесят третьей бригады морской пехоты, написанной в ноябре 1944 года, говорится, что Юневич оставался с отрядом до конца и руководил боем. Причем в «Истории» имеется сноска, что это подтверждается рассказом старшины 2-й статьи А. И. Бакина, радиogramмами, показаниями пленных, документами наблюдательного пункта.

А. И. Бакин категорически отрицает это. Не помнят такого рассказа лейтенант Александр Назарьевич Синцов и старшина Петр Михайлович Роговой, неоднократно навещавшие Бакина в госпитале в Озерках и беседовавшие с ним о подробностях того боя.

Неубедительна также запись «историка» и относительно подтверждений пленными и документами наблюдательного пункта. Здесь явное противоречие здравому смыслу. Почти

за десять километров с наблюдательного пункта полуострова Среднего (в том числе и нашего), кроме вспышек и клубов дыма, вряд ли что-либо можно было увидеть, не говоря уже о возможности отличать капитана Юневича от лейтенанта Патракова. Пленные, которые были взяты и доставлены на Рыбачий группой Кравцова, прикрывавшего действия Юневича в четырех-пяти километрах справа, тоже не могли знать таких подробностей.

Что касается радиogramм за подписью Юневича, Бакин полагает, что Анатолий Патраков давал их от имени Юневича потому, что наше командование знало его, а не Патракова. Подчиненный достойно продолжил подвиг командира, мстя врагу до последнего вздоха.

В «Истории» также отмечается, что в данной операции особо отличились разведчики Колпинский и Табачук.

И Бакин, и Купряшин, и Роговой не помнят в своем отряде таких. Возможно, они были в группе Кравцова.

Некоторые утверждают, что радистом в отряде Юневича был Григорий Набока из двенадцатой бригады. Ее командир генерал Рассохин говорит:

— Отряд СОРа в своем составе имел достаточное количество специалистов разных профилей: саперов, связистов и даже минометчиков. Поэтому не было нужды брать связистов со стороны, тем более в такую малочисленную группу, из двух взводов. Приказа об откомандировании связиста я не помню. Центральный военно-морской архив тоже не располагает документами, подтверждающими участие Григория Набоки в этом отряде.

Читатели спросят: как быть с численностью отряда — сорок восемь или сорок четыре?

В Центральном военно-морском архиве имеется список на сорок четыре человека. Эта же цифра сохранилась в памяти бывшего замполита отряда И. И. Купряшина и старшины П. М. Рогового, хотя бывший командующий СОРом генерал С. И. Кабанов утверждает, что их было сорок восемь.

Ветераны-рыбачинцы, прочтя эту книгу, огорчатся: почему так скромно сказано о замечательных людях двенадцатой, шестьдесят третьей и двести пятьдесят четвертой бригад морской пехоты? Какова их дальнейшая судьба?..

Это — особая, тоже не менее благородная тема дальнейшей работы. Пока в мою задачу входило рассказать о самых близких, о тех, с кем пришлось делить и горечь потерь, и радость побед, стыть в сырых окопах, в снегу, коптиться в блиндажах и землянках, о тех, кто вносил свой вклад в нашу общую победу над немецким фашизмом.

Каждый, с кем я встречался, когда собирал материал для книги, и кто присылал отклики на повесть «Я знал их такими...», опубликованную в «Севере» (1973. 1 и 2), глубоко убежден, что недалек теперь тот день, когда мы станем свидетелями открытия памятника-obeliska на месте высадки отряда капитана А. Я. Юневича и посмертного награждения героев.

Писатель Газим Аллаяр из Уфы, опубликовавший в «Советской Башкирии» 5 января 1974 года рецензию «Бессмертный подвиг», сообщает в письме: «Среди 48 героев — трое мои земляки. Это — Фатхетдинов Хабетдин Хамаевич, Лахмастов Александр Иванович и Червяков Николай Никонорович. Вы очень справедливо и правильно ставите вопрос об

увековечении памяти защитников Севера и о посмертном их награждении. Я как участник войны целиком и полностью поддерживаю Вас, присоединяю свой голос к этому важному вопросу».

Мурманский облвоенкомат мне сообщил, что памятник такой уже заказан, установлен будет в Пумманках — там, откуда уходил отряд на катерах. На месте высадки ставить его не имеет смысла, поскольку туда нет подъездных дорог.

Вот еще одно письмо:

Обращаюсь к Вам под свежим впечатлением от прочитанной повести «Я знал их такими...». Вторая часть повести о героической гибели Юневича и его отряда имеет прямое отношение ко мне, поэтому и пишу Вам с благодарностью за то, что, наконец, восстановили истину...

Да, и я знал их такими. В Вашей повести есть такой диалог:

« — Почему они а не мы?

— Чем белозеровский взвод лучше синцовского?»

Действительно, в поход должны были идти два взвода — мой («синцовский») и Толи Патракова под общим командованием А. Юневича. За два дня до похода меня вызвали в штаб Северного флота, поэтому мой взвод был оставлен. Я возвратился на Рыбачий в тот день, когда сняли Бакина с плота. Тогда же мы вместе с Роговым Петром Михайловичем отправились к нему в госпиталь, чтобы узнать, что произошло. Тогда он и рассказал нам о гибели отряда и обстоятельствах своего спасения. В динамике войны Бакин был забыт.

Шли годы. И вот в 1965 году, находясь в Рязани на жительство, я получил из Мурманского издательства отзыв на мой очерк «Штурм Крестового», помещенный в сборнике «Это было на Крайнем Севере». Автор рецензии (Л. Е. Ф.) обвинял меня в том, что я, поместив в своем очерке рассказ Бакина о его спасении, тем самым возвел его в ранг героя. В действительности же, как утверждалось в рецензии, дело обстояло совсем не так...

Я ответил, что рецензия (она была озаглавлена «Платон, ты мне: друг, а истина дороже») явилась для меня поразительной новостью; что же касается «исправления» ошибки, то, по сути дела, исправлять-то нечего — расскажет всезнающее время. И вот это время пришло. Ваша повесть на моем столе... Бакин, действительно, героический человек, и я лелею надежду с ним еще встретиться... Мне писали многие из родственников, погибших, спрашивали: где их могила, где Бакин? А что я мог ответить?.. Теперь ответ дала Ваша повесть. Это хорошо, даже очень хорошо, хотя и слишком печально...

— А. Н. Синцов, подполковник в запасе

Этой — книгой я во многом обязан поэту Всеволоду Азарову, работникам Центрального

военно-морского архива, — музея Краснознаменного Северного флота и всем, кто любезно предоставлял мне материалы.

Я с благодарностью отнесусь к тем читателям, которые дополнят мою повесть о сорока четырех героях-рыбачинцах отряда Юневича документами и личными воспоминаниями, а также выскажут замечания и пожелания.

Автор